

М. А. ХАЧЕТЛОВ

**ЗАПИСКИ
КАБАРДИНСКОГО ИНЖЕНЕРА**

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

г. НАЛЬЧИК

К ОСОБЕННОСТЯМ ВТОРОЙ ЧАСТИ «ЗАПИСОК...»

Суть и характер процессов перестройки – масштабного реформирования многих сторон общественно-политической жизни в СССР, развернутого в стране во второй половине 1980-х годов по инициативе нового руководителя Советского Союза Михаила Горбачева, подробно освещены в моей монографии «Процессы технологической модернизации в России: история, опыт и проблемы» (г. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012). Повторно их излагать я не буду.

Здесь же хотел обратить внимание читателя на следующее. Во-первых, это то, что глубинные процессы перестройки почти до конца 1980-х годов во многих регионах СССР, в том числе и в нашей КБАССР, проявляли себя с большой долей инерционности, т.е. исключительно медленно и не в полной мере. Например, характер работы областного комитета КПСС к концу 1989 года мало отличался от подобных принципов 1985 года. Коммунистическая партия продолжала руководить всеми системами власти, структурами производственно-хозяйственной деятельности, сельскохозяйственного производства, культурой, просвещением и т.п., в том числе районными и сельскими советами. В этих областях государственной системы управления о какой-то влиятельной роли Верховного Совета республики в то время и речи не могло быть.

Во-вторых, тем не менее с формированием нового состава Верховного Совета КБАССР весной 1990 года, а также с началом чуть ранее активной деятельности национальных общественных организаций «Адыгэ Хасэ», «Тере» и ряда республиканских демократических партий вопросы реальной перестройки в Кабардино-Балкарском обществе приобрели острый дискуссионный характер, который зачастую перерастал в положение определенной политической напряженности.

Подобная ситуация в общественно-политической жизни в нашей республике со временем повлекла за собой возникновение таких резонансных политических событий, что, по нашему мнению, похожие процессы не имели места ни в одном регионе РСФСР.

В своих «Записках...» я постарался хронологически изложить характер проявления наиболее острых общественно-политических событий, произошедших в Кабардино-Балкарии в 1990 – 1993 годах, свидетелем и участником которых мне приходилось быть лично.

Я отдаю себе отчет в том, что содержание этой части «Записок...» определенной частью современной общественности республики будет встречено неоднозначно. Оно также ожидаемо не будет принято объективно бывшими руководителями определенных структур власти в описываемый период времени. Хотя здесь использовано слово «бывшими», но, как ни печально для большинства населения республики, основной костяк той государственной власти первой половины 1990-х годов никуда не делся. Он продолжает жить и здравствовать и по сей день.

Но историю делают правдивой не субъективно мыслящие отдельные личности, а сохранившиеся официальные документы периода прошедших времен. По меткому выражению С. Бейтуганова, «язык документов незаменим».

В этой части книги я старался при оценке событий 1990 – 1993 годов, происходивших в Кабардино-Балкарии, опираться исключительно на сохранившиеся архивные документы, с которыми любой читатель может ознакомиться в соответствующих фондах республиканского архива (Р17).

ГЛАВА VIII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

8.1. Выборы в Верховный Совет (ВС) КБАССР. Первый год работы ВС. Принятие Декларации о государственном суверенитете КБАССР

Все началось с выборов в Верховный Совет КБАССР в 1990 году. Коллектив нашего комбината «Эльбрус» предложил мне баллотироваться в высший представительный орган республики. Взвесив все «за» и «против», я дал согласие участвовать в выборах.

Но как только моя кандидатура была зарегистрирована по одному из избирательных округов г. Нальчика, в кругах областного и городского партийных аппаратов мне дали понять, что мое участие в выборах высшего властного органа даже на альтернативной основе является нежелательным.

Меня пригласил первый секретарь Нальчикского горкома КПСС Г. Губин и с ходу предложил снять с выборов свою кандидатуру.

Я знал, что моя фамилия никогда не числилась в перспективных кадровых списках партаппарата по любой сфере деятельности. Я был достаточно осведомлен о том, что руководителем комбината «Эльбрус» стал под воздействием вынуждающих обстоятельств, вопреки воле определенных влиятельных кругов партийной власти республики. С Геннадием Губиным у нас состоялся довольно острый разговор, в ходе которого он заявил, что выборы мне никогда не выиграть. Поэтому не стоит зря энергию тратить. На что я ответил – посмотрим.

Со мной по избирательному округу баллотировались генеральный директор ПО «Телемеханика» Анатолий Ахохов, начальник отдела высокогорного института профессор Магомет Абшаев и один рабочий из управления связи республики.

Анатолий Хажмусович Ахохов в течение длительного времени являлся

исключительно успешным руководителем одного из самых передовых производственных предприятий КБАССР – ПО «Телемеханика». Он обладал званием Героя Социалистического Труда, причем был единственным Героем среди руководителей в промышленности республики за всю ее историю. Естественно, авторитет А.Х. Ахохова в руководящих партийных органах был высочайшим. И я, конечно, понимал, что успешно конкурировать с таким кандидатом и добиться при этом выигрыша на выборах практически невозможно.

Тем не менее решил проверить свои силы на политическом поприще. Я в принципе ничего не терял, проиграть такому конкуренту, как Ахохов, было естественным исходом в нашем избирательном округе. Никто бы на это особого внимания не обратил, а я бы приобрел соответствующий политический опыт.

В то же время перед выборной кампанией у меня не было упаднического настроения, что нет никаких шансов выиграть.

При этом, если проанализировать характер трансформаций в советском обществе во второй половине 1980-х годов, ставших следствием инициированной М. Горбачевым реформы – перестройки, нельзя было не заметить то, что идея необходимости серьезного изменения во взаимоотношениях власти и широких масс населения стала овладевать умами простых людей. И они начали задумываться над тем, как власть будет решать годами накопившиеся проблемы для простого советского гражданина, в том числе вопросы низкого уровня семейного дохода, неудовлетворительного состояния жилищно-бытовых условий, на долгие годы затянувшегося дефицита целого ряда продовольственных товаров и других товаров повседневного спроса. Одним словом, повышение уровня жизни людей было их главной заботой. И им необходимо было, чтобы новая власть, в лице будущего Верховного Совета, была ориентирована на решение упомянутых проблем.

В ходе предвыборной кампании при встречах я предлагал избирателям в своих наставлениях в адрес кандидатов в народные депутаты республики предусматривать необходимость решения конкретных вопросов для простых людей. И эти моменты были основным содержанием моей избирательной программы.

Я встречался с избирателями в неформальной обстановке – во дворах

жилых домов, в общественных местах, сам один посещал трудовые коллективы, школы, учреждения.

На собраниях трудовых коллективов, устраиваемых избирательным округом, как правило, присутствовали только доверенные лица Ахохова. Их агитация в пользу Ахохова была перегружена информацией о трудовых успехах ПО «Телемеханика» под его руководством. Для избирателей, конечно, это, пожалуй, не являлось той важной проблемой, решение которой они ждут от будущей законодательной власти.

Уже ближе к концу избирательной кампании при одной очной встрече я сказал Анатолию Ахохову, что он может проиграть выборы. Видно было, что к моим словам он отнесся несерьезно.

В итоге выборы по нашему избирательному округу я выиграл уже в первом туре.

Тем не менее Анатолий Ахохов не остался без депутатского мандата. Его кандидатура была оперативно перерегистрирована по другому избирательному округу г. Нальчика, где он без труда выиграл и стал народным депутатом республики.

Несмотря на то что выборы в Верховный Совет республики впервые проходили на альтернативной основе, партаппарат оставался в полной уверенности, что депутатский состав высшего властного органа республики должен формироваться по его «правилам». В действительности так оно и получилось. Большинство депутатов Верховного Совета республики 12-го созыва было скомплектовано из послушных партаппаратчиков, советских работников, председателей колхозов, номенклатурных рабочих и представителей интеллигенции. Другие лица, в том числе и я, выпадающие из номенклатуры партийного аппарата, в общей численности депутатов Верховного Совета составляли менее 10 %.

С первых дней работы сессий Верховного Совета я стал выступать за необходимость демократических преобразований в республике. За учет в этих преобразованиях интересов простых избирателей, за справедливое решение социальных вопросов. За освобождение советских органов и хозяйственников от опеки партийного аппарата за упразднение практики вмешательства партийных органов в работу высшего властного органа республики – Верховного Совета. Исходя из своей предвыборной программы, ратовал за реформирование экономики республики,

необходимость значительного увеличения производства товаров народного потребления в Кабардино-Балкарии.

Таким образом, мое участие в общественно-политических мероприятиях в первой половине 1990-х годов в основном связано с работой в качестве народного депутата в Верховном Совете КБАССР (КБССР) и в общественной организации «Адыгэ Хасэ», а впоследствии в специальном органе кабардинского народа – «Конгрессе кабардинского народа».

Следует отметить, что время работы Верховного Совета КБАССР (с 1991 года КБССР) двенадцатого созыва (1990 – 1993), без сомнения, вошло в историю нашей республики как период серьезных коренных преобразований по многим направлениям в системе государственного управления, а также общественно-политической жизни ее населения, основными составляющими которых явились:

- крушение партийно-административной системы политического управления государственными органами, экономикой, советами и общественными организациями;
- возрождение глубоко национального самосознания коренных народов КБАССР – кабардинцев и балкарцев, пересмотр оценки исторического прошлого своих народов, формирование ими идеи сохранения своей национальной идентичности на долгую историческую перспективу;
- возникновение в обществе возможности обсуждения разновариантных форм жизнеустройства людей, населяющих республику.

Нет сомнения также в том, что упомянутые выше трансформации во многих областях государственного управления и общественной жизни в нашей республике во многом явились результатом глубоких общественно-политических преобразований, имевших место в конце 1980-х – начале 1990-х годов в Советском Союзе и РСФСР.

На первом заседании первой сессии Верховного Совета по предложению Владимира Тлостанова Председателем Верховного Совета КБАССР был избран первый секретарь областного комитета КПСС В. М. Коков. За Кокова было подано 133 голоса, против 8 голосов. Перед голосованием в поддержку В. М. Кокова выступили народные депутаты А. Будаев, Н. Бозиев и Е. Зелинская.

Поддержав кандидатуру Кокова, депутат Будаев от имени всей группы депутатов-балкарцев поставил ряд вопросов в целях устранения в будущем

сложившейся, на взгляд балкарских депутатов, практики ущемления интересов балкарского народа в системе управления республикой, заключавшейся в том, что: во-первых, не обеспечивается паритетное представительство депутатов балкарской национальности в органах Верховного Совета РСФСР и КБАССР; во-вторых, отсутствует паритет для балкарского народа во всех органах исполнительной власти республики.

Эти и подобные им проблемные вопросы со стороны балкарских депутатов сопровождали почти каждую сессию Верховного Совета нашей республики двенадцатого созыва.

На этом же первом заседании уже под председательством В. Кокова первым заместителем и заместителем Председателя Верховного Совета были избраны соответственно Б. К. Чабдаров и Ю. В. Чепурков, а также назначен Председателем Совета Министров КБАССР М. Ш. Мамхегов. Мамхегову же было поручено подготовить предложения по составу членов Правительства КБАССР.

Само собой разумеется, что выбранные и назначенные на высокие должности лица не имели никаких альтернативных кандидатур. В то же время ни Валерий Коков, ни Михаил Мамхегов перед их назначением на должности руководителей республики не выступили с какими-либо программами на Верховном Совете.

Известно, что к 1990 году в экономике Советского Союза вопросы разбалансирования многих составляющих финансово-бюджетной системы страны уже приобрели острый характер.

В проекте Правительственной программы СССР по формированию регулируемой рыночной экономики состояние экономики страны характеризовалось следующим образом: «Кризис в сфере материального производства усугубляется расстройством финансов государства и денежного обращения, нарастанием товарно-денежной разбалансированности, усилением инфляционных процессов. Бегство от денег, ажиотажный спрос, тотальный дефицит товаров, жесткое рационирование распределительных отношений означают, что экономика близка к развалу»¹.

Совет министров КБАССР на сессии Верховного Совета республики решил изложить свое концептуальное отношение к озвученной программе Правительства СССР по формированию структуры и механизма

регулируемой рыночной экономики в стране.

С докладом на эту тему на сессии Верховного Совета 27 августа 1990 года выступил Председатель Совета Министров КБАССР Михаил Мамхегов.

Известно, что указанная программа союзного Правительства не могла быть реализована в жизни из-за наличия в ней ряда непоследовательных, противоречивых, половинчатых концепций, в том числе из-за отсутствия в этой программе основополагающего принципа рыночной экономики – введения свободных цен на подавляющее большинство продукции отраслей материального производства экономики страны.

---

¹ Правительственная программа формирования структуры и механизма регулируемой рыночной экономики // Известия. 1990. Сентябрь.

В этих условиях сложно было ожидать в отдельно взятом регионе страны, каким является наша республика, появление возможностей разработки каких-то эффективных мероприятий для перехода к рыночной экономике. Тем не менее к тому времени в СССР уже имелись разработанные определенные законодательные акты, минимально необходимые для перехода к рыночной экономике. В то же время эти экономические нормативные акты требовали конкретной доработки в региональных условиях. В нашей республике исполнительной властью подобная работа не велась и не планировалась.

К сожалению, подготовленные Правительством КБАССР «Мероприятия по подготовке народного хозяйства республики по переходу на регулируемую рыночную экономику с 1 января 1991 года» имели декларативно-директивный характер. Мало было в них планов конкретных действий.

Народные депутаты П. Иванов, Б. Тлапшоков, М. Шокуев и другие подвергли представленные Правительством республики меры по переходу к рыночной экономике серьезной критике.

Так, депутат Б. Тлапшоков, главный врач республиканской клинической больницы, отметил: «... В каком положении находится сегодня здравоохранение, вы знаете, тем не менее приведу несколько примеров. Если в США в год 420 млрд долл. составляют ассигнования на здравоохранение, а это 10,7 % от национального дохода, то у нас в стране этот показатель

составляет 27 млрд рублей, то есть 3,1 % от национального дохода. Средняя продолжительность жизни в США на 10 лет больше, чем у нас, в Японии – на 12, во Франции на 11... Детская смертность сегодня у нас 24 процента, а в США – 12, в Японии – 9... И в таком положении здравоохранение находится не потому, что научно-технический арсенал страны не позволяет сделать то, что есть в других странах. Во всех капиталистических странах такую медицинскую аппаратуру изготавливает военная промышленность, а у нас в стране создали еще одно министерство – Министерство микробиологической промышленности, которое производит такую аппаратуру, которую нельзя использовать...не откладывая необходимо разработать программу о переводе здравоохранения в многоукладность, в страховую медицину...».

Я в своем выступлении по предложенным Правительством КБАССР мерам по переходу к регулируемой рыночной экономике отметил, что предложенная программа не в состоянии решить серьезные проблемы экономики республики к рыночной системе ее организации.

Второй сессией Верховного Совета КБАССР в августе 1990 года было принято важное постановление «О механизме народовластия в КБАССР»:

1. Государственная власть в КБАССР осуществляется народом непосредственно или через представительные органы власти.

Основной задачей органов государственной власти и управления является служение народу, обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан.

2. В Кабардино-Балкарской АССР не допускается совмещение должности руководителя государственного органа власти и управления с любой другой должностью, в том числе в политических и общественно-политических организациях.

3. Поручить Президиуму Верховного Совета и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР подготовить предложения о структуре местных Советов и их исполнительных органов.

Данное постановление базировалось на соответствующем постановлении Съезда народных депутатов РСФСР и являлось важнейшим моментом процесса политических преобразований в системе организации государственного управления в республике.

Председатель Верховного Совета В. Коков после объявления результатов голосования, оказавшегося единогласным за данное

постановление, заявил следующее: «В связи с принятием постановления хочу сказать, что если с сегодняшнего дня мне, как Председателю Верховного Совета и первому секретарю обкома КПСС, нельзя совместить эти две должности, я сделаю на ближайшем пленуме областного комитета партии соответствующее заявление...».

Подобный выбор между двумя должностями, без всякого сомнения, В. Коковым был сделан для себя еще ранее, до принятия соответствующего постановления Верховного Совета КБАССР. Действительно, вскоре на пленуме обкома КПСС В. Коков был освобожден от должности первого секретаря обкома партии, а первым секретарем был избран Борис Зумакулов. На этом же пленуме вторым секретарем обкома КПСС был избран народный депутат КБАССР Владимир Сохов.

На второй сессии Верховного Совета КБАССР было сделано сообщение о проекте Декларации о государственном суверенитете КБССР. С информацией по данному вопросу выступил председатель комиссии по подготовке проекта Декларации Владимир Калиметович Тлостанов.

Подготовленный комиссией проект Декларации о государственном суверенитете КБССР был обсужден в постоянных комиссиях Верховного Совета специальной депутатской группой «Радикальная реформа», а также в ряде общественных организаций республики.

Рассмотрение проекта Декларации на заседании Верховного Совета проходило в достаточно дискуссионной, острой форме. Президиумом Верховного Совета изначально предложено было депутатам одобрить проект без обсуждения, а его обсуждение провести на следующей сессии Верховного Совета.

Безусловно, Декларация о государственном суверенитете, проект которого предстояло принять Верховным Советом, в то время представляла собой важнейший общественно-политический документ. Необходимость его принятия в оперативном порядке диктовалась сложившейся в то время (вторая половина 1990 года) острой общественно-политической ситуацией в СССР. Во-первых, к этому моменту Декларация о государственном суверенитете была провозглашена всеми союзными республиками Советского Союза, а также большинством автономных республик, входящих в состав РСФСР. При этом, как правило, автономные республики Российской Федерации поднимали свой статус до уровня суверенной республики.

Соответственно, проектом Декларации о государственном суверенитете наша республика была определена как Кабардино-Балкарская Союзная Социалистическая Республика.

Во-вторых, двухсубъектность нашей республики и все еще оставшиеся нерешенные проблемы, связанные с репрессивными актами против балкарского народа, а также проблемы трагических последствий для адыгского народа русско-кавказской войны требовали своего принципиального отражения в содержании будущей Декларации.

В результате дискуссий Верховным Советом было принято постановление:

1. Одобрить представленный проект Декларации о государственном суверенитете КБССР.
2. Организовать всенародное обсуждение проекта.
3. Опубликовать представленный проект Декларации, а также варианты к нему в республиканских газетах.
4. Поручить Президиуму Верховного Совета КБАССР обобщить результаты всенародного обсуждения с учетом альтернативных вариантов.

Доработанный таким образом проект Декларации о государственном суверенитете республики представить на рассмотрение сессии Верховного Совета КБАССР.

В то же время на второй сессии Верховного Совета с учетом поднятых народными депутатами проблемных вопросов, имевших место в ходе рассмотрения первоначального варианта проекта Декларации о государственном суверенитете КБССР, было принято постановление:

1. О Декларации Верховного Совета СССР: «О признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». В соответствии с этим постановлением отменялись все указы, постановления, решения Верховного Совета, Совнаркома республики, принятые в связи с незаконным выселением балкарского народа.
2. Об образовании комиссии по подготовке предложений о восстановлении районов Балкарии.
3. Об установлении Дня памяти адыгов – жертв русско-кавказской войны и насильственного выселения адыгского народа со своей исконной древней земли.

4. Об установлении Дня памяти жертв насилиственного выселения балкарского народа в 1944 году.

За все периоды работы Верховного Совета КБАССР (КБССР) двенадцатого созыва было несколько сессий, отличавшихся от других острым, резонансным характером. Это выражалось в первую очередь в разворачивании в ходе сессии острых, порою непримиримых дискуссий при обсуждении исключительно сложных политических и межнациональных или подобных им вопросов.

Третья сессия Верховного Совета КБАССР, состоявшаяся 29, 30 января и 1 февраля 1991 года, являлась одной из таких. На этой сессии рассматривался окончательный вариант проекта Декларации о государственном суверенитете КБССР.

К началу 1991 года комиссией проект Декларации был доработан с учетом состоявшегося в течение двух месяцев всеобщего обсуждения, а также предложений отдельных народных депутатов, депутатских групп и общественных организаций.

Владимир Тлостанов в своих комментариях обозначил несколько основных вопросов, раскрывающих суть идейного содержания Декларации.

Первый вопрос – это вопрос обоснования необходимости принятия Декларации о государственном суверенитете нашей республики. Основными аргументами за необходимость принятия Декларации следует считать следующие:

– на данное время КБАССР осталась в числе последних двух автономных республик в составе РСФСР, кто еще не принял Декларацию о государственном суверенитете;

– декларации сами по себе возникли по объективным причинам, суть которых сводится к тому, что на современном этапе развития наций, межнациональных отношений в процессе демократизации всей общественной жизни страны статус автономной республики выступает своеобразным тормозом экономического, социального, национального и национально-культурного развития этих национальных государств. Все идеи и принципы автономной национальной государственности, закрепленные в соответствующих конституциях, изжили себя. И на сегодняшний день требуется новый уровень их государственного статуса, новая степень самоопределения этих национально-государственных образований;

– в настоящее время ведется работа по подготовке Союзного и Федерального договоров, для участия в подписании которых нам необходимо иметь статус союзной республики.

Второй вопрос – это установление того, субъектом чего должна являться Кабардино-Балкарская Республика – только субъектом Советского Союза или должна быть еще субъектом Российской Федерации. Авторы проекта Декларации пришли к такому выводу, что с учетом сложившихся в течение длительного исторического периода экономических, политических, этнокультурных отношений между Россией и Кабардино-Балкарией однозначно следует предусмотреть в Декларации одновременную субъектность нашей республики как Советского Союза, так и Российского Федеративного государства. Такое положение поддержало большинство народных депутатов Верховного Совета, хотя в ходе дискуссии по этому вопросу некоторые горячие головы в пику Ельцину требовали отказаться нашей республике от вхождения в состав РСФСР.

Третий вопрос – это вопрос о том, каково должно быть внутреннее устройство самой Кабардино-Балкарии: единой, какой она была во все времена с момента ее образования в 1922 году или некой федеративной республикой, на которой настаивали некоторые депутаты, в основном балкарские. Но комиссия и ее председатель Тлостанов справедливо исходили из того, что федеративное устройство – это союз двух или более суверенных государств, каковыми ни Кабарда, ни Балкария не являются. Соответственно, Декларация в своей основе предусматривала единую, неделимую Кабардино-Балкарскую республику. В то же время, в проекте Декларации в соответствии с международными нормами по праву на самоопределение наций предусматривалось положение о праве выхода каждого субъектообразующего народа из Кабардино-Балкарской государственности.

Четвертый вопрос – это вопрос, связанный с принципом построения высшего законодательного органа государственной власти. В проекте Декларации имелась норма, согласно которой высший законодательный орган должен был представлять собой двухпалатную систему – палату республики и палату национальностей.

Вопрос формирования по принципу двухпалатной системы законодательного органа республики, как будет видно далее в наших «Записках...», впоследствии привел к возникновению острого политического

кризиса в работе Верховного Совета.

Пятый вопрос – это положение о восстановлении административных единиц районов Балкарии по состоянию на 1944 год.

Шестой вопрос – это вопрос о языках коренных народов республики – кабардинском и балкарском.

Представленный председателем соответствующей комиссии В. Тлостановым в доработанном варианте проект Декларации о государственном суверенитете КБССР был принят Верховным Советом за основу.

Далее было принято решение не открывать общую дискуссию по всему содержанию Декларации, а обсуждать отдельные ее разделы и при необходимости вносить в них поправки.

Когда обсуждение отдельных разделов Декларации дошло до третьего раздела – «Государственная власть», на сессии развернулась острые дискуссия. А. Аталиков от имени депутатской группы «Радикальная реформа» внес предложение – исключить абзац: «КБССР обеспечивает необходимое представительство кабардинского, балкарского, русского народов, также компактно проживающих национальных групп на территории республики в выборных органах Союза ССР, РСФСР и КБССР» – и оставить только: «В соответствии с обновленными законами КБССР, РСФСР и народных депутатов всех степеней». А. Аталиков в собственных комментариях давал аргументированное обоснование предлагаемой данной поправки к проекту Декларации: «Дело в том, что выборы народных депутатов СССР и РСФСР будут проходить по соответствующим законам о выборах народных депутатов СССР и РСФСР. Республика не в состоянии в нарушение этих законов по своему усмотрению провести эти выборные мероприятия. В обновленных законах, безусловно, будут предусмотрены механизмы, гарантирующие нашим согражданам реализацию прав быть избранными и избирать по своему усмотрению любого депутата из кандидатов по его деловым и моральным качествам...».

После непростых дискуссий по этому вопросу в тексте Декларации выражение «обеспечивает необходимое представительство» было заменено на выражение «создает возможности для формирования необходимого представительства...». Такая формулировка была принята депутатами единогласно.

Еще более остро проходило обсуждение другого положения третьего раздела Декларации, относящееся к принципу формирования высшего законодательного органа республики - Верховного Совета КБССР на принципах двухпалатной системы. Верховный Совет должен был состоять из двух палат - палата республики и палата национальностей. Палаты равноправные, т. е для принятия любого решения требовалось согласие обеих палат. Палата национальностей формируется на паритетной основе из представителей кабардинского, балкарского, русского народов. Обсуждение данного императива Декларации шло напряженно. «Радикальная депутатская группа» настаивала на том, что при унитарном построении Кабардино-Балкарской государственности организация высшего законодательного органа по принципу двухпалатной системы не приемлемо. Была предложена поправка – исключить из Декларации двухпалатную систему высшего законодательного органа.

Депутаты-балкарцы в ультимативной форме настаивали на сохранение в Декларации двухпалатной системы, так как, по их мнению, существующий порядок формирования Верховного Совета республики приводит к ущемлению интересов более малочисленного балкарского народа – это во-первых. Во-вторых, в то же время многие депутаты подчеркивали, что двухпалатная система законодательного органа является атрибутом федеративного устройства государственности, от чего согласованно отказались все депутаты Верховного Совета. Приводился еще такой аргумент: в многосубъектных республиках в составе РСФСР нигде не имело место наличие двухпалатного парламента. В-третьих, нельзя было отрицать, что к данной непростой проблеме комиссия по выработке Декларации подошла формально, без глубокого продумывания возможностей ее решения. Все вопросы, связанные с порядком формирования палат, их полномочиями, характером организации их работы и т.п. проблем, по мнению комиссии, должны были быть впоследствии проработаны в конституционных и других законодательных актах. Многие депутаты, не выяснив, как эти сложносплетенные проблемные вопросы впоследствии будут решены, отказывались поддержать норму по двухпалатной системе организации Верховного Совета республики.

В дискуссии при обсуждении положения Декларации по двухпалатной системе парламента республики участвовало более двадцати депутатов.

Мнение их разделилось примерно 50 на 50 процентов.

При голосовании поправка об исключении из Декларации двухпалатной системы на Верховном Совете не прошла. Из присутствующих (всего 160) 141 депутат проголосовал против поправки.

Когда закончилось обсуждение третьего раздела Декларации – «Государственная власть», председательствующий на заседании сессии В. Коков предложил голосовать теперь за принятие в целом всего третьего раздела Декларации.

Когда в государственных, да и в иных органах решение принимается методом голосования, процедурные нормативы порою могут преподнести неожиданные сюрпризы. Перед голосованием я попросил слово и напомнил, что для принятия третьего раздела в целом в соответствии с Регламентом Верховного Совета нужно, чтобы за него проголосовало 81 депутат (более половины от общего числа депутатов – 160). Одновременно депутат С. Нартоков внес предложение, чтобы голосование по третьему разделу было проведено поименно. Предложение Нартокова было поддержано.

После проведения поименного голосования по третьему разделу Декларации был объявлен перерыв на 40 минут. Многим депутатам такая процедура ведения заседания Верховного Совета не понравилась.

Подсчет голосов показал, что третий раздел Декларации, в котором предусмотрена норма о двухпалатном высшем законодательном органе республики, в представленной редакции депутатами не принят. За принятие этого раздела проголосовало 80 депутатов, т.е. для принятия положительного решения не хватило одного голоса.

Как только были оглашены результаты голосования, слово взял Далхат Мизиев, который от имени депутатов балкарской национальности выразил протест против решения Верховного Совета, вследствие чего они покинули зал заседания.

В ходе дальнейших дебатов выяснилось, что акт блокирования работы Верховного Совета, оказывается, был заранее задуман и спланирован. Об этом свидетельствовало заявление первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета республики Б. Чабдарова, который перед уходом с группой балкарских депутатов известил Верховный Совет о том, что утром, до начала работы сессии Верховного Совета, в Доме Советов собрались балкарские депутаты разных уровней власти в республике и ряда

балкарских общественных организаций. По словам Чабдарова, собравшаяся группа потребовала от него, чтобы он от имени балкарского народа огласил специальное заявление. В нем речь шла о трех пунктах Декларации – о порядке выборов депутатов во все представительные органы КБССР, РСФСР и СССР, о двухпалатном Верховном Совете республики и о восстановлении границ балкарских районов по состоянию на 1944 год. В заявлении было жесткое предупреждение в адрес депутатов Верховного Совета, что, если указанные вопросы не будут приняты в редакции, предусмотренной проектом Декларации, балкарские депутаты прекратят дальнейшее участие в работе Верховного Совета КБАССР.

«Это заявление не было оглашено перед началом работы сессии, – сказал Чабдаров, – потому что об этом настоятельно просил Валерий Мухамедович Коков... В ходе сессии, – продолжал Чабдаров, – я еле сдерживал себя, но удержался из-за уговоров Кокова. Но теперь я тоже ухожу!».

Здесь справедливости ради следует отметить, что заявление Б. Чабдарова о том, что небольшая группа депутатов, собравшаяся в Доме Советов, представляет интересы всего балкарского народа, является субъективным преувеличением сути вопроса. Ведь ни один избирательный округ при выборе депутатов Верховного Совета КБАССР, РСФСР и СССР не был сформирован по национальному признаку. В Верховном Совете республики никакие группы депутатов не позиционировали себя как «кабардинские» или «русские» депутаты.

В какую бы оболочку ни облачали себя инициаторы ухода с заседания сессии Верховного Совета, подобный поступок иначе как ультимативным требованием сложно было назвать.

Как подтвердили события, имевшие место в республике уже осенью 1991 года, конечной целью в тот исторический период большинства балкарских общественных объединений при полной поддержке всех депутатов балкарской национальности республики являлось создание отдельной от Кабарды Балкарской республики. Во имя достижения этой стратегической цели балкарские товарищи при принятии Декларации о государственном суверенитете стремились максимально предусмотреть в этом документе соответствующие моменты, какими являлись вопросы о границах балкарских районов, о двухпалатном Верховном Совете и о

порядке формирования представительных органов КБССР, РСФСР и СССР. Появление в проекте Декларации этих межнациональных проблемных положений в обсуждаемой редакции являлось серьезной уступкой националистически настроенной группе балкарских депутатов.

После ухода из зала заседания Б. Чабдарова и его балкарской команды в работе сессии был объявлен перерыв неопределенной продолжительности. А на переговоры с балкарской группой отправились Председатель Президиума Верховного Совета В. М. Коков, председатель Комиссии по выработке Декларации о государственном суверенитете КБССР В. К. Тлостанов, Председатель Совета Министров республики М. Ш. Мамхегов.

Какие закулисные переговоры имели место среди остальной группы депутатов во время перерыва сложно сказать. Тем не менее после возобновления работы сессии сначала прозвучало нерешительное предложение о создании согласительной комиссии. Участники переговоров известили депутатов, что с таким подходом решения проблемы согласны и балкарские товарищи. По предложению председательствующего В. Кокова приступили к формированию комиссии – стали озвучивать кандидатуры в ее члены.

В это время неожиданно депутат Ю. Шомахов от имени депутатов Прохладненского и Майского районов предложил отказаться от формирования согласительной комиссии и внес предложение переголосовать. Не было сомнений, что инициатива Ю. Шомахова явилась главным итогом закулисных переговоров во время перерыва. Председатели постоянных комиссий Беднев, Кулик, Сижажев, Шурдумов и ряд депутатов явочным порядком поддержали предложенную процедуру переголосования по третьему разделу Декларации. Большинством голосов депутатами было решено переголосовать принятное два часа тому назад решение. Результаты голосования были ожидаемы: теперь же за принятие третьего раздела Декларации, а по существу, за установление в будущем в республике двухпалатного Верховного Совета проголосовало 129 депутатов.

Следующая напряженная обстановка в работе третьей сессии Верховного Совета двенадцатого созыва возникла при рассмотрении пятого раздела Декларации о государственной независимости КБССР – «Территориальное верховенство».

Дело в том, что в этот раздел проекта Декларации был включен один из

важных вопросов – восстановление прав репрессированного в 1944 году балкарского народа. Проектом Декларации предусматривалась следующая норма: «Придавая важное политическое значение полному восстановлению суверенных прав балкарского народа, Верховный Совет республики считает необходимым решение вопросов о восстановлении административных районов Балкарии в границах, существовавших к марту 1944 года. Депутатская группа «Радикальная реформа» предложила принять эту норму, исключив из нее слова «в границах, существовавших к марту».

В любых правовых документах, рассматриваемых Верховным Советом, группа балкарских депутатов старалась предусмотреть территориально-национальную обособленность Балкарии. Мы выше отмечали, какая цель при этом преследуется, – принятие положения о том, что Балкария должна иметь установленную границу. Между тем подавляющее большинство кабардинских и многие русские депутаты исходили из того, что установление уже к концу XX века каких-то границ между Кабардой и Балкарией будет представлять столь сложное мероприятие, что оно будет чревато возникновением непредсказуемых межнациональных конфликтов.

Депутат В. Сохов внес предложение: в вышеприведенном абзаце пятого раздела Декларации убрать все слова, начиная со слов «в границах» и продолжить далее таким образом – «с учетом экономических, социальных, демографических особенностей, сложившихся за последний период». Многие депутаты выразили желание поддержать поправку В. Сохова. Против этой поправки выступили Б. Зумакулов, Д. Мизиев, М. Чочаев. Однако большинством голосов депутатов поправка В. Сохова была принята («за» – 135 депутатов).

По данному вопросу депутатом П. Ивановым была предложена еще одна принципиальная поправка. Она заключалась в том, что выражение «районы Балкарии» заменить на соответствующее «районы Кабардино-Балкарии». П. Иванов обосновал поправку достаточно аргументированными доводами: «...как только мы скажем административные районы Балкарии», тем самым мы превращаем это в национально-территориальный район, т.е. с обозначением «границ по национальному признаку». Действительно, предложенная поправка исключала определение границ районов по национальному признаку. Однако за поправку депутата Иванова проголосовало только 57 депутатов, что оказалось недостаточно для

прохождения поправки. Но как говорится в известной русской пословице, «пути господни неисповедимы».

После очередного перерыва работы сессии слово взял депутат З. Балкизов: «В нашей практике много случаев, когда мы возвращались к вопросу, по которому уже приняли решение... Когда мы голосовали перед перерывом за пятый раздел Декларации, многие не поняли, насколько значимы слова «Кабардино-Балкария» ... В 1944 году не только Балкария потеряла часть своей территории, потеряла ее и Кабарда... Я прошу высказаться депутатов еще раз по этому вопросу». Балкизов не был простым депутатом. Он был достаточно близок к группе единомышленников Председателя Верховного Совета КБАССР. Во всяком случае, без голосования депутатов Коков позволил вновь открыть дискуссию по выступлению Балкизова. Ранее непринятую поправку депутата Иванова по замене слова «Балкария» на слова «Кабардино-Балкария» дружно стали поддерживать депутаты Нахушев, Мурзаканов, Нартоков, Таов. Естественно, депутаты из группы «Радикальная реформа», от имени которой П. Иванов первоначально вносил соответствующее предложение, поддержали новую инициативу депутата З. Балкизова. По этому поводу я в своей реплике сказал: «Мне кажется, в непонимании данного вопроса имеется какая-то подоплека. Ведь изначально, когда был представлен доклад председателя комиссии, мы все согласованно отказались от нормы федеративности. Принимая решения, мы всегда должны иметь это в виду. Некоторые товарищи, делая обоснованность Балкарии, все время хотят подчеркнуть, что имеется элемент федеративности. Ни один выступавший здесь кабардинец не говорил, что Кабарда существует отдельно.

Мы все подчеркиваем, что мы – Кабардино-Балкария, и от этого статуса не отказываемся. Я не считаю, что в поправке, которая предлагается, есть какое-то ущемление. Ведь смысл этого абзаца в том, чтобы восстановить суверенные права балкарского народа. Но на какой территории? Конечно, на территории Кабардино-Балкарии. Здесь иного смысла нет. Я прошу этот абзац поставить на переголосование».

При переголосовании поправка, предложенная депутатом Балкизовым, была принята 133 голосами.

Еще на стадии первоначального ознакомления с проектом Декларации о государственном суверенитете КБССР многие депутаты выражали

беспокойство о состоянии родных языков коренных народов Кабардино-Балкарии – кабардинского и балкарского. Депутаты при этом подчеркивали мысль о необходимости наличия в декларации механизма защиты родных языков от возможных обстоятельств, обуславливающих угрозу их исчезновения в недалеком историческом будущем.

Проектом Декларации предусматривалось установление государственными языками КБССР кабардинского, балкарского и русского. В связи с этим депутат З. Налоев предложил в Декларации несколько изменить статус названных языков: «Государственными языками Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики являются кабардинский, балкарский языки. Русский язык остается языком межнационального общения». Далее Налоев обосновал: «Если мы три языка объявили государственными, то кабардинский и балкарский не будут государственными. Они отпадут сразу же. А нам очень важно... чтобы из наших школ никто не посмел изгнать наши родные языки. И, наконец, мы этим добьемся того, чтобы кабардинский и балкарский языки обрели вновь полноценное функциональное развитие. То положение, в котором они сейчас находятся, они – язык литературы, язык театра, язык обиходного общения. Только и всего. А есть еще много других функций, которые должны находиться у этих языков для того, чтобы они не деградировали, не развалились».

В. Тлостанов, председатель комиссии по выработке проекта Декларации о государственном суверенитете КБССР, с чувством глубокой заботливости комментировал проблемы, связанные с родными языками.

«Мы можем сказать, что русский, кабардинский и балкарский языки паритетные, но эта паритетность в реальной жизни реализуется по-разному. А как это получилось в Кабардино-Балкарии. А получилось следующее – эта паритетность, которая существует де-юре, де-факто не реализовалась. Ибо русский язык в условиях Кабардино-Балкарии занял господствующее (я не побоюсь этого слова) положение. Совсем не потому, что его, этот русский язык, кто-то насаждал из России, из Москвы. Если кто-то насаждал, то его насаждали прежде всего мы с вами, когда провели известный ряд реформ, связанных с системой образования, когда перевели начальную школу на русский язык, когда кабардинский, а потом балкарский (после возвращения) превратились в предмет в школе, а не средство обучения, особенно в

начальной школе. Вот тогда-то мы и положили начало тому, что национальные языки фактически были вытеснены в одну в основном сферу бытовых отношений... нас беспокоит судьба кабардинского и балкарского языков. Причем балкарцев судьба балкарского языка беспокоит меньше, чем судьба кабардинского – кабардинцев. И это имеет свои основания, ибо тюрко-язычные народы на территории Советского Союза – это такой мощный слой, что угрозы, что эти языки отомрут в течение 50 – 100 лет, никакой нет. По-другому обстоит дело с кабардинским языком, вообще с группой адыго-абхазских языков... Если мы не будем заниматься кабардинским, да и вообще адыгскими языками, то опасения, которые высказывают отдельные товарищи, имеют под собой реальную основу... Необходимо, чтобы эти языки получили условия, начинающиеся с утверждения их государственного статуса и подкрепленные соответствующими законами, мероприятиями, которые мы, носители языка, должны в определенной степени принудительно проводить не среди русских, а среди кабардинцев, балкарцев...

Закон о языке, прежде всего, специальные нормативные акты в системе управления и делопроизводства, и будет это на уровне государственных законов и за их выполнение придется нести ответственность вплоть до административной или, если хотите, уголовной, тогда этот механизм будет работать. Тогда мы расширим сферу функционирования этих языков, а следовательно – их функциональную нагрузку».

Наверное, мало кто будет отрицать, что Заур Налоев и Владимир Тлостанов в начале 1990-х годов в Кабардино-Балкарии являлись яркими представителями высокообразованных, глубоко эрудированных, авторитетных в сферах своей деятельности людей. Приведенные выше их мысли, взгляды, озабоченная позиция по проблемам состояния и будущего родных языков кабардинцев и балкарцев, озвученные почти 25 лет тому назад, для настоящего кабардино-балкарского сообщества являются наиданием, призывом, завещанием для того, чтобы обеспечить сохранение и развитие наших родных языков, соответственно, наших этносов на далекую историческую перспективу.

30 января 1991 года Верховным Советом КБАССР была принята в окончательной редакции Декларация о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики.

Одновременно отдельным решением было принято постановление о том, что с момента принятия Декларации Кабардино-Балкарская АССР будет называться Кабардино-Балкарская ССР, а Верховный Совет республики – Верховным Советом КБССР.

Принятая Верховным Советом КБАССР Декларация о государственном суверенитете КБССР, без сомнения, представляла собой в то время важнейший политический документ в системе реализации в определенной степени национальной государственности кабардинского и балкарского народов. Последующее претворение в жизнь кабардино-балкарского сообщества провозглашенных в Декларации принципов организации самой Кабардино-Балкарской государственности, ее структур управления, ее суверенитета в составе РСФСР и СССР призвано было сыграть важную позитивную роль в различных направлениях жизнедеятельности населения республики.

Однако декларация – это документ, в котором провозглашаются принципы намерений. Конкретные правовые нормы функционирования государственных органов и структур общественности следует предусмотреть непосредственно в Конституции республики и в ряде систем соответствующих законодательных актов. Но объективный ход истории не всегда благоприятствует реализации намерений людей общества.

Действительно, здесь следует отметить, что общественно-политические события в СССР, РСФСР, да и в КБССР, со второй половины 1991 года и в последующие времена стали приобретать такие непредсказуемые аспекты, что со временем актуальность провозглашенных республиками в составе РСФСР декларативных намерений в части их суверенитета постепенно сошла на нет.

Тем не менее в ходе продолжения работы третьей сессии Верховного Совета КБССР дискуссионные споры по принятой Декларации о государственном суверенитете имели продолжение 1 февраля на заседании Верховного Совета. Перед рассмотрением очередных вопросов повестки дня слово взял депутат Шокуев и заявил от имени своих избирателей, с которыми он встречался накануне, решительный протест против двухпалатной системы будущего Верховного Совета КБССР. Шокуев сказал: «Мы не разрешили проблему защиты интересов балкарского народа, а наоборот, усугубили ее. Мы заложили мину замедленного действия и подожгли шнур. Вопрос в том,

какова длина этого шнура...».

Депутат Тлянчев предложил принять к сведению заявление Шокуева и не разворачивать дискуссии по этому вопросу. Однако при попустительстве председательствующего Чабдарова (Валерий Коков ввиду отъезда в Москву отсутствовал) в зале заседания началась неуправляемая дискуссия. Депутаты Голубцова, Жанимов, Нахушев и другие, к которым присоединилась приглашенная поэтесса Т. Зумакулова, своими выступлениями организовали травлю Шокуева. Депутат Сохов в своей реплике обратил внимание на то, что Б. Чабдаров упустил рычаги управления заседанием Верховного Совета. Действительно, в зале начались беспорядочные выкрики. Попросившему слово депутату З. Налоеву мешали выступить. В знак протesta против характера ведения заседания депутаты Налоев, Тумов, Шокуев покинули зал. Они отказались от дальнейшего участия в работе третьей сессии Верховного Совета КБССР.

В итоге на третьей сессии Верховного Совета КБССР было принято постановление «Об организации и о мерах по обеспечению проведения 17 марта 1991 года в республике референдума СССР по вопросам сохранения Союза Советских Социалистических Республик. При этом на референдуме от имени РСФСР были поставлены дополнительные еще два вопроса:

- не возражаете ли вы против сохранения обновленной Российской Федеративной Республики;
- не возражаете ли вы против введения президентской формы правления на территории России.

Известно, что на поставленные вопросы в процессе проведения референдума 17 марта 1991 года большинство граждан России ответили положительно.

8.2. Политический кризис в СССР летом 1991 года. ГКЧП и его последствия в КБССР

Начиная с первых месяцев 1991 года общественно-политическая обстановка в СССР складывалась крайне напряженная. Практически к кризисному состоянию финансово-экономической системы в стране добавились чрезвычайно проблемные политические коллизии. Выражались они в целом ряде негативных обстоятельств. Во-первых, в референдуме 17

марта, по вопросу выяснения мнения населения жителей Советского Союза, участвовало только 9 республик из 14. Уже этот факт поставил под большим вопросом сохранение Союза Советских Социалистических Республик.

Во-вторых, серьезную напряженность в общественной жизни страны создавали наметившиеся еще в 1990 года противоречия высших властей СССР и РСФСР, вызванные разными позициями по выбору путей реформирования экономической и политической системы Советского Союза, а также серьезное политическое противостояние между Горбачевым и Ельциным, особенно после избрания в июне 1991 года последнего Президентом РСФСР. Все это, безусловно, являлось весомым дополнительным фактором к процессу дестабилизации политической системы страны.

В-третьих, к рассматриваемому периоду времени в руководящих структурах Коммунистической партии Советского Союза уже были сформированы противоположные по политическим взглядам оппозиционные к Горбачеву две группы – правого (демократического) и левого (консервативного) толка. Обе группы жестко критиковали Горбачева за его центристскую политику.

Составляющие указанной противоречивой политической ситуации весной – в начале лета 1991 года моментами претерпевали калейдоскопические изменения, которые порою имели важные последствия для всего советского сообщества. Так, например, в конце апреля 1991 года консервативное крыло КПСС на пленуме партии собиралось предъявить Горбачеву суровые обвинения за экономические и политические провалы в стране. Однако к этому времени М. Горбачевым был подготовлен сильный политический козырь: при открытии пленума он озвучил «Заявление 10», известное также под названием «9 плюс 1» (девять союзных республик плюс Президент СССР). В «Заявлении» говорилось, что достигнуто соглашение о заключении союзного договора девяти суверенных государств.

Важным моментом в «Заявлении» считалось наличие подписи Б. Ельцина от имени РСФСР.

Тем не менее победа Горбачева над консерваторами была относительной. Они готовы были терпеть Горбачева только в том случае, если он сможет контролировать действия Ельцина и российских радикалов и восстановить власть центра в отношении союзных республик. В то же время

Ельцин продолжал реализовывать свои радикальные политические реформы. В июле 1991 года он издал Указ «О прекращении партий и массовых общественных движений в государственных учреждениях и организациях РСФСР».

Проект Договора о Союзе суверенных республик был рассмотрен Верховным Советом КБССР. Одновременно им было принято соответствующее постановление.

Постановлением Верховного Совета КБССР проект Союзного Договора был одобрен и определен порядок участия республики в процедуре его подписания: «войти в состав Союзных суверенных республик и непосредственно подписать Договор от имени КБССР».

Для подписания Договора о Союзе суверенных республик была образована полномочная делегация в составе: В. М. Кокова, Б. К. Чабдарова, Ю. В. Чепуркова и М. Ш. Мамхегова.

Известно, что изначально, со времени, когда Председателем Верховного Совета стал Борис Ельцин, отношения между ним и руководством КБАССР (КБССР) не заладились. На съезде народных депутатов РСФСР руководители нашей республики, народные депутаты съезда – В. Коков, М. Мамхегов, Б. Чабдаров, оказались в оппозиционной группе к Ельцину. Позицию этой группы представляла Коммунистическая партия РСФСР. Более того, в ходе кампании по выбору Президента РСФСР в июне 1991 года руководство КБССР проводило жесткую антиельцинскую пропаганду. Тем не менее большинство избирателей нашей республики свои голоса отдали в пользу Б. Н. Ельцина. Немалая заслуга в подобном исходе выборов Президента РСФСР принадлежала общественному объединению «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика», учредителями которого являлись национальные общественные организации «Адыгэ Хасэ» и «Тере», а также ряд политических партий демократической ориентации.

Эти обстоятельства, без сомнения, влияли на ход формирования основных идейных принципов принятой Декларации о государственном суверенитете КБССР, а также на выработку позиции республики по процедуре подписания Договора Союза суверенных республик.

С одной стороны, с учетом сложившихся в течение длительного исторического периода политических, экономических, культурно-просветительных отношений между Кабардино-Балкарией и Россией,

несмотря на то что в этих отношениях имели место непростые проблемные вопросы для кабардинского (адыгского) народа, никто из руководителей республики или общественных и политических организаций в республике не смел позиционировать Кабардино-Балкарию вне России. И это положение четко было зафиксировано в Декларации: Кабардино-Балкарская Республика в составе России. Подобной позиции придерживалось и большинство бывших автономных республик в составе РСФСР. Соответственно, Б. Ельцин как Президент России и Р. Хасбулатов как Председатель Верховного Совета России настаивали, чтобы республики, входящие в состав РСФСР, подписывали Договор Союза суверенных республик в составе российской уполномоченной делегацией.

С другой стороны, ряд бывших автономных республик в составе РСФСР, продекларировавших себя как субъект России, в том числе и КБССР, приняли решение самостоятельно подписать Договор суверенных республик.

Подобную позицию этих республик – против Ельцина, из-за собственных политических соображений поддерживал Президент СССР М. Горбачев.

В конце июля, накануне своего отъезда в Крым, М. Горбачев провел секретную встречу с Ельциным и Президентом Казахстана Назарбаевым. По данным, которые впоследствии были обнародованы генеральным прокурором России Степанковым, указанная встреча прослушивалась службой В. Крючкова, председателя КГБ СССР. На встрече было договорено, что после подписания Союзного Договора, намеченного на 20 августа, будут освобождены от занимаемых должностей В. Павлов, Д. Язов и В. Крючков.¹

19 августа 1991 года в Москве группа консервативных сил в руководстве

СССР, воспользовавшись отсутствием президента страны М.С. Горбачева, совершила государственный переворот и создала Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП).

Период и характер действий ГКЧП нами рассматривается в основном с позиций их отражения и влияния на общественно-политическую ситуацию и на систему государственного управления нашей республики.

Драматические события в КБР в августе 1991 года, безусловно, имеют свою причинно-следственную хронологию. Я думаю, что для правдивого

отображения в истории КБР истинной сути тех событий была бы исключительно полезной публикация основных разделов стенографического отчета сессий Верховного Совета республики, состоявшихся в те дни, на которых в напряженной обстановке обсуждались проблемы, связанные с этими событиями.

Во-первых, побудителем противостояния между административно-партийным аппаратом и широкой общественностью в Кабардино-Балкарии, без всякого сомнения, явилась попытка группы политических авантюристов в руководстве СССР в корне повернуть вспять развернувшиеся со второй половины 1980-х годов беспрецедентные политические преобразования в стране, основной базой которых послужили решения XIX Всесоюзной партийной конференции. Действия консервативных узурпаторов власти выразились в создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в Советском Союзе (ГКЧП), основной целью которого явились свертывание уже созданных демократических институтов и восстановление гегемонии административно-партийной системы.

Однако понадобилось лишь трое суток, чтобы политическая система сверхдержавы, одними из основных стержней которой были способность и готовность применять военное насилие по отношению к своему народу, перестала существовать. Трансформация поведения армии в августовские дни,

---

¹ Саргин В. Политическая история современной России. М.: ТОО «Прогресс – Академия», 1994.

выражающегося в поступках военнослужащих не направлять оружие против народа, не являлась спонтанным подарком для людей, появившихся из ниоткуда, а стала результатом трехлетней борьбы общественности за демократические преобразования в стране.

Во-вторых, действия в то время властей республики и сохранившиеся в настоящее время документы неопровергимо доказывают, что руководство КБССР в лице Председателя Верховного Совета В. Кокова, его заместителей Ю. Чепуркова и Х. Кармокова, а также Председателя Совета Министров М. Мамхегова полностью поддержали организаторов ГКЧП. Подобные действия логично укладывались в проводившуюся в последние полтора года перед

ГКЧП руководством КБР политику сохранения в КБР закоренелой административно-партийной власти, и оказания яростного сопротивления проводимым в РСФСР радикальным реформам. Известно, что республиканское руководство во время подготовки процедуры подписания всесоюзного договора поддерживало тесные контакты с теми консервативными силами в союзном руководстве, представители которых стали главными фигурантами ГКЧП.

Как было отмечено выше, еще весной 1991 года в нашей республике было создано общественное движение «Демократическая Кабардино-Балкарья». Это движение с первого дня создания ГКЧП расценило его действия как антиконституционные и что их не следует признавать государственными органами республики. Еще 20 августа представители «Демократической Кабардино-Балкарии», в том числе и мы – группа народных депутатов Верховного Совета КБССР, встретились с руководством республики. Мы откровенно заявили Кокову, Кармокову, Мамхегову об ожидаемом непринятии общественностью и населением республики планов, заявлений и указов ГКЧП. Также поставили вопрос о немедленном созыве внеочередной сессии Верховного Совета республики.

Мы, конечно, уже знали, что вся партийно-чиновничья власть, в том числе и руководители республики, делают многое, чтобы поддержать действия узурпаторов власти в СССР. Соответственно, они к нашей оценке действий ГКЧП отнеслись резко отрицательно.

После долгого упорства, после провала власти ГКЧП уже 21 августа Президиум Верховного Совета вынужден был удовлетворить требование группы народных депутатов и созвать на 24 августа внеочередную сессию Верховного Совета КБССР.

При открытии сессии председательствующий В. М. Коков сказал, что сессия созвана по решению Президиума Верховного Совета на основании внесенного депутатами Налоевым, Тлянчевым, Шокуевым и Хачетловым предложения. О повестке дня, предложенной депутатами – инициаторами созыва внеочередной сессии, В. Коков не сказал ни слова и от имени Президиума предложил свою повестку дня: «О текущем моменте», докладчик В. Коков.

Депутат Тлянчев справедливо заметил, что авторами инициирования созыва внеочередной сессии одновременно была предложена и повестка дня

сессии: «О попытке государственного переворота в СССР и политической оценке позиции руководства Кабардино-Балкарской ССР в период путча», докладчик М. Хачетлов.

Как и ожидалось, депутаты утвердили повестку дня, предложенную Коковым. После этого члены депутатской группы «Радикальная реформа», в том числе и депутаты-инициаторы созыва этой сессии, покинули зал заседания, посчитав невозможным участвовать в обсуждении других вопросов, а не вопросов, по причине которых былаозвана сессия. Тут же к нам на переговоры были делегированы депутаты Абазов, Маиров, Сохов.

Тем не менее, как будто ничего не произошло, Коков решил немедленно выступить со своим докладом. Некоторые депутаты (Мастафов, Роменский и другие) стали возражать.

Слово взял М. Ш. Мамхегов и сказал: он считает, что необходимо заслушать доклад Кокова в присутствии покинувших зал товарищей и доклад демократического движения в форме содоклада.

В своей реплике В. Коков не удержался от соблазна обвинить меньшинство депутатов в навязывании большинству своего мнения.

Тем временем вышедшие к нам на переговоры товарищи долго уговаривали нас отказаться от своего доклада, на что мы никак не могли согласиться. В то же время Коков долго не давал согласия на альтернативный доклад, соответственно, заседание сессии не возобновлялось.

Наконец-то народные депутаты утвердили несколько скорректированную нами редакцию повестки дня сессии, которую уже на заседании озвучил депутат Тлянчев: «О текущем моменте и политической оценке позиции Верховного Совета, позиции руководства Кабардино-Балкарской ССР в период путча». За такую повестку дня проголосовал Верховный Совет. Одновременно на сессии было принято решение – дополнить повестку дня альтернативным докладом М. Хачетлова.

В. Коков в начале своего доклада отметил: «В результате попытки государственного переворота мы превратились в заложников непредсказуемых действий самозваного органа – ГКЧП, который первыми же своими решениями проявил себя как яростный противник демократических преобразований, гласности, углубления общественных реформ, как противник обновления всех сторон нашей жизни в ССР. Попытка реакционных сил взять исторический реванш окончилась позорно и

бесславно. Силы демократии одержали историческую победу...».

Слушая эти слова, создавалось впечатление, что Валерий Мухамедович 20 августа находился на балконе Белого дома вместе с Ельциным и его единомышленниками по борьбе с ГКЧП.

Между тем далее он сказал, что в день путча находился в Кремле в составе группы руководителей республик, входящих в РСФСР, встречался с Лукьяновым, Председателем Верховного Совета СССР, одним из идеологов ГКЧП, а также с Янаевым – самозванным президентом Советского Союза. Коков в своем докладе ни одним моментом не обозначил суть беседы руководителей российских республик с руководством ГКЧП. Он преподносил факты так, как будто в Кремле 19 августа 1991 года происходили ни к чему никого не обязывающие разговоры. Во-первых, поверить в подобное было бы политической наивностью. Во-вторых, по официальной информации ГКЧП, встреча Янаева с руководителями республик в составе РСФСР оценивалась как вполне благоприятная для планируемых действий ГКЧП. Это с одной стороны. С другой стороны, из первых информационных сообщений ГКЧП стало известно, что их главная цель – это разворот процесса демократических преобразований в Советском Союзе в обратную сторону, направленность их основных действий против Верховного Совета РСФСР. Разобраться в этом труда не составляло. Многие руководители российских республик, в том числе Б. К. Чабдаров, с утра 19 августа направились не в Кремль к узурпаторам власти, а нашли возможность добраться до Верховного Совета РСФСР.

В докладе В. Кокова, очень осторожно, с тщательным подбором выражений, комментировалось поведение руководства республики, а также принимавшиеся ими 20 и 21 августа решения, в том числе постановление Президиума Верховного Совета КБССР «О мерах по обеспечению общественного порядка и стабилизации в Кабардино-Балкарской ССР».

О мотивах и целях введенного 20 августа в г. Нальчике специального положения по ограничению движения людей, транспорта, о запрещении организации митингов, шествий в знак протesta против ГКЧП в докладе Кокова также не упоминалось.

Причины, почему 20 и 21 августа были опубликованы все официальные документы ГКЧП, в то время когда республиканские средства массовой информации проигнорировали обнародованные в эти дни Указы Президента

РСФСР и документы Верховного Совета РСФСР, так депутаты КБССР и не узнали из выступления Кокова.

Зато оно изобиловало наличием призывов не поддаваться каким-то провокациям, суть и место проявления которых оратор никак не раскрывал.

Значительную часть своего доклада В. Коков посвятил хозяйственно-экономическим вопросам, которые, как обычно, излагались в директивной и декларативной формах.

По завершении речи Кокова на сессии, как и было предусмотрено решением Верховного Совета, я выступил с альтернативным докладом, в котором мы постарались показать правдивую фактическую политическую ситуацию, которая имела место в дни ГКЧП в Кабардино-Балкарской Республике. Ниже приводится текст нашего выступления в полном соответствии со стенографическим отчетом секретариата Верховного Совета КБССР от 24 августа 1991 года.

«Уважаемые народные депутаты! Народы нашей страны пережили один из самых трагических, но, к счастью, недолгих периодов своей истории. В ночь с 18 на 19 августа 1991 года кучка отъявленных реакционеров с фашистским мышлением совершила тягчайшие преступления против советского народа. Организовав государственный переворот, эти люди отстранили от власти законно избранного Президента нашего государства. При этом они создали так называемый Государственный комитет по чрезвычайному положению и развернули вооруженные силы против своего народа.

Против чего выступали эти жалкие узурпаторы власти?! Чего они добивались?! Какие цели преследовали?!

Известно, что примерно с лета прошлого года в стране развернулась ожесточенная борьба по вопросу дальнейшего развития перестройки в нашей стране. С одной стороны стояли реакционные силы, не желающие расставаться с коммунистической доктриной и не желающие каких-либо существенных перемен в политической и экономической системе общества. С другой стороны – это демократические силы, настаивающие на радикальных методах изменения политического и экономического уклада нашей жизни. Борьба эта шла с переменным успехом. Сначала потерпела поражение программа правительства Рыжкова. Потом эту участь постигла программа Явлинского. Впоследствии пало правительство Рыжкова. Вновь

вперед вышли реакционеры в лице Кабинета Павлова. Кульминация борьбы наступила после сформирования группы «9+1» к моменту завершения проекта Союзного Договора, подписание которого, как известно, должно было начаться 20 августа. Мощная атака реакционных сил вкупе с партаппаратом началась сразу после выработки группой «9+1» в Ново-Огареве нового варианта Союзного Договора.

Главными вехами процесса оголтелых нападок на это наконец-то наметившееся соглашение между республиками и Президентом страны, как вы помните, являются требование Павлова предоставить его Кабинету чрезвычайных полномочий, а также оставшиеся для многих избирателей тайными выступления Крючкова, Язова, Пуго на закрытом заседании Верховного Совета СССР. Не случайно, что ядром этой бессовестной банды стали эти же высокопоставленные чиновники совместно со своим кумиром и единомышленником Лукьяновым. Таким образом, ясно вырисовывалось, что детонатором взрыва реакции стал проект Союзного Договора. Подписание этого Договора открывало светофоры широкомасштабным реформам по всем направлениям развития нашего общества. Этого стерпеть правые реакционные силы не могли, и они пошли на отчаянный шаг.

Трудно представить, какая жуткая судьба была уготована народам нашей страны, если бы эти твердолобые клятвопреступники сколь-нибудь долго оставались у власти.

Используя имеющиеся в стране трудности, эти экономические дилетанты предложили программу, осуществление которой стало бы дорогой к широкомасштабной гражданской войне, разрухе, нищете.

Пытаясь раздавить танками неокрепшее тело демократии, демонтировав только что заложенный фундамент правового государства, они хотели вернуть нас к казарменным клеткам государственно-партийной системы, при которой центр и партаппарат диктуют, кто должен руководить народом в любой точке нашего государства, что должно изготавливаться на заводах и фабриках, за что и кому предназначена их продукция, как должен выращивать крестьянин сельхозпродукты, кому и за что их продавать или отдавать, как учить детей, какая культура должна быть, что должен сочинить писатель или композитор и т.д.

Все это, товарищи, мы уже пережили. Разве народ не отверг этот небывалый в истории человечества пресс командно-административной

системы, который давил на него в течение 73 лет?

19 августа, когда в горисполкоме г. Нальчика собрали руководителей предприятий и организаций города, кто-то жестоко пошутил, что ГУЛАГ в стране тайно отремонтирован. Да, да, это страшная участь многих честных людей эпохи массовых репрессий, да и периода застоя, судя по первым действиям бандитов, вполне могла повториться для многих демократов. Драматические события этих трех дней, как в зеркале, отразили истинную позицию не только всех структур власти в каждом регионе, но и каждого отдельного гражданина нашей страны. Судьба как бы вдруг послала нам этот трагический случай в сложное переплетенное плюрализмом взглядов, мнений, позиций партий и групп людей, время, чтобы выяснить белое и черное. Совершенно естественно, что в целях дальнейшего продвижения начатых в обществе демократических преобразований народ, общественность в каждой республике, в каждом крае, области дает политическую оценку своим органам власти в связи с произошедшими в эти дни событиями. То же самое предстоит сегодня сделать и нам. Только что мы прослушали информацию Председателя Верховного Совета нашей республики по этому вопросу. В информации все выглядит благопристойно: руководство республики вовремя отреагировало на события, приняло необходимые меры, призвало народ к спокойствию, к напряженному труду на фабриках, заводах и колхозных полях, подчеркнуло необходимость укрепления трудовой дисциплины и порядка, заострило внимание на необходимости подготовки к зиме, хотя вы все прекрасно знаете, что такие призывы долгие годы звучали на всех партийно-хозяйственных активах. Да и постановлений подобного рода ранее принимали сотни и тысячи. Таким образом, налицо неадекватность принятых решений по развернувшимся трагическим событиям.

К сожалению, в информации Председателя Верховного Совета мы не услышали всю правду о вопросе, для обсуждения которого собрались. Мы, депутаты из группы «Радикальная реформа», вместе с общественными организациями «Адыгэ Хасэ», «Тере», Демократическая партия Кабардино-Балкарии в эти дни по крупицам собирали правду о событиях как в Москве, так и в нашей республике. Мы считаем своим долгом довести до сведения депутатов истину о произошедшем.

В порядке информации, товарищи, скажу, что названные

общественные организации вместе с депутатской группой «Радикальная реформа», объединившись в конце июня 1991 года, создали движение «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика». 19 августа 1991 года, т.е. в первый же день путча, а не потом, как сейчас было сказано, этим движением был создан республиканский штаб борьбы с так называемым Государственным комитетом по чрезвычайному положению и поддержки законных властей СССР, РСФСР, КБССР. Нами были разработаны соответствующие мероприятия, в том числе по сбору правдивой информации. Нам удалось установить устойчивую телефонную связь с Верховным Советом РСФСР, чего не смогли сделать наши руководители, находясь в нескольких километрах от его здания в Москве. Мы установили телефонную связь и с рядом демократических центров в Москве. Действовала также связь по телекоммуникациям. Так что текстами известных двух указов Президента РСФСР, постановления Совета Министров РСФСР за № 345, обращения руководства РСФСР к гражданам РСФСР мы располагали в ночь с 19 на 20 августа 1991 года. В наших планах предусматривалось тесное сотрудничество с руководством республики. Однако 19 августа из руководства на месте почти никого не было. Я думаю, что мы вправе знать, что делали по часам в Москве целые сутки (с 19 по 20 августа) первые четыре руководителя нашей республики? Прошу считать это нашим первым депутатским запросом. Я еще раз хочу подчеркнуть – по часам. 20 августа во второй половине дня мы, представители демократического движения, в составе 6 человек и одного корреспондента встретились со всем руководством республики. Мы пришли с конкретными предложениями.

Еще раз хочу повторить, товарищи, это было 20 августа между 16 – 17 часами, а не тогда, когда путч был уже подавлен.

Зачитываю документ, который был передан т. Кокову в присутствии представительных лиц: «Председателю Верховного Совета КБССР т. Кокову. Движение «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика» с возмущением восприняло отстранение от власти законно избранного Президента СССР антиконституционным комитетом. По этому поводу Президент РСФСР издал Указ, руководство РСФСР обратилось к гражданам России. Эти документы не опубликованы в республиканских газетах и не доведены до жителей нашей республики.

Движение «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика» просит Президиум

Верховного Совета КБССР:

1. Созвать чрезвычайную сессию Верховного Совета КБССР для оценки

событий, произошедших в ночь с 18 на 19 августа 1991 года, немедленно.

2. Изложить позицию Верховного Совета КБССР по данному вопросу.

3. Опубликовать в газетах и передать через средства массовой информации Указы Президента РСФСР, обращение руководителей РСФСР к гражданам РСФСР.

4. Предоставить возможность движению «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика» 20 августа изложить свою позицию в средствах массовой информации.

Доводим до сведения Президиума Верховного Совета КБССР, что во исполнение Указа Президента Ельцина движение «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика» намеревается провести митинг на площади перед Домом Советов.

При обсуждении данного обращения ни по одному из названных вопросов мы не получили поддержки.

Затрагивались и другие вопросы вне текста. В частности, в целях поддержания чести республики в будущем т. Кокову было предложено выступить в тот же день по телевидению с подтверждением действия в нашей республике законодательных актов РСФСР, на что мы получили категорический отказ. Нам было заявлено, что руководству республики неведомо издание известных двух указов т. Ельцина и других нормативных актов руководителей РСФСР. Руководство также заявило, что им не получены эти документы.

Товарищи, вы уж извините, но это – явная ложь, если не применить другого более резкого определения. Мы попросили уточнить заявление самозванца Янаева, который сегодня назван товарищем (кто-то ему товарищ), о том, что все 15 республик, входящие в РСФСР, поддержали ГКЧП. Тов. Коков своим ответом практически подтвердил такую поддержку. Я могу при необходимости почти дословно повторить, что было сказано. При этом в свое оправдание собеседники пробовали навязать нам дискуссию о проекте Союзного Договора. Помните вывод о том, что явилось детонатором путча хунты?

Итак, с нами поговорили так, будто мы к ним пришли не для защиты

законности, а для дестабилизации обстановки. Мы уходили с этой встречи глубоко подавленные. Мы не знали, как долго продержится хунта, но стало очевидным, что государственные мужи нашей республики не оказались с народом на одной стороне баррикад в борьбе с путчистами. Горько было думать, что при этих условиях события, происходящие в Москве, вот-вот могут докатиться и до нас, т.к. народы нашей республики не захотели бы жить под игом бандитов-узурпаторов. Нам было сказано, что на наше обращение будет дан ответ. Однако мы его не получили ни в этот день, ни на следующий до вечера. Более того, на следующий день, т. е. 21 августа, руководством республики, по существу, в районе Дома Советов было введено чрезвычайное положение. Сюда было стянуто небывалое число работников правоохранительных органов. Я никогда не думал, что в г. Нальчике находится такое количество работников правоохранительных органов. И вы, т. Сижажев, пожалуйста, больше нас не обманывайте, что не хватает работников правоохранительных органов для наведения порядка в г. Нальчике. Было заблокировано движение городского транспорта, граждан. Я, например, с депутатским удостоверением не смог попасть на площадь.

Правомерно спросить: от кого вы, руководители республики, так бдительно защищались? Да, мы во исполнение Указа Президента РСФСР планировали провести небольшой символический митинг в поддержку законности в СССР, РСФСР и КБССР, так как о сборе большого митинга не могло быть и речи. Как вы знаете, мы не могли известить народ об этом.

Как и следовало ожидать, митинг заблокировали. В конечном итоге на Ярмарочной площади нам удалось собрать людей, которым мы сообщили о том, что Верховный Совет РСФСР работает, что Дом Советов РСФСР является центром борьбы с этими бандитами. Мы им сообщили также об указах т. Ельцина, об обращении к гражданам РСФСР, но все это происходило в окружении огромной толпы милиционеров, которые, как один, заявляли, что они выполняют только указания МВД СССР, то бишь команды Пуго. Сотни раз мы вели разговоры с милиционерами от рядового до полковника т. Сабанчиева. Просто удивительно, как смогли с каждым из них такую беседу провести! При встрече вечером того же дня вы, т. Коков, заявили, что не имеете представления о скоплении большого количества милиционеров перед Домом Советов, что вам неведомо, кто на это дал указание.

В связи с этим предлагаю провести депутатское расследование этого прецедента, создав сейчас же соответствующую комиссию. Это – мой второй депутатский запрос.

21 августа 1991 года Президиумом Верховного Совета приняты нормативные акты, связанные с частичным введением в республике чрезвычайного положения. Их передали по радио и телевидению, но не успели опубликовать в газетах. Если вы уверены в том, что эти акты правовые, почему вы тогда их изъяли с газет? Почему не были они опубликованы?

Предлагаю нашим постановлением немедленно отменить эти акты, как это делается во всех регионах нашей страны. Это – мой третий депутатский запрос.

Исходя из всего сказанного, вношу предложение – поручить прокурору КБССР провести расследование по следующим фактам нарушения Конституции и законов СССР, РСФСР и КБССР, имевших место в нашей республике в период с 19 по 21 августа 1991 года и выразившихся в поддержке так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР:

1. Президиумом Верховного Совета и Советом Министров КБССР не приняты к немедленному исполнению два указа от 19 августа 1991 года Президента РСФСР о непризнании конституционным органом ГКЧП и запрещении выполнения его решений и указаний на всей территории РСФСР, в том числе и в нашей республике.

2. Советом Министров КБССР не принято к немедленному исполнению постановление Совета Министров РСФСР от 19 августа 1991 года № 345 о незаконном введении чрезвычайного положения в стране и неукоснительном руководстве в своей деятельности действующим на территории РСФСР законодательством.

Мы только что слышали, что орган все-таки был создан, хотя Совет Министров РСФСР запретил создание каких-то комендантов, узурпаторов и т.д.

3. Публикация указанных документов в средствах массовой информации была запрещена. Обращение законно избранных руководителей РСФСР «К гражданам России» и до сих пор не опубликовано.

4. Президиумом Верховного Совета КБССР 21 августа 1991 года

принято постановление, по существу повторяющее соответствующее постановление ГКЧП, в котором лица, противодействующие своими действиями (пикетами, митингами, призывами и т.п.) выполнению указаний ГКЧП, должны быть привлечены к уголовной ответственности, то бишь мы, организаторы того митинга.

5. 21 августа 1991 года в государственных органах массовой информации КБССР были опубликованы заявление участников Государственного переворота и материалы их пресс-конференции.

Вы знаете, что многие печатные органы в стране их опубликовали, но соответствующие выводы там уже сделали. Я думаю, что и мы тоже должны это сделать.

6. По сути дела, в центре г. Нальчика без объявления было практически введено чрезвычайное положение, ограничивали население в их передвижении.

Проведение митинга на площади Дома Советов в защиту законности в стране было запрещено. Участники митинга переместились на окраину города, но и там их оцепили и пытались разогнать.

Товарищи, здесь я хотел бы сделать еще один запрос. Хотя об этом т. Коков говорил, но мне все-таки не ясно. Почему целый день 19 августа, находясь в Москве, т. Коков и Мамхегов не связались с руководством РСФСР? Мы же знаем, что более 80 процентов регионов наладили связь с Президентом РСФСР. Мы же видели по телевидению, кто был с руководством РСФСР, а кто не был. Кто хотел, тот и был.

Уважаемые депутаты! Такова действительная хронология того, как трагические события в Москве проектировались в нашей республике. Выводы, думаю, должен сделать каждый сам.

Почему это все так случилось у нас? Ведь подавляющее большинство регионов в РСФСР выразили протест против узурпаторов и решительно поддержали Ельцина. В целях экономии времени излагаю наши позиции тезисно.

1. В течение полутора лет работы Верховного Совета реакционные силы в нашей республике, не желающие перемен, оказывают яростное сопротивление всем проводимым в РСФСР радикальным реформам.

2. Они поддержали тесный контакт с теми силами в союзном руководстве, представителями которых были путчисты.

3. Во время выборов Президента РСФСР была развернута невиданная пропаганда программы Рыжкова, ничего не представляющего и не обещавшего никаких изменений.

4. Депутатский корпус нашего Верховного Совета не отражает глубоко трансформированные взгляды избирателей нашей республики, что подтвердились решительной поддержкой ими политики Ельцина по радикальной реформе нашего общества.

5. Определенными силами в нашей республике открыта демагогическая дискуссия по проекту Союзного Договора, по существу направленная на изоляцию нашей республики от РСФСР.

В заключение, уважаемые товарищи, от имени депутатской группы «Радикальная реформа» и общественных организаций, чьи взгляды я изложил в данной информации, я вношу следующий проект постановления:

за необеспечение сопротивления в республике организаторам государственного переворота, совершенного в Москве с 18 на 19 августа 1991 года,

за принятие Президиумом Верховного Совета КБССР нормативных актов, по существу поддерживающих так называемый ГКЧП,

за приостановление на территории республики указов Президента РСФСР, постановления Правительства РСФСР, запрещающего действие на территории РСФСР всех указаний и решений так называемого ГКЧП,

за приостановление на территории КБССР Закона о Президенте СССР Верховный Совет КБССР постановляет:

1. Освободить от должности Председателя Верховного Совета КБССР т. Кокова В. М.

2. Освободить от должности заместителей Председателя Верховного Совета КБССР т. Кармокова Х. М. и Чипуркова Ю. В.

3. Освободить от должности Председателя Совета Министров КБССР т. Мамхегова М. Ш.

4. Выразить недоверие всему составу Совета Министров КБССР.

5. За публикацию постановлений и решений антиконституционного органа, так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению, освободить от должности главных редакторов печатных органов Верховного Совета КБССР т. Киреева, Мазихова, Гузеева, а также председателя Гостелерадио КБССР т. Кауфова».

Ряд депутатов, которые в принципе не имели отношения к демократическому движению КБССР, тем не менее на сессии стали на позицию осуждения действий органов власти КБССР в период путча ГКЧП. Так, депутат С. Данилова отметила, что, когда услышала о перевороте с утра 19 августа, она пошла в молитвенный дом горских евреев. Там прихожане, простые люди, не имея ни телефонов, ни связи с Ельциным, тем не менее разобрались в произошедшем в Москве и сделали вывод, что хунта – это фашизм. Депутат выразила благодарность москвичам и армии за то, что они проявили достойное мужество против организаторов ГКЧП.

Руководитель движения «Демократическая Кабардино-Балкария» Борис Тлянчев резко осудил позицию первого секретаря обкома КПСС Б. Зумакурова, пытавшегося в своем выступлении обвинить сторонников демократического движения республики в проявлении популизма. Борис Тлянчев сказал: «Что это за выражение «популисты»? Неужели в популистских целях в разгар танковых нашествий в Москве в Нальчике собрались активисты демократического движения и создали штаб для борьбы с идеологией ГКЧП? Я горжусь тем, что мне доверили возглавить этот штаб ... Для популизма, что ли, пожилой и больной тамада «Адыгэ Хасэ» два дня не уходил из штаба, чтобы донести до людей правду о ГКЧП? За что вы хотите зачислить нас в ряды обвиняемых? За то, что мы пытались организовать сопротивление хунте?.. Разве в популистских целях я на митинге зачитывал обращение руководства РСФСР к ее гражданам... Между тем, когда 21 августа к 16 часам уже стало все известно – хунта уже была повержена. Тем не менее в тот же день в 17 часов 10 минут по республиканскому телевидению прозвучало обращение Президиума Верховного Совета КБССР, в котором излагались идеологические тезисы ГКЧП... А мы – «популисты» в это время доводили до народа содержание указов Ельцина, направленные против ГКЧП... Обо всем, что происходило в Москве, была проинформирована Генеральная прокуратура РСФСР. Почему вы, товарищ Денисов, как прокурор республики не сказали на заседании Президиума, что не следует подчиняться указаниям ГКЧП?».

Послушные руководству Верховного Совета депутаты Н. Бозиев, А. Самойленко, Э. Денисов, З. Нахушев, С. Чистогашев, В. Сохов, В. Быков дружно поддержали обозначенную в докладе В. Кокова самооправдательную позицию, а также поведение других руководителей Верховного Совета в

период путча.

В то же время депутаты М. Шокуев, З. Налоев, Ф. Хараев, находившиеся в период с 19 по 21 августа в гуще событий, происходивших в нашей республике в дни ГКЧП, в своих выступлениях отчетливо, без идеологической шелухи вскрывали и делали достоянием публичности лицемерную пропучистскую позицию руководства КБССР в период драматических событий в Москве в августовские дни 1991 года.

Депутат М. Шокуев в своем выступленииставил неудобные для В. Кокова вопросы: «Вы, уважаемый Валерий Мухамедович, в своем выступлении сказали, что с первых шагов ГКЧП проявил себя как ярый противник обновлений всех сторон нашей жизни. Так почему же в таком случае вы не выступили в поддержку указов Президента РСФСР, которые были обнародованы сразу за решениями ГКЧП. Не прослеживается необходимая логическая последовательность в ваших действиях». Далее Шокуев продолжил: «Вы на Президиуме Верховного Совета республики заявили, что Лукъянов при встрече с вами убедительно доказал необходимость создания ГКЧП, с чем вы, естественно, согласились, раз это убедительно доказано... опять-таки получается так, что то, что вы сегодня говорите и что вы делали 19 августа, не согласовываются...».

Хачим Кармоков 19 и 20 августа, в отсутствие Кокова, Мамхегова и Чабдарова, как заместитель Председателя Верховного Совета, по существу, оставался руководителем республики. В своем выступлении на заседании Верховного Совета Кармоков, признав в оценках политической ситуации демократического движения в дни путча много правдивого и много конструктивного, тем не менее старался оправдать принятые Президиумом Верховного Совета акты, направленные фактически на поддержку ГКЧП, в том числе по блокированию исполнений указов Президента РСФСР, игнорированию обращения руководства РСФСР к ее гражданам, постановления Совета Министров РСФСР за № 345.

Как и Коков, Кармоков утверждал, что при формировании действий Президиума Верховного Совета республики он и его коллеги руководствовались принципом недопущения каких-то публичных актов в республике, в том числе против ГКЧП. А почему в республиканских средствах информации подробно освещались действия и принимаемые хунтой документы, в то время как о соответствующих актах руководства

РСФСР ничего в этих информаций не было сказано, Кормоков в своем выступлении умолчал.

О честности, порядочности и правдивости Феликса Хараева в жизненных поступках и поведении, наверное, мало кто сомневается в нашей республике. Так вот, Феликс Ахмедович, выступая как депутат Верховного Совета КБССР и РСФСР, на внеочередной сессии Верховного Совета 24 августа 1991 года изложил подробности фактического поведения Х. Кормокова 21 августа 1991 года. Ниже приводится полный текст его выступления.

«Уважаемые депутаты, прежде чем сказать, зачем я вышел к трибуне, хочу сделать оговорку. Мои политические недруги давно распространяют слухи, что я домогаюсь какой-либо руководящей должности. Наиболее руководящей. Я хочу сказать, что не домогался, не домогаюсь и не буду домогаться никаких должностей. Это мое мировоззрение, мое убеждение, и тем, кто распускает такие слухи, давно пора об этом знать. Я считаю, что самая высокая должность – это та, которая дает тебе свободно мыслить, свободно действовать, свободно говорить. Я – свободный человек. А те, которые нагрузили себя, видимо, не до конца свободны. Говорят, все могут короли. Нет не все могут короли.

Да, в первые часы путча мы все не могли понять, что же происходит. Но к концу дня все стало понятно. Анализ состава, анализ указов, документов, пресс-конференция показали, кто они такие, что можно ожидать от них. Утром 21 августа состоялся короткий разговор с Михаилом Шуевичем. Я назвал произошедшее хунтой. Он этого не отрицал И гуэнхъ сыхуейкъым. А позднее я пошел на объявленный митинг. В 11 часов 40 минут я попытался подойти к Дому Советов. Меня задержали на улице Головко, не дали пройти. Но знакомый работник КГБ разрешил меня пропустить. У парадных дверей меня встретил начальник охраны здания Кашежев. Он мне сказал: «Дауэ укъыштагъэхъэ мыбы? Си адам и адэр къэтэджыжауа щытмэ зыри къыштэвмыгъыхъэ яжеслати?». Надо ли переводить это?

Голоса с мест: Надо.

Ф.А. Хараев: Так вот, т. Кашежев сказал мне: «Если отец моего отца придет сюда, то и его не пускайте. Как ты сюда прошел».

Я поднялся на второй этаж и встретил т. Кормокова и Кярова. Они меня

пригласили в кабинет Кярова. Я спросил т. Кармокова, что происходит, почему все оцеплено, почему к Дому Советов нельзя ни подойти, ни подъехать? В завязавшейся беседе т. Кармоков показал, что он ярый сторонник хунты, всем своим поведением подтверждая это. Ни решение Комитета конституционного надзора, ни Закон о введении чрезвычайного положения не повлияли на его мнение. Я позволил себе его как следует поругать, так как немного постарше, к тому же мы вместе работали. Он и на это не отреагировал ни в коей мере. Напротив, он по косточкам разобрал т. Ельцина, на что я сказал: ну, будь порядочным. На что он ответил, что в политике порядочных не бывает. И этот разговор состоялся с человеком, который отвечает за определенные участки в Верховном Совете. И этот разговор состоялся не за чашкой чая, не в саду-огороде. Мы должны знать, кто такой Кармоков и чего от него можно ожидать. Если кто-то сомневается в том, что я сказал, спросите Кярова. Но говорю еще раз, что разговор был убедительным и содержательным, показывающим его лицо. Я пришел сюда, а этот человек сидит в президиуме, консультирует министра внутренних дел. Я хочу, чтобы лицо у нас не менялось от власти. Не так уж нам долго жить на этом свете, чтобы менять свое лицо много раз.

Поэтому предлагаю: давайте наберемся мужества, разума, расставим все по полочкам и разберемся, кто давал команду МВД вводить в центре города военное положение? Кто кого уполномочил, на какой срок, почему такое происходит? Мы помним времена, когда нельзя было проехать мимо Дома Советов. Теперь даже пройти нельзя? Сколько это будет продолжаться? Отгораживаться от своих депутатов, от народа – почему это возможно?! Я даю объяснение такому поведению. Есть установка у людей делать добро, есть установка делать зло, есть установка, которую можно назвать «установкой премудрого пескаря». Какую позицию кто из нас занял, сейчас можно убедительно показать. К чему здесь высокопарные фразы, речи, зачем они, когда есть факты?

Почему газеты не опубликовали все Указы Президента России вовремя? Надо ли это комментировать? Неужели не стыдно?! Почему прежде всего опубликовали указы хунты? Почему не посоветовались ни с кем? Вот о чем надо думать. Есть факты, которые надо разбирать, надо искать причины, почему так получилось Поверьте, я не жажду крови, я не за то, чтобы кого-то чрезмерно наказать. Я за то, чтобы нами не руководили люди, у которых

установка на зло. Таких людей не должно быть у власти. Я не знаю, может быть мы передержали Кармокова у Поповича или еще есть другая причина, но надеяться на него после той нашей беседы вряд ли можно. Верховный Совет сдает сегодня последний экзамен. Пригодны мы или непригодны? Отвечаем мы потребностям, интересам, чаяниям народа – значит пригодны. Если мы не соответствуем этому ни по своей структуре, ни по своему происхождению, ни по своей установке, то надо закрываться, распускаться.

Благодарю за внимание».

Как обычно, эмоциональным, но исключительно убедительным было выступление тамады «Адыгэ Хасэ» депутата Заура Налоева. Приводимые Зауром Магометовичем факты, характеризующие поведение руководителей республики и принятые ими решения в период ГКЧП, были настолько убедительными, что не представлялось возможным их опровергнуть какими-либо доводами. Разумеется, В. Коков, председательствующий на заседании сессии, не хотел, чтобы все это стало достоянием всех депутатов и общественности. Поэтому в ходе выступления Налоева председательствующий часто вступал с ним в спорный диалог.

З.М. Налоев:

«Я надеюсь, что у входа в здание Дома Советов не повторится битье вывесок и других некрасивых поступков. Но люди это сделали не потому, что они пьяные, не потому, что они злые. Нет. А потому, что они увидели нечто такое, что терпеть нельзя. Когда сжигаются архивы – сжигается наша с вами история. Сжигается то, что через год, два, десять, пятьдесят лет будет на вес золота. Под этим видом будут сжигаться секретные документы. Уже было сказано, что такие вещи делаются в Москве и других местах. Так вот: я осуждаю этот поступок, но понимаю мотивы их действий. Они просили передать вам, товарищи, что мы, народные депутаты, незамедлительно должны реализовать Указ Президента РСФСР о департизации.

Я решительным образом буду против, если этот Указ перейдет на запрет КПСС. Запреты партии – это уже другая сторона медали. Приостановка, видимо, была необходима, и в пределах законности этот Указ должен быть реализован и у нас в Кабардино-Балкарии. Вот поэтому я и обращаюсь к Верховному Совету, к Президиуму Верховного Совета, к Председателю Верховного Совета.

Теперь о главном. Дорогой Борис Мустафаевич, наш любимый друг, вы

возмутились, что разбили вывеску у входа, и я тоже возмутился. Но Вы возмутились так, как будто этот поступок хуже, чем поступок хунты. Ну как вам не стыдно! А вы знаете, что было бы с нами, если бы москвичи свою кровь не пролили? Победи эта хунта, она бы была не стекла, не только вывески. Она была бы нам морды, и не только морды. Хунта бы вас не тронула, т. Зумакулов, не тронула бы руководство республики, потому что оно оказалось в этой ситуации очень «дальновидным», а вот нас ставили бы к стенке. Вот мотивы действий. Мотивы, которые определили ваши поступки. Вы говорите, что однозначно осудили хунту. Осудили, но задним числом, когда хунта была развеяна. Это ли поступок мужчины? В жизни каждого человека, в жизни народа, государств бывают такие моменты, когда и каждый человек, и партии, и государственные деятели должны показать, на что они способны, чего они стоят. И не задним числом, а именно в самый опасный момент, как это сделали сторонники т. Ельцина, как это сделали москвичи. Вот поступок мужчины! Я свою седую голову склоняю низко перед москвичами, отстоявшими нашу с вами свободу. (*Аплодисменты.*) Вы же говорите странные вещи, стыдно слушать вас, когда вы уверяете наших избирателей, которым вы давали обещания стоять на страже их интересов. Сейчас вы, не краснея здесь, говорите, что хотели обстановку в республике стабилизировать, не допустить каких-либо всплесков, а ведь их не было, как бы ни пытались стравить кабардинцев и балкарцев, кабардинцев, балкарцев и русских. Не было всплесков, не допустили этого. Кто был в этом заинтересован? Те же самые люди и те, кто поддерживает этих людей.

У меня в руках обращение Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР. В первом абзаце обращения написано, что на основании пункта 7 статьи 127 Конституции СССР вице-президент Союза ССР Янаев Геннадий Иванович, так его величают, приступил к исполнению обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года. Не приступил. Он совершил государственный переворот. Вот о чем надо было здесь писать.

Председательствующий: Что это у вас за документ?

З.М.Налоев: Это тот самый документ.

Председательствующий: Послушайте, но нельзя же проекты постановлений из Президиума уносить...

З.М.Налоев: Это было передано по радио и телевидению.

Председательствующий: Нет, нет, что вы? Нет этого. И не надо

апеллировать к проекту, Заур Магометович.

З.М. Налоев: Надо. В обращении, прежде всего, недвусмысленное осуждение хунты должно было быть. Мы с этим пришли к вам, т. Коков и т. Мамхегов. Мы верили вам. Я вам сказал тогда, что мы думали не только о судьбе народа и страны, но и о вашем престиже. Как мы хотели, чтобы вы оказались на высоте положения в этот момент! Очень мы этого хотели! Оказалось наоборот. Вы сказали: откуда видно, что это – не конституционный комитет? Разве чтобы это увидеть, нужно быть семи пядей во лбу? Это было видно любому. Вы призывали нас к трезвости...

Председательствующий: Заур Магометович, я прошу не оглашать документ, который не принят на Президиуме Верховного Совета.

З.М. Налоев: Призывали нас к взвешенности. Разве не к этому вы призывали нас? Именно к этому. А что значит в той ситуации взвешенность и трезвость? Это значило расчистить дорогу хунте, не сопротивляться. Именно так. И не надо, дорогой т. Сижажев, не надо... Вы это прекрасно знаете. Так вот, если бы Верховный Совет РСФСР призвал к тому же, т.е. к трезвости, к взвешенности, не было бы сейчас того, что мы здесь видим. Мы обратились тогда к вам с просьбой выступить по телевидению и дать недвусмысленную оценку действиям хунты. Вы отказались. Вы отказались созвать чрезвычайную сессию. Вы сказали, что подождем 26 августа, когда Верховный Совет СССР выскажет. Тогда не потребовалась бы чрезвычайная сессия. Она и сейчас не требуется для осуждения хунты. Хунта осуждена. Сейчас речь идет о том, что люди, которым народ и государство доверили охрану демократии, оказались на высоте. Вот об этом давайте и вести речь, а не о том, что задним числом произошло.

Председательствующий: Заур Магометович, время.

З. М. Налоев: В обращении написано: пресекать подстрекательские слухи. Подстрекательские слухи, что это такое? Где и кто у нас призывал к межнациональной розни? Я спрашивал. «Тере» не призывала, «Хаса» не призывала, «Товуши» не призывала, демократическая партия не призывала. Это уход от решения главной проблемы, из-за которой вы должны были созвать сессию или выступить по телевидению (*Председательствующий стуком по микрофону предупреждает о том, что истекло время.*) Не нужно ни вправо, ни влево оглядываться. И не надо нашему другу и товарищу Мазихову оправдываться. Вы опубликовали эти скверные документы уже

тогда, когда хунта была повержена. Почему? И почему вы не могли опубликовать нечто прямо противоположное тому, что опубликовал т. Мовсисян? Почему вы не прислали ко мне корреспондента или к другим товарищам и не опубликовали наше мнение? Нет, вы этого не сделали и не могли сделать. Газеты, радио, телевидение на стороне антидемократических сил.

Председательствующий: Я прошу, Заур Магометович, соблюдать регламент.

З. М. Налоев: Вы помните, как они вели себя в период избирательной кампании по выборам Президента РСФСР. Все это требует однозначной оценки и однозначного решения. Если мы с вами от этого уйдем, мы плохие депутаты и будем неверны нашим избирателям. Давайте подумаем прежде всего о нашем долге перед избирателями.

Мы можем сегодня принять единственный документ, который зачитал здесь т. Хачетлов.

Я уверен, дорогой товарищ прокурор республики, что, как бы вы здесь ни оправдывались, ваш поступок в тот день, когда мы пришли в зал заседаний Президиума Верховного Совета, заслуживает самого сурового осуждения. И не надо ссылаться на нашу Декларацию. Декларация, как известно, еще не стала Конституцией. Конституцией стало то, что есть там, в Верховном Совете РСФСР. И вас на должность назначал прокурор РСФСР, и вы должны были следить за законностью.

Я считаю, что, совершенно однозначно, в отставку должны уйти Президиум Верховного Совета республики, Совет министров республики и прокурор республики.

Благодарю за внимание».

Острая дискуссия, при которой проходило обсуждение вопросов по повестке дня сессии, изложенных двумя позициями – докладом Президиума Верховного Совета и альтернативным докладом демократического движения республики, однозначно показала, что фактические действия руководства КБССР по поддержке ГКЧП были настолько очевидны, что доказать противоположное, как бы ни старались руководители республики и их единомышленники, для них представлялось трудно разрешимой задачей. Тем не менее, пользуясь послушным большинством депутатов, руководству Верховного Совета удалось добиться принятия постановления в

подготовленном им самим варианте. В принятом постановлении полностью одобрялись действия руководства республики и принятые Президиумом Верховного Совета документы в период путча узурпаторов власти в Москве 19 – 21 августа 1991 года.

Предусмотренный альтернативным докладом проект постановления об отставке руководителей Верховного Совета, правительства республики, руководителей средств массовой информации даже не был поставлен на голосование.

Таким образом, внеочередная сессия Верховного Совета КБССР, состоявшаяся 24 августа 1991 года, завершилась с таким результатом, который заранее был запланирован руководством Верховного Совета.

Безусловно, на сессии от имени демократического движения прозвучала острая критика в адрес руководства республики, были озвучены многие неприятные для них факты в связи с их поведением в период августовского путча в Москве. Но все это никак не повлияло на итоговый результат работы сессии.

Но в жизни зачастую не всегда бывает так, что все идет по заранее составленному сценарию. Именно таким образом развивались последующие события в республике, вызванные принятыми на внеочередной сессии Верховного Совета КБССР 24 августа 1991 года решениями.

В день работы внеочередной сессии Верховного Совета на площади перед Домом Советов начался республиканский митинг, организованный движением «Демократическая Кабардино-Балкария». Работа сессии в течение дня транслировалась на площади по радио. Участники митинга, оценив характер хода обсуждения вопросов, связанных с путчем хунты в Москве, сделав вывод, что большинство депутатов игнорирует требования демократического движения, решили, во-первых, митинг объявить бессрочным, во-вторых, неожиданно некоторые активисты митинга, в знак протеста против решений сессии Верховного Совета, объявили политическую голодовку. Голодовка возникла спонтанно. После того как митингующие узнали о результатах работы сессии Верховного Совета, кто-то из выступающих у микрофона перед митингом заявил об этом, и эта инициатива моментально была поддержана многими участниками митинга.

Большинство депутатов после окончания работы сессии, вечером, избегая встречи с многотысячным митингом у парадного входа, крадучись

покидали здание Дома Советов через боковые входы.

Безусловно, начатая к вечеру 24 августа 1991 года среди митингующих у Дома Советов протестная голодовка явилась небывалым до того времени не только в КБССР, но и в масштабах РСФСР общественно-политическим актом. Этот своеобразный политический протест против консервативной, антидемократической политики руководящих кругов Кабардино-Балкарской ССР получил впоследствии широкую поддержку среди немалого числа населения республики.

Когда после завершения работы сессии Верховного Совета я вышел из здания Дома Советов, Заур Налоев уже выступал у микрофона перед митингующими. К концу своего выступления Заур Магомедович заявил, что присоединяется к группе голодающих. Я сильно огорчился услышанным. Заур, объявив о своем решении, спустился со ступенек площадки и вместе с Зейтуном Зукаевым направился в сторону группы митингующих. Я быстро догнал Заура и стал отговаривать его от намерения голодать. Во-первых, в этот период времени здоровье Заура вызывало беспокойство, и голодовка, без сомнения, могла усугубить это его состояние. Во-вторых, исключение Заура из активной деятельности по руководству «Хасэ» и участию в демократическом движении республики не будет на пользу нашего общего дела. На мои уговоры Заур, в упор посмотрев на меня, спросил: «Что же ты предлагаешь, чтобы я вернулся к микрофону и объявил митингу, что я передумал?» Я подумал и перестал его отговаривать.

Процесс протестной голодовки представляет собой сложное общественно-политическое явление. Оказалось, что он имеет определенный общепринятый в мировой практике юридический статус и соответствующие нормы, выработанные на мировом уровне. Как это ни странно, но среди митингующих оказались лица, неплохо осведомленные в требуемых в таких случаях процедурах.

Участниками политической голодовки были честные, принципиальные, твердые духом и характером, уверенные в своей правоте активисты митинга, в том числе руководители движения «Демократическая Кабардино-Балкария» Заур Налоев, Зейтун Зукаев, Жантемир Губачиков.

Дальнейший ход событий возле Дома Советов, без сомнения, мог бы стать сюжетом для детективного произведения. События эти проходили совершенно иным образом, чем то, что было впоследствии в комментариях

ряда политиков, находившихся в то время во власти. Они были остры, драматичны, порою жестко бескомпромиссными.

Уже прошло более 26 лет с того времени, и теперь все то, что будет ниже изложено, относящееся к тем событиям, будет представлять собой извлечение из официальных документов работы сессии Верховного Совета КБССР, состоявшейся 27 августа 1991 года.

В ночь с 24-го на 25 августа я домой не уходил, находился на площади вместе с голодающими. Дело в том, что, когда были завершены все формальные стороны вопроса, голодающие граждане на своем собрании сформировали координационный совет – специальный орган. Голодающие попросили меня возглавить этот орган. Главная задача координационного совета в первую очередь заключалась в доведении до соответствующих органов власти республики требований голодающих, а также добиться того, чтобы требования голодающих были максимально удовлетворены. Кроме этого, в обязанности руководителя координационного совета голодающих входило решение задач, связанных с созданием определенных бытовых условий голодающих – обеспечением палатками, дистиллированной водой, организацией систематического медицинского обследования здоровья голодающих. Все эти вопросы удалось решить с помощью группы активистов – участников митинга. Руководители ведомств (Минздрав, Гидрометаллургический завод, Управление по туризму), несмотря на ночное время, благожелательно отзывались на наши просьбы. За ночь все перечисленные проблемы были решены. К утру на каждого голодающего была составлена медицинская карта.

На следующее утро (25 августа – воскресенье) я стал искать связи с руководством республики. Примерно до 11 часов в Доме Советов я никого из руководителей республики не смог найти. Кокова в республике не было, стало известно, что накануне он улетел в Москву.

Ночью и в первые утренние часы 25 августа я не раз задумывался над поведением руководителей Верховного Совета и Правительства республики за период после завершения внеочередной сессии Верховного Совета вечером 24 августа 1991 года.

Ведь они были прекрасно осведомлены о том, что еще со второй половины 24 августа группа из среды митингующих граждан объявила о своей политической голодовке. Не приходится сомневаться в том, что

руководство республики через представителей специальных органов, которые всегда присутствовали скрыто среди митингующих, получало в оперативном порядке информацию о том, что происходило на площади в ночь с 24-го на 25 августа и в утренние часы 25 августа. Тем не менее ни вечером, ни ночью, ни на следующий день до моей встречи с Кармоковым и Мамхеговым никто из руководителей республики не соизволил отреагировать на происходящие на площади перед Домом Советов события.

Сложно сформулировать иную оценку подобному отношению к голодающим со стороны лиц, ответственных за судьбу республики, кроме как назвать ее противоестественной, античеловеческой, антнравственной и антигуманной.

Хронология событий, происходивших 25 и 26 августа 1991 года в Президиуме Верховного Совета и Правительстве республики, приведена в моем информационном докладе на чрезвычайной сессии Верховного Совета (приводится ниже). При встречах 25 августа перед Кармоковым мною как руководителем Координационного совета голодающих был поставлен вопрос о необходимости срочного, в тот же день, сбора членов Президиума Верховного Совета с тем, чтобы на нем решить вопрос о созыве на следующий день, 25 августа, чрезвычайной сессии Верховного Совета.

Однако, несмотря на нарастание напряженности среди митингующих и голодающих, на неоднократные напоминания мною и рядом депутатов Верховного Совета, прибывших в Дом Советов из чувства глубокого беспокойства и ответственности за сложившуюся политическую напряженность в республике, Кармоков как заместитель Председателя Верховного Совета ссылаясь на всякие условия, саботировал сбор членов Президиума. Безусловно, все это время он имел связь и консультировался с Коковым. Власть, без сомнения, старалась маневрировать, выиграть время. Она явно келейно вырабатывала тактику действий с тем, чтобы найти приемлемый в будущем исход противостояния партийно-аппаратной системы, с одной стороны, и демократического, народного движения значительного числа населения республики, с другой, непрерывно продолжающегося вот уже неделю с 19 августа.

Власть уже понимала, что грубым примитивным давлением на оппозицию ей не удастся вернуть ситуацию в республике в состояние, которое имело место в ней до событий 19 августа 1991 года.

В таких условиях в 15 часов 27 августа 1991 года началась чрезвычайная сессия Верховного Совета КБССР с повесткой дня: «Рассмотрение политического заявления группы голодающих граждан». Выступить с информацией по этому вопросу было поручено мне.

Эта сессия по остроте обсуждаемых проблем, по развернутой на ней бескомпромиссной дискуссии стоит особняком от всех сессий Верховного Совета, проходивших до нее, так и тех, которые состоялись после.

Начало чрезвычайной сессии Верховного Совета 27 августа 1991 года имело некоторые необычные особенности. Одной из таких явилось то, что заседание сессии началось только в 15 часов. Объяснялось это, по всей вероятности, тем, что Коков дал указание не начинать работу сессии без его участия, а он только в тот день возвращался из Москвы.

Кроме того, перед тем как начать рассмотрение основного вопроса, из-за которого была созвана сессия, председательствующий В. Коков в нарушение регламента Верховного Совета, организовал рассмотрение ряда вопросов, в том числе не имеющих отношения к повестке дня сессии.

Во-первых, без оглашения и без утверждения повестки дня, а тем более без ее обсуждения по настоянию председательствующего была сформирована редакционная комиссия.

Во-вторых, опять-таки без включения вопроса в повестку дня, без всякой связи с подлежащей обсуждению на сессии проблемой были организованы перевыборы состава Счетной комиссии Верховного Совета. При этом сразу вновь выбранная комиссия приступила к обновлению в памяти депутатов ряда процедурных вопросов, предусмотренных регламентом Верховного Совета.

В-третьих, еще до утверждения повестки дня, соответственно, до того, как до депутатов была доведена суть политического заявления голодающих, Юрий Маиров, член Президиума, председатель постоянной Комиссии по законодательству Верховного Совета, стал с ходу опровергать легитимность требования голодающих по роспуску Верховного Совета. Для этого он ссылался на значительное количество законодательных актов КБССР, РСФСР и СССР. При этом подавляющее большинство из депутатского корпуса республики наверняка знало, что в сотнях государств мира с давних времен досрочные парламентские выборы по разным причинам – это обычная практика. Возможно, Маиров полагал, что в озвучиваемых им

вопросах депутатский корпус не так эрудирован. То, что такая его позиция не соответствует действительности, четко показал дальнейший ход работы сессии.

Во всех случаях подготовки очередных и внеочередных сессий Президиум Верховного Совета готовил проект постановления по вопросам, подлежащим рассмотрению на сессии Верховного Совета. Повестку данной чрезвычайной сессии формировал не Президиум, а депутаты – инициаторы ее созыва. Поэтому представленный на сессии Маировым пространный экскурс в лабиринты законодательных актов, отдающийся некоторыми демагогическими моментами, претендовал быть от имени Президиума основой постановляющей части работы сессии в ответ на заявление голодающих.

Между тем начало рассмотрения вопроса, из-за которого была созвана чрезвычайная сессия, затягивалось. Дело в том, что спонтанно депутат Р. Жанимов навязал сессии вопрос об отмене решения Нальчикского горсовета по демонтажу памятника Ленину перед Домом Советов. Снятие памятника Ленину изначально было одним из требований голодающих. Митингующие еще утром 25 августа предприняли попытки своими силами демонтировать памятник. Председателю Нальчикского горисполкома Валерию Сижажеву удалось приостановить самовольный снос памятника. Вопрос оперативно был рассмотрен 26 августа на сессии Нальчикского горсовета, который, пользуясь полномочиями, определенными Конституцией РСФСР, принял решение о демонтаже памятника Ленину. Это решение было принято 84% голосов депутатов горсовета. Принятие каких-либо актов против решения Нальчикского горсовета со стороны Верховного Совета явилось бы грубым нарушением законодательства. Соответственно, предложение Жанимова по данному вопросу на сессии Верховного Совета было отклонено.

После нескольких моих настоятельных напоминаний о необходимости начать рассмотрение основного вопроса повестка дня была утверждена. Вслед за этой процедурой мне было предоставлено слово.

Я выступил с докладом-информацией не только как депутат, а в первую очередь как председатель Координационного совета голодающих.

Ниже приводится текст моего доклада и справка врача Абазова.

М.А.Хачетлов: «Прежде чем говорить по существу, товарищи, я хочу сказать, что чрезвычайные обстоятельства заставили нас спустя три дня

вновь собраться в этом зале. Хочу также заявить, что протестую против такого начала сессии Верховного Совета. Это оскорбляет голодающих и тех, кто в эти дни находится рядом с ними. Такое начало сессии говорит о том, что Президиум Верховного Совета КБССР не придал должного значения событиям, которые происходят уже четвертый день. Почему, уважаемый председатель, вы начали сессию со сбора справок, развернули дискуссию, не выслушав информацию? Это же негуманно, товарищи.

Теперь по существу. Как вы знаете, во время работы внеочередной сессии нашего Верховного Совета 24 августа 1991 года перед зданием Дома Советов был организован митинг в знак протеста против того, что в период путча с 19 по 21 августа 1991 года руководством республики приняты практические меры в поддержку действий хунты. На это время руководство республики приостановило на нашей территории действие Конституции СССР в части о Президенте СССР и Конституции РСФСР в части рассмотрения актов Президента СССР. После того как сессия Верховного Совета приняла неадекватное решение, митинг продолжил действовать. Примерно в 17 часов 30 мин. 24 августа 1991 года на митинге началось стихийное объявление гражданами о своей политической голодовке. Этот процесс нарастал стремительно и буквально за полтора часа число объявивших голодовку достигло более 40 человек. В то время когда мы заседали, большинство руководителей демократического движения находилось на митинге. Когда мы после сессии вышли на улицу к митингующим, с ужасом узнали, что практически все руководство демократического движения объявило голодовку. Таким образом, мы оказались в чрезвычайно трудном положении и даже, можно сказать, растерялись. Тем не менее мы стали искать пути выхода. Что такое политическая голодовка, никто из нас, в том числе и я, не имел представления. Мы нашли специалиста в этом вопросе, и он помог нам оформить статус этого явления. В результате был создан координационный совет по оказанию помощи голодающим. Возглавить его поручено мне. Количество членов координационного совета не ограничено. Сначала нас было человек 15 – 18, а сейчас нас очень много. Первой задачей этого совета является (хотя трудно сказать, что является первой задачей, а что – второй) организация минимальных условий голодающим (постель, медицинская помощь, палатки), оформление их статуса.

Координационный совет в первую очередь в соответствии с существующими нормами зафиксировал соответствующими документами факт объявления голодовки. На каждого голодающего составлен бюллетень. В последующие дни количество голодающих стало увеличиваться, несмотря на то что мы препятствовали этому явлению. В первые дни голодовки ситуация (в части организации) сложилась тяжелая, т.к. эти дни выпали на выходные – не работали предприятия. Но тем не менее нам удалось найти определенное количество палаток и разместить в них голодающих.

Вторая задача координационного совета заключается в том, чтобы добиться как можно в короткий срок разрешения требований, ради которых люди пошли на такой отчаянный шаг.

Я вам зачитаю документ, который был составлен по процедуре: «В г. Нальчике у Дома Советов с 10 час. 30 мин. 24 августа 1991 года объявило голодовку 40 человек.

На каждого голодающего составлен бюллетень. Имеются свидетели, подтверждающие факт голодовки. Создан координационный совет по защите прав голодающих. В известность поставлен Минздрав КБССР, а также прокурор республики т. Денисов.

Подписи председателя координационного совета и его членов имеются».

В воскресенье утром примерно в 10 часов, когда было оформлено политическое заявление группы голодающих, я уже начал связываться с руководством республики. К сожалению, в то время в здании Дома Советов из руководства был только Кармоков. Ему я и понес для опубликования текст заявления голодающих. В принципе по этому вопросу мы с ним договорились. Впоследствии подошел т. Мамхегов, и мы достигли договоренности в том, что я организую им встречу с голодающими и членами координационного совета. И эта встреча состоялась примерно в 11 часов. И со стороны т. Кармокова, и со стороны т. Мамхегова была проявлена озабоченность и высказаны просьбы прекратить голодовку. Голодающие категорически отказались от этого. Тогда я т. Кармокову и Мамхегову вручил политическое заявление уже официально. Зачитываю его вам:

«Мы, участники проходящего на площади у Дома Советов в г. Нальчике митинга, объявляем политическую голодовку по следующим

мотивам:

1. В период военно-партийного путча с 19 по 21 августа 1991 года руководство республики поддержало преступные действия антиконституционного органа ГКЧП.

2. Все постановления и распоряжения ГКЧП беспрепятственно были опубликованы во всех республиканских, городских и районных газетах, переданы по местному радио, телевидению и приняты к исполнению.

3. Указы Президента РСФСР были полностью проигнорированы, отвергнуты и не опубликованы в печати.

4. Отвергнув требования движения «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика» о признании неконституционным ГКЧП, Президиум Верховного Совета КБССР 21 августа принял постановление и обращение к народу Кабардино-Балкарии, по сути повторяющее постановление №1 ГКЧП.

5. Чрезвычайная сессия Верховного Совета КБССР, созванная 24 августа 1991 года по требованию движения «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика», одобрила позиции и действия руководства республики в дни путча, что по сути означает одобрение деятельности ГКЧП.

В связи с вышеизложенным мы требуем:

1. Отставки Председателя Верховного Совета КБССР т. Кокова, его заместителей т. Кармокова, Чабдарова, Чепуркова и председателя Совета Министров КБССР т. Мамхегова.

2. Рассрочки ныне действующего Верховного Совета и назначения выборов его нового состава».

Этот документ, как я вам уже сказал, я передал официально т. Кармокову и попросил его, чтобы он принял все меры для организации быстрейшего рассмотрения политического заявления. Однако в дальнейшем все протекало не так, как этого требовали обстоятельства. Как уже говорил, документ я передал т. Кармокову в воскресенье, т.е. 25 августа примерно в 11 часов 30 минут. Мы предложили даже и механизм рассмотрения данного вопроса. Мы рекомендовали срочно, т.е. сегодня же, собрать Президиум Верховного Совета, на котором должно быть принято решение о созыве чрезвычайной сессии Верховного Совета КБССР не позднее чем завтра. Я все время заходил в здание Дома Советов и интересовался тем, что происходит в той части, где расположен Президиум Верховного Совета. В этот день состоялось заседание Совета Министров КБССР, на котором было

принято, как я теперь понимаю, обращение к народу Кабардино-Балкарии. После обеда, где-то около 16 часов, при очередном посещении Президиума я обнаружил в зале заседания Президиума большое количество народных депутатов и часть членов Президиума Верховного Совета КБССР.

Я, естественно, подумал, что они собирались для обсуждения сложившегося положения. Однако т. Кармоков им рекомендовал разъехаться по республике для организации сборов трудовых коллективов, сельских сходов, на которых они, депутаты, должны проинформировать население о сложившейся обстановке и выработать резолюции. После этого предполагалось провести республиканский сход в конце недели. Я с ужасом слушал все это в течение 8 – 10 минут и сказал т. Кармокову: «т. Кармоков, я вам вручил политическое заявление голодающих и вы, как властное лицо, должны заниматься этим и только этим вопросом. Немедленно созовите Президиум Верховного Совета.»

Тут же были предприняты попытки созвать Президиум: делались куда-то телефонные звонки, пытались, якобы, послать за кем-то машину. Происходила, грубо говоря, мышиная возня. Появился т. Таов и, узнав, что не собирались члены Президиума, возмутился и потребовал немедленно разыскать членов Президиума. Меня заверили, что найдут необходимое количество членов Президиума и заседание состоится. С этим я вернулся к голодающим. В этот день мне приходилось, покидая пост председателя координационного совета, неоднократно подниматься наверх и узнавать, как решаются вопросы. Однако, когда я поднялся в очередной раз, в зале заседаний никого не оказалось. Из уст встретившихся мне по пути депутатов я узнал, что т. Кармоков принял решение – в связи с отсутствием кворума заседание Президиума перенести на завтра, т.е. на понедельник, 26 августа 1991 года. Всю информацию, которую я получал в здании Дома Советов, доносил до сведения голодающих. Я взял на себя защиту их прав и поэтому был обязан докладывать им каждые час-полтора всю имеющуюся информацию, а митинг на площади продолжался.

Я хотел бы сегодня как народный депутат КБССР сделать депутатский запрос – почему т. Кармоков, заместитель Председателя Верховного Совета республики, ушел из здания Дома Советов, не созвав до 24 часов, до 2 часов, до 3 часов ночи Президиум Верховного Совета? Неужели было настолько сложно найти членов Президиума? Было сказано, что Чепурков заболел.

Кстати, после обеда, когда я хотел вновь встретиться с т. Мамхеговым, мне сказали, что он тоже заболел и ушел. Ушел, не известив об этом координационный совет. Ведь я ему излагал статус голодающих. Я хочу обратиться к тем членам Президиума, которых не могли найти в воскресенье, чтобы объяснили, где они были в тот день?

И последнее, что я хочу сказать.

Товарищи, выходя из этого здания в субботу, 24 августа, мы все видели, что продолжается митинг, который объявлен бессрочным. Я не виню, конечно, тех депутатов, которые не имеют властных функций, но заместители Председателя Верховного Совета, члены Президиума должны были понимать, что обстановка на площади может измениться в любую минуту. Я считаю, что их отношение к происходящему является безответственным отношением, если не сказать антигуманным.

Теперь по существу требований. Первое требование голодающих – отставка руководства – я не буду обосновывать. Об этом подробно сказано мной в альтернативном докладе на внеочередной сессии Верховного Совета республики. А вот о требовании голодающих о самороспуске Верховного Совета я бы хотел сказать. Да, действительно, в нашей Конституции нет положения о прекращении деятельности Верховного Совета. Но мы, демократическое движение, исходим из того, что, как сказал т. Кулик на вчерашнем заседании Президиума Верховного Совета, подавляющее большинство депутатов не сможет заполнить лист бумаги, отвечая на один-единственный вопрос: «Что ты сделал за полтора года депутатской деятельности?» Я разделяю точку зрения т. Кулика. Давайте хотя бы в этом вопросе будем до конца честны.

Товарищи, если полтора года назад все вопросы решались известным партийно-государственным методом руководства, то теперь политическая ситуация в республике резко изменилась.

Итак, товарищи, политическая ситуация в республике настолько изменилась, что мировоззрение настоящего депутатского корпуса ни в коей степени не отражает общественного мнения. А все это потому, что мы знаем, как большинство из нас было избрано. Давайте вспомним, как проходила предвыборная кампания Президента РСФСР, где были противопоставлены две идеологии. Демократическое движение в этой борьбе одержало убедительную победу, и мы считаем, что законодательному органу

необходимо отражать общественное мнение. На сегодняшний день этот орган не отражает мнения народа, и поэтому создался политический кризис. Мы, Верховный Совет, высший законодательный орган, мы и только мы должны разрешить создавшийся политический кризис. И поэтому давайте своим решением назначим досрочные выборы народных депутатов КБССР и внесем соответствующую поправку в нашу Конституцию, так как мы не можем волевым решением навязать каждому депутату, чтобы он отказался от своих полномочий. Наш подход к требованию голодающих о самороспуске Верховного Совета таков.

В заключение еще об одном. Вот мне сейчас принесли, товарищи, информацию, что голодающему Максидову стало очень плохо. Ранее он перенес инфаркт миокарда, врачи ему не разрешают голодать, но он продолжает голодание.

Я прошу после меня предоставить слово врачу, члену координационного совета т. Абазову. Его выступление займет буквально минуту-полторы. Спасибо».

Х.Абазов: Товарищи, прежде чем дать справку о состоянии голодающих, я, прежде всего, как гражданин, неравнодушный к происходящему в нашей республике и который, может быть, больше никогда не попадет на эту трибуну, хочу дать вам совет, хотя осознаю его беспардонность. Пожалуйста, поймите ситуацию, прошу вас. Просит и народ, который стоит на площади, пока просит, сложите свои полномочия.

Теперь справка.

СПРАВКА

координационного совета и врачебной бригады
по защите интересов голодающих на пл. Ленина
по требованию резолюции митинга к Верховному
Совету КБССР от 24.08.91 г.

1. На 27.08.91 г. количество документированных голодающих – 68 чел.
Из них женщин – 13 чел.
- 1 семья.
2. Возрастной состав: от 17 до 68 лет.
3. На 27.08.91 г. 27 голодающих нуждаются в постоянном медицинском наблюдении, из них трое (Максидов, Бриденко, Налоев) – в

стационарном наблюдении, но они категорически отказались от этого, и данная помощь по мере возможности оказывается на месте.

3. На митинге постоянно дежурит бригада скорой помощи.

Помимо этого, товарищи, сегодня и вчера вечером к нам начала поступать информация. Но прежде хочу сказать, что все 68 голодающих юридически правильно оформлены, т.е. сначала было аргументированное политическое заявление, а затем на каждого заведен бюллетень голодающего, где ежедневно делается запись о состоянии их здоровья, а по требованию самого голодающего и несколько раз в день.

Хочу сказать также, что мы вчера получили из Прохладненского района два политических заявления, сегодня еще два об объявлении гражданами голодовки. По непроверенным данным по телефону, такая же информация поступила из г. Нарткалы и Терека. За достоверность телефонной информации я отвечать не могу, но четыре политических заявления из Прохладненского района у нас имеются. Они, естественно, зарегистрированы. Я прошу медицинскую службу этого района обеспечить помощь голодающим на месте».

Заместитель Председателя Верховного Совета Хачим Кармоков в своем выступлении всячески старался опровергнуть факты, приведенные в моем докладе, свидетельствующие о его противодействии оперативному созыву чрезвычайной сессии Верховного Совета республики, сессии, на которой следовало рассмотреть политическое заявление голодающих, заявление, которое мною было передано Кармокову еще 25 августа в 11 часов дня. Он, как бы между прочим, сообщил депутатам, что откликнулся на мою просьбу и ознакомился с требованиями голодающих. Правда же заключается в том, что, во-первых, я Кармокова ни о чем не просил, я разыскивал его, чтобы организовать встречу представителей голодающих с ним, во-вторых, в том, что ввиду отрицательного результата я официально, в письменном виде вручил Кармокову заявление голодающих. Последнее мною было исполнено в порядке реализации моих обязанностей как председателя координационного совета голодающих. Факт официального получения заявления голодающих Кармоков никак не мог отрицать, потому как этот документ фигурировал при всех моментах предварительных дискуссий среди членов Президиума, посвященных созыву чрезвычайной сессии Верховного Совета. В конечном итоге именно политическое заявление голодающих,

переданное мною Кармокову, явилось причиной созыва чрезвычайной сессии 27 августа 1991 года. В своем выступлении Хачим Кармоков также отрицал, что через руководителей местных органов управления он призывал созывать сходов трудовых коллективов, жителей сел с целью осудить действия митингующих, голодящих и движения «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика». Но ведь имелись протокольные документы совещания Президиума Верховного Совета 26 августа 1991 года.

О глубоком драматизме и чрезвычайности политической голодовки немалой группы граждан республики, о своей какой-либо озабоченности по этому поводу Кармоков в своем выступлении ни слова не сказал. Он также заявил о своем категоричном непринятии требования голодящих о самороспуске Верховного Совета КБССР. «Я депутатский мандат сдам только после того, как мне прикажут это сделать мои избиратели...». Хачим Мухамедович при этом прекрасно знал, что подобной формы прекращения депутатских полномочий законодательством КБССР и РСФСР не предусматривается. Тем не менее исключительно в популистских целях он прибегал к таким незаконным методам обоснования своей политической позиции. Кармоков зачастую не упускал момента, чтобы подчеркнуть исключительность доверия к нему избирателей. И на этот раз он попробовал демонстрировать депутатам Верховного Совета коллективные обращения к нему избирателей его Черняховского избирательного округа №8 и коллектива ассоциации «Каббалпроектстрой», якобы требовавших от него запрета сложения депутатских полномочий. О механизмах происхождения подобных обращений несложно было догадаться. Несмотря на демонстрацию своей твердой позиции по необходимости сохранения сложившейся системы политического управления республикой, тем не менее Кармоков в конце своего выступления заявил о своей просьбе об освобождении его от должности заместителя Председателя Верховного Совета КБССР.

Михаил Мамхегов после длительного по времени выступления, в котором подробно рассказал о своей трудовой биографии, попросил депутатов освободить его от должности руководителя Правительства республики.

В ходе сессии также было оглашено заявление Бориса Чабдарова, находившегося на лечении в Москве, с просьбой об освобождении его от должности первого заместителя Председателя Верховного Совета КБССР.

Впоследствии подобное заявление также было озвучено и заместителем Председателя Верховного Совета Юрием Чепурковым.

Выступающие на сессии не уделяли особого внимания заявлениям заместителей Председателя Верховного Совета и Председателя Правительства по освобождению их от занимаемых должностей. С одной стороны, можно было подумать, что авторы заявлений, осознав определенную ответственность за складывающуюся в республике острую политическую ситуацию, вызванную политической голодовкой группы граждан и другими протестными актами немалого количества представителей населения республики, своими отставками решили внести вклад в дело стабилизации общественно-политической обстановки в КБССР.

С другой стороны, для многих депутатов становилось очевидным, что происходившие на сессии необычные процессы, в том числе по добровольной отставке большинства из руководителей республики, являются составляющими сложно сплетенных закулисных действий группы из аппарата руководства КБССР. При этом многие аппаратные и хозяйствственные руководители, в том числе из депутатского состава, заранее знали, другие в этом убедились в ходе работы чрезвычайной сессии, что во главе этой группы стоит Валерий Коков.

Острая дискуссия на сессии Верховного Совета развернулась вокруг одного из главных требований голодающих – самороспуска Верховного Совета КБССР. Естественно, мнения депутатов по этому принципиальному вопросу разделились.

Депутат Верховных Советов КБССР и РСФСР Владимир Мастафов, выступая на сессии, отметил: «После анализа политического и социально-экономического положения нашей республики я пришел к печальному выводу, что надо поддержать требование голодающих об отставке руководства республики. И не только потому, что оно своевременно не осудило действия хунты, а еще потому, что потеряно практически управление народным хозяйством республики.

... Наша республика по основным показателям оказалась в числе самых отстающих регионов Юга России...».

Депутат Анатолий Ахохов, генеральный директор ПО «Телемеханика», в своем выступлении озвучил обращение работников возглавляемого им предприятия: «Коллектив ПО «Телемеханика», обсудив политическое

положение в республике, сложившееся после разгрома антиконституционной группы, совершившей 19 – 21 августа государственный переворот, считает, что руководство республики в лице Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики не проявило себя должным образом, не стало на защиту конституционных органов и прав населения республики...

...Коллектив считает, что особая вина в этом деле принадлежит Совету Министров...»

Депутат Пшикан Таов, председатель облсовпрофа республики, четко обозначил позицию руководимого им профсоюзного органа республики: «Профсоюзный орган республики сделал свой выбор. В целях предотвращения дальнейшей дестабилизации и обеспечения нормализации общественно-политической обстановки в республике Президиум Совета Федерации независимых профсоюзов единогласно выступил за отставку Президиума Верховного Совета и Правительства республики, за самороспуск Верховного Совета и проведения досрочных выборов высшего органа республики на демократических принципах...».

Депутат Петр Иванов дал жесткий отпор тем депутатам, которые, воспользовавшись его отсутствием на прошлой сессии, пытались ему приписывать позицию, будто бы 20 августа на заседании Президиума Верховного Совета он одобрил действия руководства республики в дни путча. Петр Мацович сказал: «В то время когда я отсутствовал на предыдущей сессии, некоторые депутаты говорили, что демократы в лице Иванова сказали не это, сказали то. На заседании Президиума, о котором шла речь, политическую оценку случившемуся государственному перевороту дал я и только я. Я тогда выступил против включения в постановление Президиума пункта о запрете проведения митингов и о привлечении к ответственности их организаторов. 19 августа 1991 года мы, собравшиеся активисты «Демократической Кабардино-Балкарии», приняли решение бороться против ГКЧП... Это сейчас легко говорить, а 19 августа почему-то многие молчали. Давайте взвешенно подходить к ситуации, которая сегодня сложилась... Люди, которые голодают, выставили конкретные требования. Мы должны ответить им: да или нет...»

В то же время такие депутаты, как Жанимов, Нахушев, Шомахов, Мешева, Аслануков, Чепурков, Малкандинов, Гукетлов, Карданов и некоторые другие продолжали, как Кармоков, защищать принятые решения

на внеочередной сессии Верховного Совета 24 августа 1991 года по оценке действий руководства республики в период разворачивания деятельности ГКЧП с 19 августа. Соответственно, по их мнению, об удовлетворении требований голодающих речи не могло быть.

Некоторые депутаты, особенно не утруждая себя судьбой голодающих, в своих выступлениях пускались в рассуждения об общем состоянии экономики республики, о сборе урожая и других частных хозяйственных вопросах. В связи с этим я вынужден был взять слово и обратить внимание председательствующего и депутатов, что в связи с чрезвычайностью ситуации и нарастающей напряженностью среди голодающих выступающие должны сосредоточить свои высказывания по существу повестки дня сессии – на требованиях голодающих.

Председательствующий В. Коков в очередной реплике между выступлениями поддержал меня и призвал депутатов сосредоточить свою работу на выработку решений в связи с заявлением голодающих. Более того, комментируя ход работы сессии, он практически обозначил свою позицию по форме разрешения создавшегося в республике, по существу, политического кризиса: «Что касается самороспуска (Верховного Совета), реализовать его возможно прежде всего назначением выборов Президента КБССР...

...Если мы не решим вопрос выборов Президента КБССР путем всенародного голосования, то мы с вами должны договориться по проведению досрочных выборов Верховного Совета».

Таким образом, позиция В. Кокова по разрешению сложившейся общественной напряженности в республике, вызванной протестной голодовкой граждан, а также по будущей системе политического управления республикой в определенной степени стала очевидной. Во-первых, по его мнению, введению в республике президентской формы правления альтернативы нет. Во-вторых, он будет настойчив для того, чтобы добиться оперативного положительного решения по этому вопросу. В-третьих, он не может не считаться с необходимостью принятия приемлемого для всех решения по заявлению голодающих.

На заседании чрезвычайной сессии возможность выступить перед депутатами была предоставлена голодающим Шириеву, Пшиншеву и Зукаеву.

Шириев в своем выступлении аргументировано доказывал

необходимость обновления состава высшего законодательного органа республики: «...Теперь я хочу обратиться к депутату-женщине (Мешевой), которая говорила, что, возможно, от вновь избранного Верховного Совета также потребуют отставки... Разница между сегодняшним Верховным Советом и Советом, который будет избран на многопартийной основе демократическим путем, будет существенная, и заключается она вот в чем. Вот эту «великолепную восьмерку» будут судить по статье «За измену Родине». И те депутаты, которые не вышли на улицу и не осудили эту «восьмерку», во многом являются соучастниками преступления, соответственно, народ требует их отставки...».

Из выступления С. Пшиншева: «...Теперь о требовании голодающих. Самое главное наше требование – это самороспуск Верховного Совета КБССР и отставка руководства республики. Здесь много говорилось о неконституционности требования о самороспуске Верховного Совета... Я хочу предложить очень простой способ решения этого вопроса. Назначить день досрочных выборов, и тогда все встанет на свои места... Вы что, решили взять голодающих измором? Выступающие депутаты говорят сколько угодно и что угодно, только не о наших требованиях».

Из выступления Зейтуна Зукаева: «...Ведь вы не станете возражать против того, что хунта пришла, растоптав Конституцию СССР. Вы же, наши властелины и избранные чиновники, свое спасение почувствовали в возвращении тоталитаризма. И не только не поддержали законно избранных президентов, а бросились укреплять военную хунту. Некоторые буйные головы стали составлять черные списки. Мы требуем вашей отставки и самороспуска потому, что вы потеряли последнюю каплю доверия... Здесь выступал Хачим Мухамедович Кармоков с металлом в голосе, пугал нас. А при нашей встрече 20 августа 1991 года вы, т. Коков, Мамхегов, Чепурков, Бражников, Денисов, требовали от нас безусловного подчинения мятежникам.

Вы, Хачим Мухамедович, лично отсылали нас к трем несуществующим статьям Конституции, которые якобы позволяли узаконить приход к власти хунты, стыдили нас, говоря, что мы не можем разобраться в законах. Вы нас пугали мощью этой военной хунты, дескать, сидите спокойно, иначе придут танки.

Почему-то многие выступающие нажимают на нравственность. Знаете,

почему Налоев покинул зал заседания? Потому, что в данной обстановке невозможно слушать оппонентов. Я думаю, более безнравственного поступка, чем вы совершаете сейчас, трудно придумать... Если вы хотите сохранить хоть какое-то подобие своего лица, я вас призываю, уходите. А пока голодовку мы будем продолжать».

Зейтун Зукаев неспроста говорил о нравственности и уходе Налоева. Дело в том, что, несмотря на то что Заур Налоев голодал с первых дней акта голодовки, он как депутат присутствовал на заседании сессии. И он несколько раз просил слово для выступления. Однако по непонятной причине председательствующий отказывал дать ему слово. После очередного отказа в выступлении Заур у микрофона, выставленного в зале, заявил: «...Все, что происходит здесь, – это бесстыдство. Я прошу всех, кто сохранил в душе веру в народ, любовь к народу, выйти вместе с нами. Все, что здесь происходит, – это медленное садистское убийство». После этих слов Заур покинул зал заседания, а вскоре в палатку, где он голодал, пришлось вызвать врача. По этому поводу депутат Раиса Урусова заявила протест председательствующему и секретариату сессии: «Товарищи, нельзя же так делать. Чем занимается секретариат сессии? Нельзя же заниматься сортировкой выступающих. Ведь Налоев три раза просил, чтобы ему дали слово. Надо же учитывать, что он голодает. Мы все, сидящие здесь, виноваты в сложившейся обстановке. Вспомните, как мы вели себя на сессии в субботу 24 августа».

После прояснения В. Коковым своей позиции, смысл которой мы привели выше, многие депутаты – Маиров, Машуков, Сохов, Гятов и другие были уже не так категоричны против назначения новых выборов Верховного Совета, по крайней мере громогласно не звучали предложения об отказе в удовлетворении просьб Кармокова, Мамхегова, Чабдарова и Чепуркова по освобождению их от занимаемых должностей.

В ходе текущей дискуссии по повестке дня депутат Ю. Маиров взял слово и неожиданно зачитал проект постановления Верховного Совета о введении в республике президентской формы правления. Момент был неожиданным, так как этого вопроса в повестке дня сессии не было, и, соответственно, он никаким образом не рассматривался депутатами Верховного Совета. Проект постановления содержал все необходимые процедурные этапы для введения поста Президента в КБССР.

Маиров предложил сразу же провести голосование по данному постановлению. Однако председательствующий без каких-либо комментариев предложил рассмотрение этого вопроса перенести на конец работы сессии, с чем согласились народные депутаты.

Безусловно, проект постановления Верховного Совета о введении президентской формы правления, для многих депутатов спонтанно возникший в ходе работы чрезвычайной сессии, являлся тщательно, заранее продуманным шагом Валерия Кокова. Об этом шаге, без сомнения, был заранее извещен и определенный круг его политических сторонников. Не приходится сомневаться, что среди них был и Хачим Кармоков. Все это подтверждалось в ходе дальнейшей работы чрезвычайной сессии Верховного Совета. В эту политическую комбинацию логично вписывалась череда заявлений об освобождении по собственным просьбам заместителей Председателя Верховного Совета и Председателя Совета Министров республики.

Исходя из периодических реплик и комментариев Председателя Верховного Совета Валерия Кокова к рассматриваемой повестке дня, произносившихся им в ходе работы сессии, для большинства депутатов стало очевидным, что он:

- не возражает против самороспуска Верховного Совета путем назначения срока досрочных выборов новых депутатов;
- поддерживает принятие отставки ряда руководящих лиц республики по их собственному желанию;
- жестко стоит на позиции введения президентской формы правления в КБССР.

На последний вопрос Коков сделал особенный акцент, без сомнения уверенный в том, что в будущем он займет пост Президента КБССР. Порукой этой уверенности должен был стать все еще прочно сохраняющийся потенциал чиновниче-бюрократического аппарата во всей иерархии управления власти в республике. Формированием персональной структуры этого аппарата Коков занимался во все годы его нахождения в республиканской власти, начиная со второй половины 1980-х годов, когда он стал одним из руководителей Кабардино-Балкарского областного комитета КПСС.

К началу второй половины работы чрезвычайной сессии Верховного

Совета председательствующий В. Коков зачитал подготовленный Ю. Маировым и отредактированный редакционной комиссией проект постановления Верховного Совета о процедуре введения поста Президента в КБССР:

«1. Поручить комиссии Верховного Совета по выработке проекта изменений и дополнений в Конституцию КБССР и комиссии по законодательству, законности и правопорядка, обращениям граждан и гласности подготовить проекты законодательных актов, связанных с введением поста Президента КБССР, и представить на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета КБССР». И от себя Коков добавил: «А выборы Президента назначить на 17 ноября 1991 года».

Депутат Тимур Ульбашев в связи с оглашением проекта постановления Верховного Совета заявил: «Этот вопрос (о введении поста Президента), я считаю, надо вынести на всенародное обсуждение. Нам надо знать, как отнесется к вопросу о введении поста Президента население. Тем более он задевает и вопрос о межнациональных отношениях. От имени демократического движения мы против обсуждения вопроса о введении поста Президента».

Депутат Р. Отарова заявила: «...Народ стоит сегодня здесь, на площади, и ждет от нас не дебатов, а конкретных решений требований, которые он высказал... Я убедительно прошу: давайте не втягивать Верховный Совет в обсуждение глобальной проблемы о президентской форме правления в КБССР. Пусть эту проблему решает новый Верховный Совет, который ждет народ ... Давайте проголосуем за проведение выборов 1 или 5 декабря...».

Несмотря на достаточно корректное выступление Отаровой, В. Коков жестко прокомментировал ее позицию: «Я бы просил, чтобы вы не думали, что ваше мнение – последняя инстанция истины». Видимо, он хотел, чтобы ни у кого из депутатов не возникло сомнения в безальтернативной необходимости введения в республике президентской формы правления.

Тем не менее, кроме Ю. Маирова и В. Сохова, другие депутаты, в том числе из группы единомышленников самого Кокова, высказывали мнение, что Верховному Совету необходимо в первую очередь решать вопросы, связанные с требованиями голодающих. С учетом этих обстоятельств председательствующий оперативно изменил последовательность

рассмотрения вопросов на сессии. При этом Коков сказал: «Мы не можем принять решение о самороспуске Верховного Совета, т. Хачетлов в своем первом выступлении говорил, что, если мы объявим досрочные выборы, то проблема о самороспуске Верховного Совета снимается. Поэтому позвольте мне поставить проект постановления о досрочных выборах на голосование». Вслед за этими словами Ю. Маиров начал зачитывать текст проекта постановления:

«Верховный Совет Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики постановляет:

1. Назначить досрочные выборы народных депутатов Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР... – и сразу возникла пауза. Я предложил записать «в декабре 1991 года». Предложение было сразу поддержано.

2. Поручить комиссии Верховного Совета КБССР подготовить проект Закона КБССР «О выборах народных депутатов КБССР» и представить его на рассмотрение Верховного Совета КБССР. По предложению депутата А. Будаева последний пункт постановления был дополнен словами – «в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете КБССР».

Что касается пункта постановления об учреждении президентской формы правления в республике, сам Коков предложил его измененную редакцию:

«3. Поручить комиссии Верховного Совета по выработке проекта закона о выборах народных депутатов подготовить все вопросы, связанные с введением президентской формы правления, и представить их на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета КБССР», т.е. 17 сентября. Этот пункт постановления депутатами также был принят.

После того как Верховный Совет принял постановление о подготовке необходимых законодательных документов для введения в республике президентской формы правления, Валерий Коков выступил с пространным заявлением. Он сказал: «Уважаемые депутаты, в сложившейся обстановке эффективное исполнение обязанностей Председателя Верховного Совета начисто исключается. Во имя сохранения гражданского мира, межнационального согласия, во имя обеспечения нормального развития республики по очень трудным дорогам реформы я прошу вас принять мою отставку».

Далее он в своем заявлении повторил выдержки из его доклада на

внеочередной сессии Верховного Совета республики 24 августа 1991 года, сессии, из-за неадекватного решения которой в Нальчике и в республике развернулись широкомасштабные протестные мероприятия, началась политическая голодовка большого числа граждан КБССР. Коков, несмотря на наличие многочисленных фактов, подтверждающих противоположное, вновь охарактеризовал позицию и действия руководителей КБССР как исключительно лояльные к российским властям, организовавшим решительное противодействие широких масс ГКЧП.

Что касается заявления Кокова о его отставке, действительно, когда, так или иначе, Верховным Советом было принято решение о необходимости учреждения поста президента, когда назначены досрочные выборы народных депутатов, для Валерия Кокова, планирующего выдвинуть свою кандидатуру на должность президента и выиграть президентские выборы, в переходный период заниматься рутинной текущей работой Верховного Совета явно было нецелесообразной деятельностью. Ему необходимо было полностью сосредоточиться на вопросах обеспечения своей победы на президентских выборах КБССР. Этими и только этими обстоятельствами объяснялось его недвусмысленное решительное заявление с просьбой принять его отставку с должности Председателя Верховного Совета КБССР.

Наконец настало время, когда Верховный Совет должен был принять решения по личным заявлениям Кармокова, Чабдарова, Чепуркова и Мамхегова, а также присоединившегося к ним в последний момент Валерия Кокова. В своих заявлениях, сделанных с трибуны Верховного Совета, все они просили принять их отставку от занимаемых ими должностей.

Некорректное толкование норм Регламента в процедурных вопросах зачастую ведет к деструктивной форме организации работы Верховного Совета. Инициаторами подобных действий, конечно, являлись сами депутаты, некоторые делали это специально, сознательно, другие – по незнанию сути вопроса.

В связи с заявлениями руководителей Верховного Совета и Председателя Правительства отдельные депутаты (Шомахов, Карданов, Борукаев, Хакиров) развернули беспредметную дискуссию о судьбе Правительства республики. Ю. Маиров, комментируя ситуацию по этому вопросу, начал давать разъяснения по поводу последствий, если Правительство подаст в отставку. Тем самым ситуация работы Верховного

Совета становилась еще более путанной. В этих условиях я вынужден был напомнить депутатам и председательствующему о том, что в политических требованиях голодающих вопроса об отставке Правительства КБССР нет. Поэтому я сказал, что необходимо рассмотрение вопросов по повестке дня чрезвычайной сессии Верховного Совета в полном соответствии с требованиями голодающих, в том числе вопросы по персоналиям руководителей Верховного Совета и Правительства. Согласившись с моими замечаниями, Валерий Коков сказал: «Мы рассмотрим вопрос по отставке руководителей персонально. ... Итак, товарищи, получается, что к Правительству вопросов нет».

Перед голосованием по персоналиям Ю. Маиров вновь сделал попытку дезориентировать депутатов, заявив, что в соответствии с Регламентом решение об отставке руководителей должно приниматься двумя третями голосов от общего числа, т.е. за отставку должны проголосовать 107 депутатов.

При голосовании по заявлению Председателя Совета Министров республики Михаила Мамхегова за его отставку свои голоса подали 79 депутатов, против – 24, воздержалось – 9.

Депутаты Тлянчев, Энеев обратили внимание Верховного Совета на то, что Маиров неправильно трактует соотношение двух процедурных понятий:

1) «Отзыв» (отставка) должностного лица по каким-то причинам от занимаемой должности независимо от его инициативы и 2) процедуры его освобождения от занимаемой должности по собственному желанию. В первом случае, действительно, для принятия положительного решения требуется согласие двух третей голосов от общего числа депутатов Верховного Совета (статья 56 Регламента). Во втором случае, решение реализовывается принятием обычного постановления, а в соответствии со статьей 75 Регламента «постановления и иные акты» принимаются Верховным Советом большинством голосов от общего количества депутатов. Казалось бы, не такой сложный вопрос. Тем не менее голосование по отставке руководителей республики проходило напряженно. Все время в высказываниях депутатов звучало разнотолкование норм Регламента. По заявлению Мамхегова было еще дважды переголосовано. Тем не менее за его отставку проголосовало максимум 101 депутат, а требовалось 107 голосов депутатов.

По результатам голосования ни один руководитель (Кармоков, Мамхегов, Чепурков, Чабдаров) не был освобожден от занимаемых должностей. За отставку Кармокова проголосовал всего 1 депутат, за Чепуркова – 102, за Чабдарова – 99. Последним голосованием было заявление В. Кокова об отставке его с поста Председателя Верховного Совета. За это проголосовало всего 59 депутатов.

Я с учетом сложившихся обстоятельств потребовал, чтобы счетная комиссия протокольно объявила результаты голосования с тем, чтобы я потом мог донести их до сведения голодающих.

После объявления результатов голосований председателем счетной комиссии Х. Машуковым, несмотря на активное желание ряда депутатов дискутировать по сложившейся ситуации, Председатель Верховного Совета объявил: «Чрезвычайная сессия объявляется закрытой».

Итоги работы чрезвычайной сессии Верховного Совета КБССР, созванной по инициативе координационного совета голодающих граждан республики для рассмотрения их политических требований, приобрели двусмысленный характер. С одной стороны, Верховный Совет в результате напряженной дискуссии удовлетворил одно из главных требований голодающих – о самороспуске Верховного Совета, назначив досрочные выборы народных депутатов в декабре 1991 года. С другой, – несмотря на то что руководители Верховного Совета В. Коков, Б. Чабдаров, Х. Кармоков и Ю. Чепурков и Председатель Совета Министров М. Мамхегов подали заявление о своих добровольных отставках, Верховный Совет эти отставки не принял.

Было очевидно, что Валерий Коков, используя как повод создавшуюся в республике критическую политическую ситуацию, хотел оперативно приступить к переустройству системы властного управления в КБССР, поэтому, как один из главных шагов на пути намеченных преобразовательных процессов в республике, необходимо было, чтобы действующие руководители КБССР ушли в отставку. Но для принятия положительного решения в этом вопросе требовалась предварительная серьезная разъяснительная работа среди депутатов Верховного Совета, что не получилось у Кокова из-за отсутствия времени или из-за его самоуверенности, что ему поверят экспромтом.

Для меня как председателя координационного совета голодающих

возникла непростая задача – как преподнести голодающим итоги чрезвычайной сессии Верховного Совета, с каким предложением к ним выйти – продолжить голодовку или нет, ведь сессия удовлетворила не все их требования. В то же время я не сомневался в том, что Коков, так или иначе, добьется того, чтобы Верховный Совет принял отставку руководителей республики, в том числе и его.

Я собрал совет голодающих. Правда, на нем отсутствовал активнейший организатор протестных мероприятий и голодающий с первого дня Заур Налоев. Из-за серьезного ухудшения его здоровья в это время с ним работали врачи. Я информировал членов совета об итогах работы чрезвычайной сессии Верховного Совета. Одновременно, учитывая, что Верховный Совет объявил о своем самороспуске и назначил новые выборы народных депутатов республики, а также будучи уверенным в том, что руководители республики в недалеком будущем в любом случае вынуждены будут уйти в отставку, я предложил собравшимся членам совета принять решение о прекращении голодовки. Предложение, естественно, было встречено голодающими неоднозначно. Тем не менее большинство участников собрания высказалось в поддержку прекращения политической голодовки. Было принято и соответствующее решение.

В основе решения о прекращении политической голодовки лежало не только то, что голодающие своим протестным актом добились в существенной мере удовлетворения властями своих требований, но принималось во внимание исключительно напряженное состояние здоровья многих голодающих, которые вне общего решения проблемных вопросов категорически отказывались прекратить голодовку.

Первое заседание пятой сессии Верховного Совета КБССР, открывшееся 17 сентября 1991 года, по сути подлежащих на нем рассмотрению вопросов являлось продолжение работы чрезвычайной сессии, состоявшейся 27 августа 1991 года. Обусловлено это было тем, что депутатам в любом случае предстояло завершить процедуру рассмотрения заявлений руководителей Верховного Совета и Председателя Совета Министров республики об их добровольной отставке.

Не было сомнений в том, что за время, прошедшее после окончания работы чрезвычайной сессии (с 28 августа 1991 года), Председателем Верховного Совета Валерием Коковым были приняты серьезные

дополнительные меры по реализации его намерений по вопросу преобразований системы управления властных структур республики. В подтверждение последнего В. Коков во вступительном слове при открытии заседания сессии подтвердил свое твердое намерение уйти в отставку и попросил, с учетом наличия заявлений и у него, и его заместителей по Верховному Совету об отставке, поручить ведение заседания сессии члену Президиума Верховного Совета Юрию Маирову. Предложение Кокова было поддержано депутатами.

Перед рассмотрением вопросов об отставке руководителей республики слово взял Борис Чабдаров. Он отметил, что принятное Президиумом Верховного Совета 29 августа 1991 года по настоянию В. Кокова постановление о самоотставке Президиума Верховного Совета в полном составе является антиконституционным и, следовательно, его следует отменить решением Верховного Совета. Депутаты согласились с характером постановки вопроса Б. Чабдаровым и большинством голосов отменили указанное постановление об отставке Президиума Верховного Совета КБССР. Правда, через несколько минут самим Верховным Советом было принято постановление об отставке его Президиума в полном составе.

В. Коков, комментируя свое заявление о добровольной отставке, вновь сделал попытку искаженно трактовать причины, вызвавшие политический кризис в республике. Он пугал депутатов тем, что определенные лица или группа лиц ставят своей целью убрать с должностей нынешних руководителей и занять их места. При этом в подтверждение своего утверждения он не приводил ни одного убедительного факта. В то же время не приходилось сомневаться в том, что вопрос реорганизации в системе управления властными органами республики, в том числе по введению в ней президентской формы правления, был тщательно продуман самим Коковым и его политической командой.

Тем не менее общественно-политическая ситуация ко второй половине сентября 1991 года в КБССР продолжала иметь двусмысленный характер. Поданные В. Коковым и М. Мамхеговым заявления об их собственных отставках остались не удовлетворенными депутатами в ходе чрезвычайной сессии Верховного Совета 27 августа 1991 года.

Теперь же на пятой сессии Верховного Совета вновь необходимо было вернуться к рассмотрению персональных заявлений руководителей

республики. Во всяком случае, на этом настаивали Коков и Маиров.

Видя, что В. Коков в своем намерении уйти в отставку проявляет настойчивость, Кармоков, Мамхегов и Чепурков подтвердили перед депутатами на заседании пятой сессии Верховного Совета, что их заявления о добровольной отставке продолжают иметь силу.

Что касается заявления Бориса Чабдарова, то здесь ситуация оказалась запутанной. Когда в конце августа Чабдаров, находясь в больнице в Москве, заочно (через В. Мастафова) известил Верховный Совет о своем желании уйти в отставку, по его словам, свой поступок тогда он мотивировал исключительно исходя из плохого состояния здоровья. Сейчас Борис Чабдаров справедливо уточнил, что к действиям других руководителей КБССР во время путча 19 – 21 августа 1991 года он никакого отношения не имел. Действительно, как было отмечено в моем докладе на внеочередной сессии Верховного Совета 24 августа 1991 года, Б. Чабдаров утром 19 августа, находясь в Москве, не пошел в Кремль на встречу с Янаевым вместе с Коковым и Мамхеговым, а пробрался в «Белый Дом», где находился Верховный Совет РСФСР. В перечень руководителей республики, чьих отставок требовали голодающие граждане КБССР, Б. Чабдаров был включен ошибочно. На одном из заседаний пятой сессии Верховного Совета мною от имени движения «Демократическая Кабардино-Балкарская Республика» было выражено публичное извинение перед Борисом Чабдаровым. При этом никто из депутатов не настаивал, чтобы Чабдаров подтвердил свое заявление об отставке.

Для принятия положительного решения об отставке руководителей республики по их заявлениям требовалось, по согласованному толкованию положения Регламента, чтобы за такое решение проголосовало большинство (81) от общего количества депутатов. При повторном голосовании за исключением Ю. Чепуркова (за его отставку было подано 83 голоса депутатов) по остальным лицам было принято отрицательное решение: за отставку В. Кокова проголосовало только 74 депутата, за Х. Кармокова – 72, за М. Мамхегова – 78 депутатов.

Вновь сразу же после оглашения результатов голосования с новым заявлением выступил В. Коков. На этот раз он высказывался более прямолинейно с определенным смыслом упрека в адрес депутатов – нельзя же, если человек не хочет работать на этой должности, то методом

голосования принудить его к этому. Ситуация приобретала патовое состояние. В работе Верховного Совета нарастала напряженность. Мнения традиционных единомышленников, а это было подавляющее большинство депутатов, по отставке Кокова разделились, порою даже в противоположные стороны.

В этот момент заседания сессии слово взял Владимир Тлостанов. Он, как народный депутат СССР, по Регламенту имел право присутствовать на заседаниях Верховного Совета КБССР и выступать по любым вопросам, рассматриваемым на сессиях.

Владимир Калиметович в связи с создавшимся в Верховном Совете положением отметил три момента: первое – это то, что после ГКЧП политический ландшафт в СССР, в РСФСР, да и в нашей республике настолько неизбежно стал претерпевать серьезные трансформации, что ряду политиков, в том числе и среди депутатов КБССР, не всегда удается адекватно вписываться в новую политическую ситуацию; второе – Валерий Коков за то время, как он стал первым лицом в руководстве нашей республики, показал себя как зрелый политик, умеющий организовывать работу властных структур республики в позитивных направлениях; третье – в то же время, как показало только что состоявшееся голосование, ситуация в Верховном Совете изменилась таким образом, что 74 депутата выразили определенную оппозицию Кокову, и в этих условиях требовать от него продолжать быть Председателем Верховного Совета КБССР будет выглядеть политически некорректно.

После такого выступления В. Тлостанова депутаты при очередном повторном голосовании 104 голосами освободили от должности Председателя Верховного Совета КБССР Кокова Валерия Мухамедовича.

Михаил Мамхегов также попросил депутатов повторно проголосовать за его заявление. Председатель Совета Министров КБССР Мамхегов Михаил Шуевич был освобожден 125 голосами депутатов.

В этот момент Борис Чабдаров попросил народных депутатов рассмотреть его новое заявление об освобождении от должности первого заместителя Верховного Совета в связи с переходом на другую работу. Просьба Б. Чабдарова была удовлетворена большинством голосов депутатов.

Хачим Кармоков не изъявил желания, чтобы его заявление об отставке повторно рассматривали народные депутаты. В то же время подавляющее

большинство депутатов Верховного Совета не сомневалось в том, что подобное поведение Кармокова является частью закулисных комбинаций в планировании новых структур властных органов КБССР.

Тем не менее в результате работы чрезвычайной сессии Верховного Совета 27 августа и первых заседаний пятой его сессии в начале сентября 1991 года практически вынужденно или по другим причинам были удовлетворены заявления большинства руководителей республики об отставке.

В то же время у целого ряда активистов движения «Демократическая Кабардино-Балкария» оставалась определенная неудовлетворенность итогами завершенных протестных политических актов. Обладая способностью объективно анализировать характер происходивших за все летние месяцы 1991 года в республике сложных общественно-политических процессов, руководители демдвижения КБССР понимали, что чиновники, власть имущие, пошли на громогласные отставки исключительно для того, чтобы впоследствии консолидировать действия единомышленников в окружении В. Кокова. Действительно, совершенно очевидным становилось то, что консервативное руководство республики во главе с Коковым сразу же после разгрома ГКЧП приступило к конструированию основных контуров новой системы управления республикой, главным смыслом которых являлось бы сохранение власти у прежней политической группировки лиц, но уже не на партийно-аппаратной системе, а на системе чиновниче-бюрократической.

О дальнейших непростых общественно-политических событиях речь пойдет на последующих страницах данных «Записок...».

В то же время следует отметить, что независимо от того, какой неблагоприятной для народа впоследствии ни складывалась общественная ситуация в республике, события, происходившие в ней с 19 августа до конца этого месяца 1991 года, в истории Кабардино-Балкарской Республики останутся как широко резонансное общественно-политическое явление, в результате которого значительная часть населения своими повсеместными масштабными публичными актами, поддержанными демократическими и национально-демократическими объединениями республики, принудила власть имущих пойти на целый ряд политических уступок в целях серьезного ослабления партийно-аппаратной и чиновниче-бюрократической системы

управления в КБССР.

8.3. Введение поста Президента КБССР. Провозглашение Республики Балкарья

Несмотря на значительные усилия, проявленные консервативной группой депутатов, на чрезвычайной сессии Верховного Совета 27 августа не удалось законодательно ввести в системе государственного управления КБССР пост Президента республики.

Решение об установлении в КБССР президентской формы правления Верховным Советом было принято на пятой его сессии 25 сентября 1991 года. Через два дня, т.е. 27 сентября, Верховный Совет принял Закон «О выборах Президента КБССР» и постановление «Об организационных мерах по обеспечению проведения выборов Президента КБССР». На той же сессии была определена дата выборов Президента республики – 24 ноября 1991 года.

Кабардинские и балкарские общественные организации, демократические партии, также многие независимые депутаты и депутаты балкарской национальности выступали против организации выборов Президента республики ранее, чем до проведения уже объявленных выборов нового высшего законодательного органа КБССР, которые должны состояться в декабре в соответствии с принятым Верховным Советом решением. Формирование в первую очередь законодательного органа, а затем органов исполнительной власти в мировой практике было одним из демократических принципов построения системы государственной власти. Подобная схема формирования законодательных и исполнительных органов имела место и в СССР, и в РСФСР.

Кроме того, балкарские депутаты Верховного Совета настаивали на том, чтобы вопросы, связанные с восстановлением прав репрессированного балкарского народа, в первую очередь вопрос о восстановлении балкарских районов в границах 1944 года, были решены нынешним составом Верховного Совета до избрания его нового состава, тем более Президента. Обоснованием постановки вопроса в таком порядке являлось: во-первых, затягивание решения проблемы по балкарским районам способствовало созданию и

сохранению определенной общественной напряженности среди балкарского населения; во-вторых, была опасность, что уже наработанные моменты по восстановлению балкарских районов в границах 1944 года при президентской власти и при новом составе депутатов Верховного Совета КБССР могли потерять свою ценность в части их толкования; в-третьих, при отсутствии решения по балкарским районам вероятность того, что в большинстве балкарских населенных пунктах будут бойкотироваться президентские выборы, была достаточно велика.

Все вышеприведенные аргументы были настолько весомые, чтобы не назначать поспешных выборов Президента КБССР, что многие из них вскоре стали предметом разногласий между Верховными Советами РСФСР и КБССР.

Тем не менее команда отстраненного от руководства республикой Кокова спешила как можно быстрее вложить в его руки новую власть, гораздо высшую, чем у него ранее была. Для этих целей депутаты из бывших партийных аппаратчиков, руководителей районных и местных советов, чиновники разного уровня сумели продавить на Верховном Совете решение по назначению выборов Президента на 24 ноября 1991 года. Такое решение уже было принято на первых заседаниях пятой сессии Верховного Совета.

18 сентября на пятой сессии Верховного Совета стоял вопрос о выборе Председателя Верховного Совета, ведь после ухода Кокова эта должность долго не могла оставаться вакантной.

На должность Председателя Верховного Совета были выдвинуты кандидатуры Хачима Кармокова, Петра Иванова, Владимира Мастафова и Мухамадина Тумова. В результате тайного голосования Председателем Верховного Совета был избран Хачим Кармоков. Результат оказался вполне прогнозируемым. С момента возникновения вопроса об учреждении в КБССР президентской формы правления Кармоков всеми своими поступками и поведением демонстрировал желание в будущем занять пост одного из руководителей республики. Как мы выше отмечали, такая идея логично вписывалась в планируемую чиновниче-бюрократическим аппаратом преобразовательную систему органов власти республики. Соответственно, ни ушедший в отставку с поста Председателя Верховного Совета Валерий Коков, ни консервативное большинство его сторонников из депутатского корпуса не могли допустить, чтобы кто-нибудь из троих других

кандидатов (П. Иванов, В. Мастафов, М. Тумов) стал Председателем Верховного Совета республики. Концепция реформы общественно-политической и экономической системы в республике у каждого из них существенным образом отличалась от соответствующей программы Х. Кармокова, в первую очередь своей радикальностью и демократичностью.

Первым заместителем Председателя Верховного Совета был избран Ульбашев Мухарби Мухамедович, а заместителем – Ларин Юрий Александрович.

Верховный Совет подтвердил голосованием депутатов полномочия практически всех председателей постоянных комиссий.

При формировании состава Президиума Верховного Совета, помимо новых руководителей – Х. Кармокова, М. Ульбашева и Ю. Ларина, в состав членов Президиума было избрано большинство бывших его ранее членов.

В ходе обсуждения кандидатур в члены Президиума Верховного Совета неожиданно для всех депутатов со специальным заявлением выступил депутат Верховного Совета КБССР Мухамадин Тумов. Он сказал: «Товарищи! В первые дни нашей работы я просил о том, чтобы вы сняли с меня полномочия народного депутата КБССР. После этого я все-таки остался. И остался я потому, что, как я думал, мы приняли решения, которые удовлетворили бы митингующих, голодящих. Может быть, я понял так по своей наивности. Однако последующие дни показали, что это не так. Мы освободили от занимаемых должностей т. Кокова, Мамхегова, Чепуркова, сделали мы это так, как делали всегда, спасая себя. Надо было посчитать кого-то виновным, т.е. бросили их, как сытый хозяин бросает собаке кость. Ничего другого мы не предприняли. Точно такая же история наблюдается и с Президиумом, который, как было сказано здесь, ушел в отставку, а сегодня тот же Президиум, в том же полном составе предстает перед нами.

Считаю эти действия безнравственным и преступным спектаклем в отношении всех народов, проживающих в Кабардино-Балкарии, и в отношении самих себя. Вы все делаете так, как вам предлагают, хотя у вас есть выбор голосовать или не голосовать.

Но я кладу значок депутата, а удостоверения я и не получал, и больше в этом зале не останусь».

После этих слов М. Тумов покинул зал заседания Верховного Совета, сложив с себя полномочия народного депутата Верховного Совета КБССР.

Мухамадин Тумов, без всякого преувеличения, в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов проявил себя как незаурядный политик, не только как народный депутат КБССР, но и как депутат Верховного Совета РСФСР.

Полагаем, что читатель «Записок...» не однажды станет свидетелем эффективной общественно-политической деятельности Мухамадина Тумова на благо жителей своей республики. Здесь же отметим два момента относительно сложения им полномочий депутата КБССР.

Первый – без сомнения, Тумов как человек глубокого аналитического ума не мог не заметить разительное отличие результатов своей работы в Верховных Советах РСФСР и КБССР. В первом случае, являясь активным участником процессов серьезного реформирования политической жизни в Российской Федерации, он был свидетелем реальных результатов подобной деятельности. Во втором – из-за позиции консервативного большинства депутатов и руководства Верховного Совета КБССР старания немногочисленных депутатов республиканского Парламента – сторонников эффективного реформирования состояния жизни Кабардино-Балкарского сообщества не имели каких-либо заметных результатов. Поэтому, с точки зрения морали и нравственности, поступок Тумова несложно было понять.

Второй – тем не менее Мухадин Тумов как депутат Верховного Совета РСФСР в соответствии с его статусом продолжал активно участвовать в работе Верховного Совета КБССР двенадцатого созыва до конца его функционирования (начало 1994 года).

В связи с планируемым учреждением поста Президента в КБССР на заседаниях пятой сессии Верховного Совета был рассмотрен законопроект «Об изменениях и дополнениях в Конституции КБССР в связи с учреждением поста Президента республики».

Конституция республики была дополнена новой главой 11 «Президент Кабардино-Балкарской Республики». Помимо этого, в связи с введением президентской формы правления законопроектом предусматривалось внесение целого ряда изменений в соответствующие разделы Конституции КБССР.

После обсуждения разделов законопроекта об изменениях в Конституции депутат Тимур Ульбашев предложил до принятия законопроекта в целом организовать республиканский референдум с вопросом о принятии или непринятии населением республики президентской

формы правления. Однако, председательствующий на заседаниях сессии Хачим Кармоков, уже успевший приобрести навык обойти неприемлемые для чиновничьего большинства депутатов процедурные препоны, не позволил никому из депутатов высказаться по поводу предложения Тимура Ульбашева и сделал все для того, чтобы законопроект об изменениях в Конституции КБССР в связи с учреждением поста Президента республики был принят Верховным Советом оперативно.

Исключительно остро проходила дискуссия по назначению даты проведения выборов Президента КБССР.

Несмотря на то что председатель республиканской избирательной комиссии Мусса Докшоков призывал депутатов предусмотреть достаточное время для подготовки выборов Президента, большинство депутатов и руководство Верховного Совета добились условий максимального приближения сроков выборов Президента республики, и, соответственно, Верховным Советом было принято постановление – назначить выборы на 24 ноября 1991 года.

В сентябре 1991 года ситуация в Правительстве республики приобрела драматический характер. После отставки Михаила Мамхегова исполняющим обязанности Председателя Совета Министров КБССР был назначен Хусейн Хасанович Чеченов. В то же время статус других членов Правительства становился двусмысленным.

В этих условиях 27 сентября 1991 года на сессии был поставлен вопрос о доверии или недоверии Правительству. Инициатива формально происходила от и.о. Председателя Совета Министров Х. Чеченова. Председатель Верховного Совета республики поставил вопрос о недоверии Правительству и, соответственно, об отставке Правительства в полном составе.

Нет смысла лишний раз говорить о том, что Х. Кармоков, несмотря на его периодические риторические выступления по этому вопросу, своими действиями и характером работы в Верховном Совете всегда стремился к высокому уровню власти. Когда он на определенный период времени, благодаря настойчивой самоотставке В. Кокова, стал первым руководителем республики, ему, безусловно, хотелось продемонстрировать власть и в структурах Правительства республики. Но действующее в то время Правительство было сформировано без его участия. Теперь же, отправив всех

членов Правительства в отставку, представлялось возможным по-новому структурировать его состав.

Однако против предложения Кармокова о выражении недоверия Правительства республики выступили многие депутаты. В результате Верховный Совет проголосовал за доверие Правительству.

В то же время на заседании сессии Верховного Совета спонтанно возник вопрос о назначении нового Председателя Совета Министров республики. Х. Кармоков предложил на эту должность назначить Черкесова Георгия Маштаевича, который раньше в Правительстве не работал ни на каких-либо должностях. Не приходилось сомневаться в том, что Черкесов был кандидатурой Валерия Кокова, причем на будущую перспективу при будущей власти самого Кокова, что впоследствии и случилось.

С первых дней октября 1991 года в республике была развернута предвыборная кампания по выборам Президента КБССР. Кандидатами в президенты были зарегистрированы Петр Иванов, Хачим Кармоков и Валерий Коков, выдвинутые ранее соответствующими трудовыми коллективами.

Общественное движение «Демократическая Кабардино-Балкария» настоятельно просило Феликса Хараева и Мухамадина Тумова, чтобы они дали согласие на сбор подписей в их поддержку как кандидатов по выборам Президента КБССР. Однако оба они в один голос заявили, что не станут участвовать в этой фарисейской кампании, организованной с грубыми нарушениями законодательства и прав граждан, населяющих республику. Конечно, они и мы, демократическое движение республики, знали, что в ходе выборов Президента КБССР о соблюдении законодательства и каких-то правил выборов не могло быть и речи, настолько был демонстративным характер подготовки чиновничье-административного ресурса во всей иерархии власти республики в пользу кандидата в президенты В. Кокова.

В начале октября 1991 года на одном из заседаний пятой сессии Верховного Совета республики председательствующий Х. Кармоков предоставил слово руководителю группы депутатов (из пяти человек) Верховного Совета РСФСР Олейнику Владимиру Ивановичу.

В. Олейник в начале своего выступления отметил, что группу депутатов руководство Верховного Совета РСФСР направило в КБССР в связи с необходимостью рассмотрения на месте фактов, изложенных в

обращениях различных общественных объединений Кабардино-Балкарской Республики, депутатов КБССР разных уровней и отдельных граждан республики. Адресатами обращений являются Верховный Совет РСФСР и его Президиум, Президент РФ. Имеются также обращения в Генеральную прокуратуру и в различные правительственные органы РСФСР. Авторы обращений просят разобраться с характером действий руководителей КБССР в период путча в Москве 19 – 21 августа 1991 года, дать оценку той позиции, которую заняли властные органы КБССР во время действий ГКЧП. По мнению авторов обращений, позиция, занятая Кабардино-Балкарскими руководителями в отношении ГКЧП, не была направлена в поддержку Верховного Совета и Президента РСФСР по оценке антиконституционных действий путчистов.

В констатирующей части своей информации Олейник сообщил, что мнение руководимой им группы по сути рассматриваемого вопроса – о событиях, происходивших в КБССР с 19-го по 21 августа 1991 года, формировалось на основе анализа документов, предоставленных руководством республики через аппарат Президиума и Правительства. По словам Олейника, ни с одним представителем авторов обращения из Кабардино-Балкарии в высшие органы власти РСФСР группа депутатов из Москвы не встречалось. Зато она плотно работала с руководителями республики, на чьи действия в августовские дни ГКЧП жаловались авторы обращений.

Совершенно шокирующими были выводы, озвученные Олейником, как результат работы группы депутатов из Москвы: «Мы считаем, что в основе создавшегося общественно-политического конфликта лежит вопрос о власти». При этом Олейник не удосужился привести ни одного факта, примера, которые могли быть подтверждением того, что «Демократическое движение Кабардино-Балкарии» в дни масштабных протестных действий значительного количества жителей КБССР с 21-го по 27 августа 1991 года добивалось власти для себя. Они требовали от руководителей республики осуждения путчистов – узурпаторов власти в СССР, а также обеспечения директивных указаний верховных властей РСФСР, соблюдения законности в КБССР.

При этом невооруженным глазом видно было, откуда родилась «борьба за власть так называемых демократов». Да, это же из доклада Валерия Кокова

на чрезвычайной сессии Верховного Совета КБССР.

Далее из информации Олейника: «Мы ни к какой стороне конфликта не проявляли симпатии или антипатии». Никто от Олейника и от членов его группы не требовал проявить к себе любовь. Они приехали не на бал и не на вечеринку. Миссия у них была политическая, которая должна была быть абсолютно непредвзятой и выражаться в объективной оценке поведения и действий руководства КБССР в дни путча 19 – 21 августа. Причем критерием надлежащей оценки должно было быть соответствие решений Президиума Верховного Совета, Правительства, прокуратуры, средств массовой информации КБССР Постановлениям Верховного Совета, Правительства РСФСР, Указам Президента РСФСР. Процедура несложная. Но Олейник и К° подобной цели не преследовали.

А как подошли члены группы к обозначенным вопросам. Вот что по этому поводу говорится в информации Олейника.

«Я не хочу говорить о действиях (тогда зачем приехали?) отдельных лиц в дни путча потому, что тогда:

- одни люди растерялись, просто испугались, и это послужило причиной бездействия;
- другая группа людей заняла выжидательную позицию;
- были люди, которые поддержали ГКЧП;
- были люди, которые осудили ГКЧП;
- были также люди, которые своей пассивностью выразили поддержку ГКЧП».

Все вышеперечисленные отвлеченные рассуждения Олейника можно отнести к любому региону Российской Федерации. Но для оценки действий официальных (властных) лиц в дни путча необходимо было уяснить, к какой группе по классификации Олейника отнести руководителей Кабардино-Балкарии, характеризуя их поведение и действия в дни функционирования ГКЧП. В то же время Олейник заявляет, что он не хочет «заниматься действиями отдельных лиц в дни путча».

Порою создавалось впечатление, что никакая депутатская группа в Нальчике не работала, а так называемые итоги работы группы являются не чем иным, как собственным личным «творчеством» самого Владимира Олейника. Совершенно очевидным становился и тот факт, что излагаемые перед народными депутатами КБССР Владимиром Олейником собственные

измышления представляют собой искусственно разыгранный политический спектакль, авторы режиссуры которого находятся в кабинетах аппарата Верховного Совета КБССР.

Возмущенный поведением и позицией Владимира Олейника, Заур Налоев выразил протест: «Так вот, товарищи, я один из тех, кто подписывал бумаги в адрес Верховного Совета РСФСР. Здесь многие требуют имена тех, кто писал, кто голодал. Можете не сомневаться, что это делается не ради простого любопытства. Вы уже, наверное, знаете, что такие сведения вызывают террор. Ваши абстрактные выводы, уважаемый Олейник, как раз будут способствовать этому, что все могут переложить на наши головы. Я готов принять любой удар, который будет мне нанесен, но я категорически протестую и никогда не соглашусь, что голодавшие люди делали это ради власти, ради каких-то привилегий, как утверждает господин Олейник. Я никогда не соглашусь с тем, что мои товарищи, которые здесь на сессии Верховного Совета выступают с определенными идеями, делают это ради личных интересов. Нет среди них таких. Я, Заур Налоев, – руководитель "Адыгэ Хасэ"».

Мы не знаем, как и кому докладывал Владимир Олейник о своей работе в Нальчике с целью выявления сути поведения и действий руководства Кабардино-Балкарии в дни путча ГКЧП. Никакие сведения о реакции в Москве на работу так называемой депутатской группы Верховного Совета РСФСР во главе с В. Олейником впоследствии не озвучивались в Верховном Совете КБССР.

Из Москвы поступали сведения совершенно другого характера.

Сентябрь и октябрь 1991 года ознаменовались созданием определенной напряженности между руководствами Верховных Советов РСФСР и КБССР. Поводом для этого послужило несколько обстоятельств. Без сомнения, одной из главных фактических причин возникновения такой ситуации явились впечатления, которые произвели в Москве поведение и действия руководства КБССР в период трехдневного правления ГКЧП. Верховная власть РСФСР не могла игнорировать причины, вызвавшие резонансные, даже в масштабах России, мощные общественно-политические протестные акты в Кабардино-Балкарии в защиту демократических завоеваний в РСФСР в 1990 – 1991 годах, в осуждение и непринятие действий хунты в Москве и ее пособников на местах.

Было также очевидным, что руководители Верховного Совета РСФСР не поверили тому, что организованная громкая кадровая перетасовка в руководстве КБССР направлена на серьезные демократические преобразования в Кабардино-Балкарском сообществе. Конкретными же причинами проявления разногласий между Верховными властями РСФСР и КБССР явилось несколько формальных процедурных актов со стороны руководства РСФСР.

1. Верховный Совет РСФСР делегировал в формируемые после ГКЧП законодательные органы – в Совет республики СССР депутата Верховного Совета РСФСР А. Микитаева без предварительного согласования вопроса с Верховным Советом КБССР. Верховный же Совет КБССР полномочиями представителя в эту палату высшего органа СССР решил наделить другого депутата РСФСР от Кабардино-Балкарии М. Мамхегова. Порядок формирования по персоналиям органов высшей законодательной власти СССР после ГКЧП был разработан специальными органами Верховных Советов СССР и РСФСР, и он не предусматривал каких-то согласительных процедур с региональными властями России. Таким образом, в действиях Верховного Совета РСФСР не имели место нарушения каких-либо законодательных и иных актов, действующих на тот момент в России. В то же время, если региональные законодательные органы заранее, до принятия соответствующего решения, обращаются в Верховный Совет РСФСР с предложением по кандидатуре от региона в Верховный Совет СССР, то, как правило, Верховный Совет РСФСР рассматривал ее внимательно. Однако подобной инициативы со стороны Верховного Совета КБССР своевременно изъявлено не было. Следовательно, недовольство руководства Верховного Совета КБССР по вопросу представительства КБССР в Верховном Совете СССР могло иметь только нравственно-этический характер не более того.

2. В соответствии с «Временным положением о представительствах Президента РСФСР в республиках в составе РСФСР», утвержденного распоряжением Президента РСФСР 27 сентября 1991 года, Президент РСФСР указом от 14 ноября 1991 г. в целях обеспечения взаимодействия высших органов исполнительной власти в РСФСР и Совета Министров КБССР назначил представителем Президента РСФСР в Кабардино-Балкарской ССР Ахметова Азретали Ноховича. Указ был получен Верховным Советом 15 ноября 1991 года.

Однако ранее Верховным Советом КБССР было принято постановление о приостановлении в КБССР действия, утвержденного Ельциным «Временного положения о представителях Президента РСФСР в республиках в составе России». В результате вопрос стал таким образом, какой акт должен иметь законную силу: Указ Президента РСФСР или Постановление Верховного Совета КБССР об отмене действия этого Указа на территории нашей республики. Между тем Указ Президента соответствовал нормам Конституции РСФСР и Федерального Закона «О Президенте РСФСР» и в то же время не нарушал норм Конституции КБССР или других законодательных актов нашей республики. Ссылка на Декларацию о государственном суверенитете КБССР также была несостоятельной, так как из продекларированных в ней еще в январе 1991 года некоторых норм по определенному ограничению законодательной системы РСФСР на территории КБССР к ноябрю 1991 года ни одна не приобрела законодательную силу.

3. 4 ноября 1991 года Председатель Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов обратился в Верховный Совет КБССР с письмом, в котором, с учетом сложившейся в последнее время в республике сложной общественно-политической ситуации, а также с учетом обращения ряда общественно-политических объединений республики в Верховный Совет РСФСР, рекомендовал не проводить выборы Президента КБССР раньше времени формирования нового состава Верховного Совета республики. Впоследствии подобная рекомендация также содержалась в постановлении Верховного Совета РСФСР, относящемся к предстоящим выборам Президента КБССР. Рекомендация Верховного Совета РСФСР по пересмотру срока проведения выборов КБССР расценивалась руководством Верховного Совета КБССР как направленная, как выразился Х. Кармоков, «вразрез нашим устремлениям». На характер тех «устремлений», которых хотят достигнуть бывшие партийные аппаратчики и возникшая новая чиновниче-бюрократическая компания, мы ранее обращали внимание читателя.

Параллельно выше обозначенным политическим коллизиям, имевшим место в КБССР, в другой северокавказской республике – Чечне, начали происходить крайне проблемные события общественно-политического характера, вследствие чего резко обострились отношения между Чеченской Республикой и Российской Федерацией.

Известно, что еще в ноябре 1990 года общенациональный съезд чеченского народа принял декларацию об образовании суверенной республики, а в июне 1991 года второй Чеченский съезд заявил о выходе республики Чечня из РСФСР и СССР. 27 октября 1991 года в Чечне были проведены выборы Президента и Парламента Чеченской Республики. 2 ноября Съезд народных депутатов РСФСР признал состоявшиеся выборы незаконными. 7 ноября Президент РСФСР издал Указ о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике. В ответ на это Президент Чечни Дудаев отменил Указ Президента Ельцина и ввел в республике военное положение. Отношения между РСФСР и Чеченской Республикой с каждым днем становились напряженнее. В результате организованных переговоров Верховный Совет РСФСР отказывает в одобрении введения чрезвычайного положения в Чеченской Республике. Ельцин соглашается с принятым Верховным Советом решением. Ситуация в какой-то мере приобретает статус-кво.

В этих условиях группа народных депутатов КБССР в количестве шестидесяти обратились в Президиум Верховного Совета республики с инициативой созвать внеочередную сессию Верховного Совета с целью обсуждения ряда противоречий, возникших между действиями высших властей РСФСР и КБССР, а также обострившейся ситуации в Чеченской Республике, в первую очередь имея в виду необходимость выразить отношение к действиям властей РСФСР в адрес Чеченской Республики.

Внеочередная сессия Верховного Совета КБССР была созвана 16 ноября 1991 года.

Председатель Верховного Совета предложил объединить подлежащие обсуждению на сессии вопросы под общим названием «Об общественно-политической обстановке в Северо-Кавказском регионе и о мерах по стабилизации положения в Кабардино-Балкарской Республике». При этом планировалось обсудить конкретно обозначенные вопросы, в том числе:

- о причинах, дестабилизирующих общественно-политическую ситуацию на Северном Кавказе и в Чеченской Республике;
- о представителях нашей республики в Верховный Совет переходного периода;
- о представителе Президента РСФСР в нашей республике;
- о переносе выборов Президента республики и выборов глав местных

административных органов;

- о выборах в Верховный Совет КБССР;
- об организации взаимодействия народных депутатов СССР и КБССР от нашей республики с Верховным Советом КБССР в целях защиты суверенитета нашей республики;
- о режиме работы Верховного Совета в период до новых выборов и представлении дополнительных полномочий Президиуму Верховного Совета республики.

Анализ приведенных вопросов повестки дня внеочередной сессии Верховного Совета республики со всей очевидностью позволяет сделать вывод, что инициатива группы депутатов о необходимости созыва внеочередной сессии, без сомнения, была спровоцирована новым руководством Верховного Совета. Целью подобного действия Президиума Верховного Совета являлось желание демонстрации новой власти, что она в лице Председателя Верховного Совета и его заместителей работает над решениями важных республиканских проблем, в первую очередь в направлении защиты республики от посягательств российских властей на суверенитет КБССР.

Депутаты от движения «Демократическая Кабардино-Балкария» принципиально не принимали характер постановки целого ряда вопросов по повестке дня внеочередной сессии. Но значительное большинство народных депутатов с большим воодушевлением и энтузиазмом согласились с руководством и аппаратом Президиума Верховного Совета по вопросу защиты «суверенитета республики». Соответственно, повестка дня сессии была принята на «ура».

В то же время депутат Д. Мизиев предложил дополнить повестку дня сессии вопросом о восстановлении административно-территориальных районов Балкарии в границах 1944 года. По мнению Мизиева, вопрос ставился в порядке реализации Закона России «О реабилитации репрессированных народов в РСФСР». Против обсуждения вопроса по балкарским районам на данной сессии выступил депутат Карданов. При голосовании депутаты большинством голосов отклонили предложение Мизиева по дополнению повестки дня данным вопросом.

После этого с резким осуждением позиции большинства депутатов, голосовавших против обсуждения проблем балкарских районов, выступили

депутаты Жабоев, Мизиев, Будаев, Гузеев и Чабдаров. Они предупредили, что продемонстрированная голосованием позиция большинства депутатов по проблеме восстановления балкарских районов 1944 года, без сомнения, скажется на непредсказуемости решения съезда балкарского народа, который должен был состояться на следующий день, т.е. 17 ноября 1991 года.

Вопрос по проблеме восстановления районов Балкарии в границах 1944 года после повторных непростых дискуссий был включен в повестку дня сессии, но только в формате рассмотрения состояния вопроса, без принятия решения.

По первому вопросу – об общественно-политической обстановке в Чеченской Республике сессия ограничилась заслушиванием информации заместителя Председателя Верховного Совета Юрия Ларина и принятием соответствующего постановления. В постановлении подчеркивалась неприемлемость урегулирования возникших в Чеченской Республике проблем путем применения чрезвычайных мер, соответственно, одобрялся отказ Президента Ельцина от продолжения использования подобных действий. Руководителей РСФСР и Чеченской Республики призывали к проявлению доброй воли и началу их переговоров с целью урегулирования политического конфликта.

По вопросам взаимоотношений КБССР с руководством Верховного Совета РСФСР на сессии развернулась острая дискуссия. Народные депутаты Тхазаплижев, Карданов, Шомахов, Жанимов, Хафицэ, Нартоков, Тхамоков, Нахушев, Борукаев, Афашагов, Водопьянов и Сохов в резко отрицательной форме оценивали действия Верховного Совета и Президента РСФСР, имевшие место в последние 50 дней после разгрома ГКЧП. Они в категоричной форме в один голос осуждали делегирование от имени Верховного Совета в качестве представителя КБССР А. Микитаева и отсутствие у него политической нравственности.

Оценка действий и поведения Микитаева в выступлениях указанных депутатов порою приобретала предельно допустимый характер парламентской лексики. В выступлениях то и дело звучала мысль о неправомерности решения Верховного Совета РСФСР по Микитаеву и требования об отмене этого решения. При этом никто из депутатов не утруждал себя раскрытием сути неправомерности решения Верховного Совета, хотя положение, о котором мы речь вели выше, в соответствии с

коим и было принято решение Верховным Советом РСФСР по отношению к Микитаеву, большинству депутатов должно было быть известно.

Народный депутат Верховного Совета РСФСР от КБССР Мухадин Тумов в своем выступлении четко прояснил суть так называемой «конфликтной ситуации» относительно персоны Микитаева. На той сессии Верховного Совета РСФСР, где решался вопрос о выдвижении представителей в Верховный Совет СССР, в зале заседания присутствовали только два депутата от КБССР – Микитаев и Тумов. Причем к этому моменту от КБССР в Верховный Совет РСФСР по данному вопросу никакие предложения не поступили, хотя до этого времени задолго руководству КБССР был известен порядок формирования новых структур Верховного Совета СССР. Тумов сказал, что при этих условиях, естественно, он поддержал кандидатуру Микитаева. Решение же Верховного Совета КБССР по рекомендации другой кандидатуры от КБССР (Мамхегова, депутата Съезда народных депутатов Верховного Совета РСФСР) поступило в Верховный Совет РСФСР спустя три недели после принятия решения по Микитаеву, и Верховный Совет не стал возвращаться к этому вопросу.

Тумов также сказал, что при формировании палаты Совета Союза СССР ситуация о представителях от КБССР повторилась один к одному. В течение месяца по этому вопросу никаких предложений от КБССР в Верховный Совет также не поступало. На этот раз депутаты Верховного Совета РСФСР от КБССР Ахметов, Микитаев и Тумов вынуждены были по своему усмотрению выдвинуть в Совет Союза кандидатуры т. Виндижева и Хуламхановой. Не просто было понять парадоксальную непоследовательность руководства и многих депутатов Верховного Совета КБССР. Ведь процедура выдвижения кандидатур представителей республик как в Совет Республики, так и в Совет Союза Верховного Совета СССР были однотипными один к одному. Но в одном случае вопрос был доведен до скандального противостояния с Верховным Советом России, а в другом – полное умалчивание. Причина, конечно, не в том, что в Верховном Совете РСФСР при выдвижении кандидатуры Микитаева были нарушены какие-то правовые нормы. Собственно, после пояснений М. Тумова председательствующий на сессии Х. Кармоков вынужден был отметить: «...Конечно, мы должны самокритично к себе отнестись. Ведь нам никто не мешал определиться и при формировании Совета Союза поставить вопрос

принципиально с учетом того, что при формировании Совета республики произошел прокол. Думаю, что вина наша есть, потому что мы недостаточно инициативы проявили».

Но колесо по нагнетанию напряженности было уже раскручено, и дело было, как видим, не в нарушениях каких-то правил, а в персоне Микитаева. Суть вопроса была в том, что А. Микитаев в отличие от руководителей КБССР – В. Кокова, М. Мамхегова и Б. Чабдарова, тоже депутатов Съезда народных депутатов РСФСР, с самого начала работы Верховного Совета России стал активным участником команды Ельцина, а это его оппоненты из консервативной группы депутатов никак не могли простить Микитаеву.

Указ Президента РСФСР о назначении А. Ахметова в качестве его представителя в КБССР, роль которого заключалась в участии в процедурах согласования действий исполнительных органов РСФСР и КБССР, руководство Верховного Совета КБССР и многие депутаты встретили резким агрессивным невосприятием.

Азретали Ахметов являлся депутатом Верховного Совета РСФСР. Он с юношеских лет добросовестно работал. Достигнув высокого профессионализма на производстве, Азретали Нохович в последние годы перед выбором в депутаты РСФСР успешно возглавлял одно из самых крупных производственных предприятий республики.

В своем стремлении очернить действия Ахметова и обвинить его во всех грехах кем только его не обзывали агрессивные депутаты Верховного Совета КБССР – и надзирателем над будущим Президентом республики, и олицетворением восстановленного наместника России в Кабардино-Балкарии, и т.п. Понимая, что требовать отмены Указа Ельцина о представительстве бесполезно, депутаты безапелляционно настаивали, чтобы Ахметов добровольно отказался от статуса представителя Президента РСФСР в КБССР.

Вопрос о переносе сроков выбора Президента республики имел свою предысторию. Как было выше отмечено, еще 27 сентября 1991 года Верховным Советом КБССР была определена дата президентских выборов – 24 ноября 1991 года. Никакие согласительные процедуры по этому вопросу между Верховными Советами КБССР и РСФСР не происходили. Между тем Верховный Совет РСФСР 11 октября 1991 года принимает специальное постановление «О выборах глав исполнительной власти в республиках в

составе России», в котором предусматривается норма о необходимости согласования сроков выборов глав республик с Президиумом Верховного Совета РСФСР. Хотя принятное 11 октября Верховным Советом РСФСР решение о сроках выборов глав республик не имело обратной силы, тем не менее Верховный Совет КБССР 26 октября 1991 года обратился в Президиум Верховного Совета РСФСР по вопросу согласования срока выборов Президента КБССР – 24 ноября 1991 года. На это обращение сначала поступило рекомендательное письмо Р. Хасбулатова, о котором речь шла выше. Настоятельная рекомендация о переносе срока выборов Президента КБССР содержалась также впоследствии в принятом Президиумом Верховного Совета РСФСР соответствующем постановлении.

Большинство депутатов Верховного Совета КБССР, выступающих в ходе обсуждения вопросов повестки дня сессии, своими высказываниями нагнетали напряженность в отношениях между Верховными Советами КБССР и РСФСР. При этом главный акцент был сосредоточен на том, что якобы руководством России своими решениями в адрес КБССР грубо нарушаются нормы принятой в январе 1991 года Верховным Советом республики Декларации о государственном суверенитете КБССР. Но, как известно, для придания политическим, экономическим и другим императивам Декларации принципа суверенности правовых норм требовалась разработка и принятие десятков конкретных законодательных актов республики, в том числе конституционных. Между тем в течение девяти месяцев с момента принятия Декларации в республике не был принят ни один законодательный акт с целью реализации норм Декларации о государственном суверенитете. М. Тхазаплижев много и возмущенно говорил о нарушении решениями властей РСФСР положений нашей Декларации. В то же время он ни словом не обмолвился по проблеме разработки соответствующего законодательства, а между тем Тхазаплижев являлся членом Президиума и председателем одной из важных постоянных комиссий Верховного Совета КБССР. Или другой пример. Депутат М. Хафицэ требовал, чтобы Верховный Совет своим постановлением запретил политическим партиям, организациям иметь свою позицию по вопросам целесообразности введения поста Президента в республике и по срокам выбора Президента. Подобная позиция – утверждал депутат – идет вразрез с интересами народа КБССР. Как будто кто-то спрашивал у этого народа

республики, нужен ли ему Президент, как это делается в цивилизованном мире!

Общая картина выступлений большинства депутатов недвусмысленно вписывалась в хорошо подготовленный сценарий по серьезному преобразованию политического управления в системе высших властей республики, сценарий, подробная разработка которого началась с момента озвучивания вопроса необходимости введения в КБССР поста Президента и демонстративной самоотставки Валерия Кокова с должности Председателя Верховного Совета в начале сентября 1991 года. Было совершенно очевидным, что близкое окружение Кокова за эти два с половиной месяца время даром не теряло – налицо была плотная идеологическая работа среди еще легитимного депутатского корпуса Верховного Совета. Теперь же послушное большинство депутатов энергично озвучивали квинтэссенцию упомянутого сценария. Депутат В. Карданов, ярый сторонник суверенизации республики, не очень затрудняясь себя логической соотносительностью высказываемого, говорил: «Мы что, марионетки из театра кукол, управляемые ловкой рукой актера, невидимого зрителям». В том, что действительно такая «рука» играла важную роль в формировании позиции большинства депутатов Верховного Совета республики, сомневаться не приходилось.

В своем выступлении в ходе дискуссии на сессии я сказал:

«Уважаемые народные депутаты, создается впечатление, что некоторые очень важные процедурные вопросы мы хотим превратить в предмет конфликта межгосударственного порядка, в том числе между нашей республикой и Российской Федерацией.

На прошлой сессии так же горячо, как и на этой, обсуждался этот вопрос. Но меня удивляет другое – что делалось в промежутках между сессиями, ведь главное не в том, чтобы покритиковать тех, кто принял решение или добивается этого решения сохранить. Если мы, Парламент Кабардино-Балкарии, хотим осуществления своего решения, то это надо практически делать.

Я тоже ничего не имею против т. Микитаева, но ведь есть порядок решения процедурных вопросов. Сейчас выступал уважаемый Леонид Александрович, говорил, что решение было противоправное. Так надо задуматься, что такое противоправное решение? Посмотреть, соответствует

ли то решение, которое было принято Верховным Советом РСФСР, Конституциям СССР и РСФСР. Пусть мне кто-либо из юристов на этот вопрос ответит сегодня.

Вопрос носит процедурный характер.

Почему после того, как Верховный Совет республики принял решение, никто из наших депутатов не поставил перед Президиумом Верховного Совета РСФСР или в Палате национальностей вопрос о том, чтобы переголосовать принятое Верховным Советом РСФСР решение. Если бы этот вопрос был поставлен, то об этом никто сегодня не говорил бы. Видимо, это делается специально, чтобы нагнетать обстановку вокруг этого вопроса. Думаю, что если так будет продолжаться, то из этой ситуации, в которой оказались, мы не выйдем. Допустим, сейчас пошлем телеграмму или письмо в Верховный Совет РСФСР. Это процедурный вопрос, и там никто его не будет рассматривать, потому что до нас никому дела нет. Естественно, что на следующей сессии мы вновь вернемся к этому вопросу. Я считаю, что это вина Президиума Верховного Совета КБССР. А депутаты, которые сейчас выступают, должны отдавать себе отчет – правомерны или неправомерны действия народных депутатов РСФСР. Я очень удивлен выступлением т. Нахушева. Если вы, т. Нахушев, выступаете от имени избирателей т. Микитаева и хотите организовать кампанию его отзыва, то делайте это в другом месте, а не в Парламенте Кабардино-Балкарии. Действуйте в соответствии с существующим Законом об отзыве народных депутатов.

Второй вопрос, который я хочу затронуть, – это вопрос о представительстве. Да, мы приняли Декларацию о суверенитете. Да, мы утвердили в ней, что по многим вопросам можем самостоятельно принимать решения. Да, мы утвердили, что входим в состав РСФСР. Но я говорил раньше в этом зале и говорю сейчас, что объявленный нами суверенитет не насыщен до сих пор правовым содержанием. Кто мне ответит на вопрос – имеем ли мы право отменить Указ Президента РСФСР? Есть ли разделение такой власти или нет? Да никто не ответит. Потому что мы не поставили этот вопрос перед Президентом. Мы не поставили вопрос, что мы забираем у Российской Федерации. И пока эти вопросы не будут решены, мы будем все время об них спотыкаться.

И третье, что касается выборов Президента. Наше отношение к выборам Президента республики мы высказали еще 25 сентября с этой

трибуны, аргументируя тем, что в сложившейся сложной общественно-политической ситуации не следует проводить выборы. Если вы помните, то с этим заявлением выступил народный депутат Ульбашев. То, что вчера и сегодня говорил Председатель Верховного Совета Кармоков в пользу переноса выборов, на 99 процентов повторяет то, о чем говорил т. Ульбашев. Я не думаю, что т. Кармоков согласовывал свои выступления с нами, но, анализируя сложившуюся общественно-политическую ситуацию, наверное, не одни демократы, но и другие слои нашего общества пришли к тому, что поспешное проведение выборов приведет к еще большей дестабилизации общественно-политической ситуации в нашей республике. Я не буду распространяться о причинах, потому что об этом достаточно было сказано Председателем и депутатом Шокуевым. Думаю, что и другие народные депутаты скажут об этом».

На сессии коротко, но глубоко аргументировано, отстаивая позиции общественной организации «Адыгэ Хасэ» и демократического движения КБССР, выступил Заур Налоев, который сказал:

«Уважаемые товарищи депутаты! Я к вам ко всем отношусь с уважением, хотя политических позиций очень многих из вас не приемлю.

Я все еще являюсь тхамадой «Хасэ» и лучше знаю, что думает по этим вопросам «Хасэ». Вчера состоялся Пленум «Хасэ», который, обсудив вопрос о президентских выборах, считает правильным передвинуть выборы Президента на такой срок, чтобы мы успели сформировать новый Верховный Совет, и только после этого вернуться к президентским выборам. Только тогда мы будем поддерживать президентские выборы.

Здесь было ясно сказано, и я хочу повторить, что «Хасэ» не приемлет такого решения, когда исполнительная власть формируется сначала, а потом эта исполнительная власть формирует, как хочет, законодательную власть. Когда своя рука – владыка, можно делать все, что угодно: и лошадь можно поставить позади арбы.

Но я очень хочу, дорогие товарищи депутаты, поставить во главу угла логику и по этой логике сначала сформировать законодательную власть, потом вернуться к остальному. В нашем Верховном Совете сейчас сформировалось жесткое противостояние. В этом противостоянии та часть, которая представляет собой правящий класс, разговаривает с нами с позиции властной силы, с угрозами. Слово «демократ» в их устах звучит чуть ли не

как ругательное слово. Среди демократов не знаю ни одного человека, который бы домогался привилегий, мягкого кресла или еще чего-нибудь в этом плане.

Я знаю, что среди тех, кто выступает против демократов и против демократии, есть очень много людей, которые защищают свои кресла и свои привилегии. Я хочу вам напомнить, товарищи, когда президент Горбачев перед тем, как пойти в наступление на развал страны, на развал экономики, кое-кому поднял зарплату на очень высокий уровень. Это как раз и есть привилегия.

Есть много таких параметров. Сейчас, когда мы выступаем против наместника, душа радуется. Но, черт возьми, извините меня, куда вы нас завели. Не я, а именно вы. Когда Горбачев заявил, что собирается провести свою перестройку с помощью старых кадров, я перестал ему верить. Люди, которые завели страну в этот хаос, не способны ее вывести из него. Если мы хотим в нашей республике устроить правильную экономическую, политическую, нравственную жизнь, мы должны провести кадровую реформу. Пока кадровая реформа идет у нас по пути сохранения старых кадров, подыскивая для них новые должности. Таким образом, мы отодвигаем решение животрепещущих вопросов на задний план.

Сегодня, когда мы здесь отстаиваем необходимость выбрать Президента 24 ноября, опять хотим получить мощную власть, которая бы сохранила старую структуру кадров».

Депутат Р. Отарова обоснованно настаивала на переносе даты выборов Президента. Она подчеркивала: «...24 ноября как срок проведения выборов утверждался и обосновывался в связи с тем, что на эту дату ранее были назначены выборы глав администрации районов республики. Вроде это было логично в целях упорядочения организационных вопросов выборов... Теперь же уже ясно, что 24 ноября не будут проведены выборы глав администраций. Те, кто обосновал необходимость одновременных выборов глав администраций и Президента республики, теперь считают, что можно обойтись без этого. Говорят, что выбранный Президент может сам оперативно назначить глав администрации районов... Второй посып срочного назначения выборов Президента – это необходимость обеспечения стабильной обстановки в республике... Какая может быть стабилизация, которое может быть единство в республике, если против этого выбора

выступают все республиканские политические движения и общественные организации, если сегодня вырисовывается реальная угроза неучастия в выборах населения одного из субъектов республики... Я считаю, что Верховный Совет, выражая интересы всего народа Кабардино-Балкарии, не может, просто не имеет права не учитывать сложившиеся сегодня реалии...».

Несмотря на то что большинство народных депутатов Верховного Совета и слышать не хотели о переносе сроков выборов Президента республики, Председатель Верховного Совета Хачим Кармоков высказался по этой проблеме несколько осторожно. Видно было, что абсолютное непринятие серьезной настоятельной рекомендации Президиума Верховного Совета РСФСР по переносу срока выборов Президента КБССР, твердая позиция по этому вопросу национально-общественных организаций «Хасэ» и «Тере», ряда депутатов от демократического движения республики, а также несогласие с назначенным сроком выборов практически всех балкарских депутатов становились для Хачима Кармокова весомым аргументом против проведения выборов Президента 24 ноября 1991 года. Однако, когда депутаты отклонили предложение переноса даты выборов Президента, Хачим Мухамедович не стал, как иногда бывало, предпринимать какие-то процедурные моменты против подобного решения депутатов.

Прежде чем завершить тему о сроках выбора Президента, хочется обратить внимание читателя на такой нюанс. При назначении датой выборов Президента 24 ноября 1991 года сторонники ускорения введения поста Президента в республике обосновывали это предложение тем, что ранее на эту дату были назначены выборы глав администрации районов республики. Соответственно, и с точки зрения финансовых затрат и упрощения организационных вопросов такие совмещенные выборы выглядели целесообразными и оптимальными. При этом было бы первым прецедентом в республике, когда руководство местного исполнительного органа районного масштаба выбиралось на основе всенародного голосования. Однако судьбе, точнее говоря, определенным политическим кругам республики угодно было, чтобы подобный демократический процесс в КБССР никогда не состоялся. Хотя для выборов глав администраций районов уже давно была подготовлена требуемая законодательная база, подготовительные работы по выборам глав администраций структурами аппаратной власти республики были заблокированы – не стали проводить процедуру выдвижения

соответствующих кандидатов. Не приходится сомневаться в том, что решающей силой в подобном подходе к выборам глав администраций районов являлась команда единомышленников главного фаворита на президентских выборах Валерия Кокова. Действительно, зачем будущему Президенту всенародно избранный глава районной администрации, возможно, с непредсказуемой политической позицией, когда, как говорил Заур Налоев, «своя рука – владыка»: избранный Президент по своему усмотрению может назначить главу администрации района.

По результатам обсуждений вопросов повестки дня внеочередная сессия Верховного Совета приняла несколько постановлений.

1. В специальном обращении к Верховному Совету РСФСР говорилось следующее: «Верховному Совету РСФСР не принимать из республик в составе России информацию, не соответствующую объективной действительности, о якобы существующих на местах антироссийских настроениях, представляемых в Верховном Совете РСФСР не уполномоченными на то лидерами различных политических движений и партий, а руководствоваться прежде всего мнением Верховных Советов республик, единственных выразителей воли народов, проживающих в этих республиках».

В изложенном обращении Верховного Совета КБССР столько логических, юридических и политических несуразностей, что короткими фразами комментировать их просто не представляется возможным. Во-первых, какие Верховные Советы республик уполномочивали Верховную власть КБССР обращаться от их имени в Верховный Совет РСФСР? Да никто их не уполномочивал. Во-вторых, что значит «с информацией, не соответствующей объективной действительности»? Кто арбитр в этом вопросе? Нет арбитра. Отсутствует не только арбитр, но и объект, суть которого, как следует из обращения, подлежит выяснению. В-третьих, почему Верховный Совет РСФСР всегда должен руководствоваться только мнением Верховных Советов республик в то время, как, например, мнение инициатора данного обращения – Верховного Совета КБССР сплошь и рядом не совпадает с мнением Верховного Совета РСФСР, о чем свидетельствует содержание принятых постановлений на данной внеочередной сессии Верховного Совета КБССР.

Следующее постановление Верховного Совета КБССР

предусматривало предложение депутату Верховного Совета РСФСР А. Микитаеву добровольно сложить с себя полномочия члена Совета Республики Верховного Совета СССР, а другому депутату Верховного Совета РСФСР А. Ахметову добровольно отказаться от полномочий представителя Президента РСФСР по КБССР.

Сколько копий ни ломалось в ходе «обличения» Микитаева и Ахметова в их якобы неправовых поступках, в постановлении Верховного Совета не нашлось места выражению в их адрес указательного или распорядительного характера, ибо такое положение в постановлении как раз было бы неправовым актом.

Далее Верховным Советом КБССР была принята еще одна постоянно действующая норма, смысл которой с точки зрения права и законодательства не смог бы объяснить ни один юрист:

«В целях улучшения координации работы народных депутатов СССР, РСФСР от КБССР и народных депутатов Кабардино-Балкарии по защите суверенитета республики ввести регулярное рассмотрение отчетов о совместной деятельности с очередной сессией Верховного Совета КБССР».

Я вынужден был взять слово и выразить свое отношение к обозначенному намерению Верховного Совета КБССР. Отметил, что ряд депутатов от КБССР избирался на Съезд народных депутатов Верховного Совета РСФСР, открыто демонстрируя перед избирателями республики свои позиции по приверженности к демократическим преобразованиям как в КБССР, так и в РСФСР. Этому продолжали придерживаться во время работы на Съезде народных депутатов и на сессиях Верховного Совета РСФСР депутаты от КБССР Ахметов, Микитаев, Хараев и Тумов вот уже в течение полутора лет. Эта была их принципиальная политическая позиция, поддержанная значительным количеством избирателей в КБССР в ходе избирательной кампании депутатов Съезда народных депутатов РСФСР. Причем, как правило, у всех этих депутатов в ходе выборов была жесткая политическая конкуренция.

Практика показала, что политическая позиция упомянутых депутатов РСФСР зачастую не совпадала с политической ориентацией руководителей нашей республики Кокова, Мамхегова, Чабдарова, которые также являлись депутатами Съезда народных депутатов РСФСР. Ярким примером этому явились выборная кампания Президента РСФСР в июне 1991 года, а также

события при ГКЧП, когда взгляды депутатов России Микитаева, Ахметова, Хараева и Тумова, с одной стороны, и руководителей Верховного Совета КБССР Кокова, Чепуркова, Мамхегова, с другой, были совершенно противоположные. Поэтому я сказал: «Совершенно непонятно, как можно придать правовое обоснование необходимости политического объединения или к принуждению политического объединения статусной свободы депутатов, которая закреплена российским законодательством».

Депутат М. Шокуев напомнил в своей реплике по данному вопросу депутатам Верховного Совета КБССР, что депутаты РСФСР из Кабардино-Балкарии избраны не Верховным Советом КБССР, а многочисленными избирателями республики. И только они – избиратели имеют право требовать от них отчетов.

Во второй половине работы внеочередной сессии Верховного Совета началось обсуждение вопроса по проблеме восстановления балкарских районов в границах 1944 года. Хотя этот вопрос довольно часто поднимался и комиссия Верховного Совета под руководством Председателя Совета Министров по этой проблеме была создана более года тому назад, это был первый конкретный разговор по вопросу восстановления балкарских районов.

Подробный анализ по площадям территории населенных пунктов четырех балкарских районов – Черекский, Хуламо-Безенгийский, Чегемский и Эльбрусский – был сделан членом комиссии Махмудом Чочаевым. Он же в конце своей информации предложил принять постановление Верховного Совета в формате политического решения по восстановлению упомянутых балкарских районов без указания их конкретных границ и перечня населенных пунктов, подлежащих вхождению в эти районы. В этом же проекте постановления предусматривалось, чтобы вопросы формирования конкретных границ, других геопараметрических, социальных и т.п. характеристик районов были возложены на Совет Министров республики с последующим утверждением их на Верховном Совете.

В то же время уровень и характер проработки вопроса восстановления балкарских районов в границах 1944 года не устраивали большинство кабардинских депутатов Верховного Совета. И надо сказать, что для этого имелись достаточно весомые основания.

Во-первых, с самого начала обсуждения вопроса о восстановлении

балкарских районов еще с 1990 года многие депутаты Верховного Совета отмечали необходимость одновременного восстановления границ балкарских районов и границ КБАССР, существовавших на начало 1944 года. Ведь тем же Указом Верховного Совета СССР, в соответствии с которым было выселено балкарское население, были отчуждены от Кабарды значительные территории в пользу Ставропольского края и Северо-Осетинской АССР.

Во-вторых, с учетом наличия проблемы не только по восстановлению балкарских районов, но и необходимости решения вопроса восстановления границ КБССР на начало 1944 года Верховный Совет республики в Декларации о государственном суверенитете КБССР объединил эти две задачи в одну общую проблему – необходимости восстановления районов КБССР в границах, существовавших на начало 1944 года.

В то же время, если вопрос восстановления балкарских районов, существовавших в КБАССР до выселения балкарского народа, был в полной мере в компетенции властей нашей республики, то проблему возвращения отчужденных от Кабарды территорий, т.е. по восстановлению границ КБССР, имевших место на начало 1944 года, необходимо было решать в Москве и с другими субъектами РСФСР – Ставропольским краем и Северной Осетией. А это было уже архисложной задачей. Причем для всех участников, вовлеченных в разрешение данной коллизии, было абсолютно очевидным, что если решение последней проблемы рассматривать без увязки с реализацией Закона РСФСР «О восстановлении прав репрессированных народов», то она навсегда останется нерешенной.

Балкарские товарищи, соглашаясь с наличием в республике проблемы границ Кабардино-Балкарии и с необходимостью ее решения, принципиально выступали против увязывания решения этой проблемы с вопросом восстановления балкарских районов.

Кроме как обозначением в Декларации о государственном суверенитете республики необходимости восстановления территории КБАССР в границах 1944 года, никто в республике – ни Верховный Совет, ни Правительство – этим вопросом не занимался.

Он возникал периодически на сессиях Верховного Совета при очередных рассмотрениях проблемы балкарских районов.

Более того, возглавляющий в последние месяцы комиссию Верховного Совета по восстановлению балкарских районов Борис Чабдаров, плотно

работая в Москве с российскими властями по вопросам восстановления прав репрессированного балкарского народа, нигде и никак не обозначал проблему восстановления территорий Кабардино-Балкарии в границах 1944 года. Да и никто из руководства республики также эту проблему в масштабах РФ не ставил.

Внеочередная сессия Верховного Совета после дискуссионного обсуждения информации М. Чачаева, в ходе которого со стороны многих депутатов отсутствовал конструктивный подход к проблеме, большинством голосов отклонила предложение о восстановлении балкарских районов, существовавших в КБАССР на начало 1944 года. Даже декларативно-политический формат проекта постановления не устроил большинство депутатов. В результате председательствующий Х. Кармоков предложил перенести окончание рассмотрения вопроса по балкарским районам на очередную сессию Верховного Совета.

По итогам работы внеочередной сессии Верховного Совета КБССР 16 ноября 1991 года у немалого числа народных депутатов, в том числе и у меня, осталась достаточно серьезная неудовлетворенность.

Во-первых, на этой сессии было принято несколько постановлений неправового, явно выраженного антироссийского характера, последствия которых никак не могли оказаться позитивными для нашей республики. Во-вторых, на сессии были приняты решения по поводу народных депутатов РСФСР А. Микитаева и А. Ахметова, смысл которых выглядел для адресатов оскорбительным. Более того, в принятом специальном постановлении относительно работы депутатов Верховного Совета СССР и РСФСР Верховный Совет КБССР взял на себя антизаконные неправовые полномочия по ограничению статусного права депутатов Верховных Советов СССР, РСФСР от КБССР. В-третьих, отклонение Верховным Советом предложения многих депутатов, общественно-политических организаций республики, наконец, настоятельной рекомендации Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросу переноса срока выборов Президента республики, без сомнений, могло явиться причиной дальнейшей дестабилизации общественно-политической ситуации в КБССР.

В-четвертых, была создана такая ситуация, что отказ большинства депутатов в принятии Верховным Советом, даже в декларативно-политическом формате, постановления о восстановлении балкарских районов

в границах 1944 года спровоцирует принятие уже предсказуемого политически опасного решения Съездом балкарского народа, созываемым на следующий день, т.е. 17 ноября 1991 года.

Напомним, что на повестке дня внеочередной сессии Верховного Совета стоял вопрос «... и стабилизации общественно-политической обстановки в Кабардино-Балкарской Республике». А фактическим результатом работы сессии явились процессы общественно-политического характера, изменившие обстановку в республике с точностью до наоборот.

На состоявшемся 17 ноября Первом съезде балкарского народа была провозглашена Декларация о суверенитете Республики Балкарья.

В том, что это решение съезда балкарского народа явилось прямым следствием непродуманных, политически провокационных решений внеочередной сессии Верховного Совета республики, состоявшейся двумя днями раньше, сомневаться не приходилось. Депутаты-балкарцы на той сессии наряду с тем, что настаивали на начале первого этапа в решении проблемы восстановления балкарских районов, также принципиально выступали против антироссийской риторики, которой изобиловала работа внеочередной сессии Верховного Совета 16 ноября 1991 года.

В связи с решениями балкарского съезда Президиум Верховного Совета вынужден был в спешном порядке созвать 19 ноября 1991 года теперь уже чрезвычайную сессию Верховного Совета с повесткой дня: «Обращение Первого съезда балкарского народа к Верховному Совету Кабардино-Балкарии в связи с провозглашением Республики Балкарья».

При обсуждении повестки дня чрезвычайной сессии сразу возник вопрос о провозглашении, в свою очередь, Республики Кабарда. Депутаты согласились с тем, что такое решение должно быть принято только на съезде кабардинского народа. В связи с этим в повестку дня был включен вопрос о созыве съезда кабардинского народа.

По вопросу обращения съезда балкарского народа на сессии выступил Председатель Верховного Совета КБССР Хачим Кармоков, который информировал депутатов об основных решениях Первого съезда балкарского народа. Он же озвучил само обращение съезда балкарского народа к Верховному Совету республики. В обращении отмечалось, что Республика Балкарья провозглашается в качестве суверенного субъекта, входящего в состав Российской Федерации. Соответствующая Декларация съездом была

принята единогласно. Также был образован Национальный Совет как высший орган балкарского народа. Председателем Национального Совета был избран Борис Касимович Чабдаров. В обращении съезда балкарского народа подчеркивалась мысль, что Верховный Совет КБССР отнесется к решению съезда – акту провозглашения суверенной Республики Балкария с пониманием и поддержит это решение.

В связи с тем что на съезде балкарского народа было принято постановление о невозможности проведения выборов Президента КБССР на территории населенных пунктов Балкарии, на сессии Верховного Совета встал вопрос о переносе сроков выборов Президента КБССР. Однако решение этого вопроса поставили в зависимость от результатов обсуждений сути обращения съезда балкарского народа и сроков назначения съезда кабардинского народа.

Обсуждение обращения съезда балкарского народа на чрезвычайной сессии Верховного Совета проходило достаточно в спокойной обстановке. Подавляющее большинство выступающих депутатов отмечало соответствие решения балкарского народа императивам Декларации Кабардино-Балкарской ССР. В то же время справедливо обращалось внимание и на то, что в ходе реализации решений съезда балкарского народа, естественно, будут возникать крайне сложные проблемы, главной из которых явится проблема установления границ между Кабардой и Балкарией.

В конечном итоге в связи с провозглашением суверенной Республики Балкария Верховным Советом было принято соответствующее постановление, предусматривающее:

- признание правомерным и соответствующим Декларации о суверенитете КБССР решение съезда балкарского народа о провозглашении суверенной Республики Балкария в составе РСФСР;
- созыв съезда кабардинского народа с целью провозглашение суверенной Республики Кабарда;
- необходимость сохранения действия на всей территории Кабардино-Балкарии Конституции КБССР и принятых ранее Верховным Советом КБССР законодательных актов до момента введения в жизнь Конституции Республики Балкария и формирования ее высшего законодательного органа и органов исполнительной власти;
- необходимость создания согласительной комиссии по решению

комплекса вопросов, связанных с разъединением будущих республик Балкарья и Кабарда.

На чрезвычайной сессии естественным образом встал вопрос о будущем Президенте КБССР, который включал в себя два момента: первый – стоит ли теперь заниматься выборами Президента единой республики – Кабардино-Балкарской ССР; второй – перенос сроков выборов первого Президента КБССР.

Вопрос о включении в повестку дня об отмене ранее принятого Верховным Советом Кабардино-Балкарии постановления об учреждении поста Президента республики большинством голосов депутатов был отклонен.

Безусловно, видно было, что, планируя кампанию о введении президентской формы правления, В. Коков и его окружение просчитались в прогнозировании возможных итогов происходящих в то время активных процессов по самоопределению балкарского народа. Они были уверены, что контролируют ситуацию, и идея провозглашения Республики Балкарья в это время не имеет реальной почвы. Теперь же, когда случилось то, что совершенно не планировалось единомышленниками В. Кокова, его команде нужно приложить невероятные усилия, чтобы ни в коем случае не поколебать институт Президента КБССР и проведение соответствующих выборов. Собственно, этим исключительно старательно занимались депутаты из команды В. Кокова на чрезвычайной сессии Верховного Совета 17 ноября 1991 года.

Х. Кармоков в своем выступлении на сессии в связи с провозглашением Республики Балкарья обозначил ряд проблем, в том числе проблему переноса срока президентских выборов, а именно, с 24 ноября на более поздний срок. По его настоянию этот вопрос был включен в повестку дня сессии. В ходе обсуждения этого вопроса развернулась острая дискуссия. Сторонники В. Кокова категорически возражали против переноса сроков выборов Президента.

Хачим Кармоков, на наш взгляд, убедительно обосновал необходимость переноса сроков выборов Президента. Причем доводы его на этот раз были вескими и радикальными. Свою позицию Кармоков аргументировал невозможностью выбора общего Президента Кабардино-Балкарии, когда один из субъектов этого политического объединения – Балкарья, принял декларацию о выходе из состава КБССР. Кармоков также

заявил, что в случае отклонения предложения о переносе сроков выборов Президента он как один из кандидатов на пост Президента снимает свою кандидатуру с выборов.

Инициативу Кармокова поддержал и другой кандидат на пост Президента П. Иванов, который также объявил на сессии, что без переноса сроков выборов он также в выборной кампании участвовать не будет.

Третий кандидат на должность Президента КБССР В. Коков без особого энтузиазма согласился с предложением о переносе сроков выборов. Но при этом заявил, что при любом решении Верховного Совета о снятии его кандидатуры с выборов и речи не может быть.

В ходе дискуссии несколько ортодоксальных депутатов настаивали оставить дату выборов Президента 24 ноября 1991 года. Однако они оказались в абсолютном меньшинстве. Большинством голосов депутатов срок выборов Президента КБССР был перенесен на 21 декабря 1991 года.

Еще ранее Верховным Советом было принято постановление созвать съезд кабардинского народа на 14 декабря 1991 года.

8.4. Выборы Президента КБССР.

Съезд кабардинского народа.

Конгресс кабардинского народа

История человечества, особенно с конца Средних веков, показывает, что существенные значимые изменения эволюционного характера в отдельно взятом обществе происходят в результате действий властных структур государства. Естественно, при этом любая власть руководствуется собственной идеологией (политической, экономической, социально-общественной и т.п.).

После принятия съездом балкарского народа Декларации о суверенитете Республики Балкария главным органом власти в КБССР с большими полномочиями оставался Верховный Совет во главе с Хачимом Кармоковым. А между тем идеологическое содержание этой власти принадлежало партии Валерия Кокова, основного претендента на пост Президента республики на предстоящих выборах. Формально такой официальной партии не было, но фактически в период с октября 1991-го по январь 1992 года эта партия не покладая рук, днем и ночью работала, чтобы,

во-первых, несмотря на любые настроения в балкарских поселениях относительно предстоящих выборов выборы Президента КБССР, они состоялись; во-вторых, чтобы на этих выборах обеспечить победу Валерия Кокова.

За этот период властью были преданы забвению выборы глав районных администраций, выборы нового состава Парламента в соответствии с решением действующего Верховного Совета от 24 августа 1991 года, а также проведение съезда кабардинского народа в декабре, тоже в соответствии с постановлением Верховного Совета в ноябре 1991 года. Процессы реализации упомянутых мероприятий отвлекали бы партию Кокова от успешного решения главной ее политической задачи – обеспечения победы своего кандидата на пост Президента республики.

В добавление к сказанному следует отметить, что, несмотря на неоднократные публичные заявления Х. Кармокова о поддержке принятой съездом балкарского народа Декларации о суверенитете Республики Балкарья, принятие Верховным Советом КБР одобряющего решение балкарского съезда постановления, а также постановления о созыве съезда кабардинского народа, Хачим Кармоков, являясь председателем высшего законодательного органа республики, и Валерий Коков в период президентской выборной кампании и после того, как он стал Президентом республики, делали все возможное, чтобы права кабардинского и балкарского народов на самоопределение остались нереализованными.

После решения Верховного Совета КБССР о переносе даты выборов Президента на 21 декабря 1991 года многие представители общественности стали настойчиво поднимать вопрос о выдвижении кандидатуры от демократического движения республики для участия в выборах Президента. Чаще всего звучала фамилия Феликса Ахмедовича Хараева, народного депутата РСФСР, депутата Верховного Совета КБССР, возглавлявшего долгое время объединение «Каббалкавтотранс». Но Феликс Ахмедович продолжал придерживаться позиции не участвовать в президентских выборах.

Однажды, где-то в конце ноября, к Хараеву в «Каббалкавтотранс» пришла группа работников культуры и искусства (артисты театров, певцы, композиторы, музыканты, художники и другие). На этой встрече от «Демократической Кабардино-Балкарии» присутствовали Заур Налоев,

Владислав Болов, Борис Тлянчев, Жантемир Губачиков и я. Члены группы культуры и искусства (а их было около тридцати) в один голос просили Феликса Ахмедовича дать согласие принять участие в выборах Президента республики. Хараев долго не давал согласия. Его мотивы были прежними – предстоящие выборы будут проходить нечестно, с грубыми нарушениями соответствующего законодательства. В конечном итоге Феликс не устоял против напора делегации и дал согласие на выдвижение своей кандидатуры для участия в выборах Президента КБССР.

В тот же день был создан предвыборный штаб в поддержку кандидатуры Феликса Хараева. Руководителем штаба был назначен профессор Владислав Болов. Активно развернувшемуся штабу удалось за достаточно короткий срок организовать эффективную работу по поддержке кандидатуры Ф. Хараева. Через две недели он после регистрации своей кандидатуры в Центральном избиркоме республики уже занимал твердое второе место в рейтинге кандидатов на пост Президента КБССР.

Как проходил первый тур выборов Президента в Кабардино-Балкарии – это особая тема, мы не будем подробно говорить об этом, дабы не перегружать текст «Записок...». Тем не менее не можем не отметить, что в ходе первого тура президентских выборов в Кабардино-Балкарии на всю мощь был мобилизован административный ресурс местных органов власти и правоохранительных органов республики в пользу кандидатуры В. Кокова и, как правило, против кандидатуры Ф. Хараева.

В день выборов 21 декабря 1991 года представителями штаба Хараева были поданы в ЦИК республики десятки жалоб, заявлений, сообщений о многочисленных грубых нарушениях законодательства о выборах, имевших место на избирательных участках в республике. Однако ни один из этих случаев не стал предметом рассмотрения ЦИК.

Тем не менее по результатам первого тура президентских выборов Феликс Хараев занял твердое второе место. А как бы ни старалась его команда, каким бы ухищрениям ни прибегала, Валерий Коков по итогам первого тура не смог набрать абсолютное большинство голосов, чтобы сразу стать Президентом республики. Проведение второго тура выборов на пост Президента стало неизбежным, в котором должны были участвовать Коков и Хараев.

22 декабря мы, все члены предвыборного штаба Ф. Хараева, собрались

на месте его работы в «Каббалкавтранс» с целью выработки дальнейшего плана действий, т.е. подготовки мероприятий ко второму туру выборов Президента республики. Оказалось, что еще рано утром Хараев пригласил к себе Владимира Болова, и к нашему приходу они вели беседу один на один. Я зашел к ним. И вдруг Феликс Ахмедович ошарашил меня, заявив: «Я хочу снять свою кандидатуру со второго тура выборов Президента». Я настойчиво стал уговаривать Феликса не делать этого. Моими главными аргументами были возможное разочарование тысячей избирателей республики, отдавших честно свои голоса за Хараева. Более того, настаивал я, большое количество избирателей, отдавших свои голоса за кандидатуры Иванова и Кармокова, во втором туре объективно будут голосовать за него – Хараева.

У Феликса были свои основания: «Ты же видел, какое беззаконие творилось на выборах в первом туре. Так вот, во втором туре уровень этого беззакония будет увеличен в несколько раз, и я не хочу больше участвовать в этих грязных выборах». Несколько позже Хараев, пригласив всех членов штаба его предвыборной кампании, выразил им глубокую благодарность за проделанную ими большую работу в ходе подготовки и проведения первого тура выборов Президента КБР. Он также огласил свое решение об отказе в участии во втором туре выборов Президента республики. Многие члены штаба вновь стали уговаривать Хараева. Но Феликс Ахмедович остался в своем решении непоколебимым.

В тот же день Хараев и я были у председателя Центральной избирательной комиссии М. И. Докшокова. Когда Хараев положил ему на стол заявление о снятии своей кандидатуры с участия во втором туре выборов Президента, трудно было не заметить у Мусы Ильясовича вздоха облегчения. Он не отговаривал Феликса. Его реакция была короткой: «Это ваше право». Естественно, и Феликс, и я воспользовались случаем и высказали свое отношение к многочисленным нарушениям, допущенным в ходе первого тура президентских выборов. Докшоков нам ответил более чем неуважительно в том смысле, что «вы теперь простые граждане, и ваше мнение мало кого интересует».

Как-то в апреле 1991 года Заур Налоев сказал мне, что получил от адыга Раджаба Фатхи, живущего в Голландии, приглашение и на днях выезжает в Голландию. После возвращения Заур рассказал, что в Голландии собирались авторитетные представители адыгов, живущих в разных уголках

мира. На встрече было принято решение провести в Кабарде, в г. Нальчике, первый Всемирный Черкесский Конгресс.

Действительно, в мае 1991 года в Нальчике состоялся первый Всемирный Черкесский Конгресс.

«Это было прекрасное событие. Люди улыбались и плакали, обнимались и рассказывали о наболевшем, с жадностью слушали о том, как живут адыги здесь, у себя дома...».¹ Так выражал свое глубокое удовлетворение первым Черкесским Конгрессом великий адыг современной истории Юрий Калмыков.

Первый Всемирный Черкесский Конгресс провозгласил о создании Международной Черкесской Ассоциации (МЧА). Первым президентом Международной Черкесской Ассоциации был избран Юрий Хамзатович Калмыков.

Впоследствии МЧА была зарегистрирована в Министерстве юстиции России, она была принята в Международную организацию непредставленных народов (ООН).

Я никогда не входил ни в какие органы управления МЧА. Но через «Адыгэ Хасэ» участвовал во многих мероприятиях, проводимых ею в Кабардино-Балкарии.

5 января 1992 года во втором туре президентских выборов, состоявшихся на безальтернативной основе, без каких-либо проблем Президентом Кабардино-Балкарии был избран Валерий Коков. Наконец-то программа, выработанная партией Кокова в конце августа 1991 года, была успешно реализована. С этого момента существенным образом изменились правовые полномочия основных структур власти в КБР. Главные полномочия по формированию исполнительной власти в республике в соответствии с новым законодательством сосредоточивались в руках Президента.

Уровню эффективности или неэффективности деятельности Валерия Кокова на посту Президента Кабардино-Балкарской Республики почти в течение

14 лет мы уделим в наших «Записках...» особое внимание.

Вопрос об образовании отдельных республик Кабарда и Балкария, по которому положительное решение ранее было принято Верховным Советом Кабардино-Балкарии, оставался нерешенным, в подвешенном состоянии. В связи с этим общественность кабардинского народа требовала созыва съезда

---

¹Калмыков Ю.Х. Повороты судьбы. М.: Статус, 2003.

кабардинского народа. У власти не было аргументов против такого требования. Хотя со значительным опозданием против намеченного Постановлением Верховного Совета срока 15 декабря 1991 года. Первый съезд кабардинского народа был созван 10 января 1992 года в г. Нальчике.

Состав делегатов съезда был по своей политической ориентации достаточно разношерстным. Главы администраций районов приложили много усилий, чтобы среди делегатов съезда оказались послушные аппарату официальной власти люди. В то же время делегаты, стоящие на позициях «Адыгэ Хасэ» и «Демократической Кабардино-Балкарии», составляли внушительное количество. На съезде был сформирован Конгресс кабардинского народа – представительное образование, основным полномочием которого была защита суверенных интересов кабардинского народа. Основным политическим документом съезда явилось решение «О восстановлении Кабардинской Республики», в котором говорилось:

«Сознавая историческую ответственность за судьбу кабардинского народа и представителей других народов, проживающих в республике, исходя из того, что государственность кабардинского народа в новейшее время была восстановлена в 1921 году его собственными усилиями, когда Кабарда вышла из

Горской республики вне какой-либо связи с балкарскими обществами. Последующее присоединение этих обществ к Кабарде в 1922 году было осуществлено Центром, и, следовательно, в соответствии с нормами международного права, не являющимися действительными с момента его заключения, руководствуясь общепризнанными и обязательными для всех народов современной цивилизации нормами международного права, на основе Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации, Декларации о государственном суверенитете КБР, Первый съезд кабардинского народа решает:

1. Восстановить суверенную Кабардинскую Республику в пределах исторической территории кабардинского народа.
2. Территориальные и другие вопросы решать на основе переговоров с

заинтересованными сторонами в соответствии с нормами международного права.

3. Кабардинская Республика обеспечивает равенство всех граждан республики перед законом независимо от социального, имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, политических и религиозных убеждений.

4. Реализацию настоящего решения возложить на Конгресс кабардинского народа, Верховный Совет КБР и Президента республики».

Хотим сразу обратить внимание читателя на пункт 4 решения съезда кабардинского народа. Это решение было принято единогласно делегатами съезда, за него проголосовали и Коков, и Кармоков, и многие депутаты Верховного Совета республики, являвшиеся делегатами съезда. Более того, Верховный Совет КБР по поводу решения съезда кабардинского народа заявил: «Поддержать решение Первого съезда кабардинского народа о восстановлении Кабардинской Республики...», т.е. поддержать вышеприведенный текст, в том числе пункт 4. Таким образом, мы однозначно отмечаем тот юридический факт, что действующая на момент работы съезда официальная власть (Президент и Верховный Совет) республики признала верховенство власти съезда кабардинского народа и созданного им представительного образования – Конгресса кабардинского народа. Мы вынуждены сделать этот акцент в связи с тем, что в последующие за съездом дни руководители верховной власти республики всячески старались внушить кабардинскому народу и другим жителям республики идею о нелегитимности Конгресса кабардинского народа.

На съезде кабардинского народа стал принципиальным вопрос о председателе Конгресса кабардинского народа. Предварительно никто не сомневался, что на эту должность будет избран Юрий Шанибов, пользовавшийся в то время большой популярностью среди немалой части населения республики. Однако руководители Кабардино-Балкарии Коков и Кармоков и другие стали настойчиво предлагать Юрию Калмыкову, присутствующему на съезде в качестве приглашенного, стать председателем Конгресса кабардинского народа (ККН). Многие делегаты съезда, узнав о предложении руководителей республики, быстро присоединились к этой идеи и стали просить Калмыкова быть председателем ККН. Юрий Хамзатович долго не соглашался, но в конечном итоге уступил

многочисленным просьбам. В результате Первый съезд кабардинского народа избрал председателем ККН Юрия Калмыкова. Вот как прокомментировал корреспондент «Кабардино-Балкарской правды» ситуацию выборов председателя ККН: «В нашей жизни много парадоксов. Исключительно благожелательным было отношение делегатов к первому Президенту республики – Валерию Кокову, который вел съезд со второго дня. И все же без колебания можно утверждать, что всеобщими любимцами на съезде были два Юрия – Калмыков и Шанибов, личности, на мой взгляд, более чем разные и неординарные. Как это оценить и как к этому относиться? Ни в коей мере не хочу умалить достоинств Юрия Шанибова, человека, безусловно, наделенного ораторским искусством, кипучей энергией. И рядом Юрий Калмыков – спокойный, внушительный, рассудительный, высокоэрудированный. Говорят, каждый народ имеет того лидера, которого заслуживает. Если так, то мне кажется, кабардинцам и даже всем адыгам, можно сказать, нечего стыдиться».

Валерий Коков, став незадолго до начала работы съезда кабардинского народа уже первым лицом в иерархии власти республики, воспринимал столь хвалебные комментарии в адрес Юрия Калмыкова и Юрия Шанибова, безусловно, болезненно. В то же время ни он, ни другие руководители ни в коем случае не хотели видеть на должности председателя Конгресса кабардинского народа импульсивного, порою бескомпромиссного Юрия Шанибова. В этих условиях они предпочли Юрия Калмыкова, хотя, как потом выяснилось, в отстаивании принципиальных взглядов Калмыков оказался более жестким, чем Шанибов.

Для истории, для всеохватывающей оценки личности Юрия Калмыкова важным является то, почему он дал согласие быть председателем Конгресса Кабардинского народа, ведь у него в то время были десятки предложений в масштабах России занять не менее профессионально значимые должности.

Юрий Хамзатович ясно и четко представлял себе цели и задачи ККН, функция которого заключалась, как он был уверен, в восстановлении суверенной Кабардинской Республики и в обеспечении с Национальным советом балкарского народа цивилизованного разъединения Кабарды и Балкарии.

Кто читал книгу Юрия Калмыкова «Поворот судьбы», тот мог убедиться в том, что Юрий Хамзатович глубоко знал историю адыгов с

древнейших времен, в том числе и трагические ее периоды (XVIII–XIX века), связанные с русско-кавказской войной. Он также знал, какую огромную роль играла Кабарда на Северном Кавказе во времена, предшествовавшие периоду наместничества генерала Ермолова на Кавказе.

Усилия Ермолова и царя Николая сводились к тому, чтобы отрезать тогда цветущую, монолитную, пользующуюся на Кавказе авторитетом Кабарду от закубанских адыгов.

Действительно, насильтвенное отсечение Кабарды Ермоловым от остальных адыгов, в том числе от очень близких ей бесланеевцев, впоследствии послужило одной из основных причин успешной расправы царизма в ожесточенной войне с западными, закубанскими адыгами.

Советская власть не избежала соблазна сохранения наследства царизма по удержанию адыгского народа в расчлененном состоянии. Более того, в лице Терской республики, начиная с 1918 года, продолжалась имевшаяся в значительной мере во второй половине XIX века практика отчуждения от Кабарды значительных площадей ее территории. Так, в 1918 году решением властей Горской республики от Кабарды было отчуждено в пользу Ингушетии, Дигории, Карабая и Балкарии 63 735 десятин.¹ Все это хорошо было известно Юрию Калмыкову. Юрий Хамзатович с чувством глубокой боли писал о том, что адыгов-бесланеевцев, представителем которых был он сам, уже малочисленных потомков абадзехов, бжедугов, темиргоевцев, а также кабардинцев при советской власти разместили в «трех разных квартирах, больше напоминающих коммунальные».

«...Зачем надо было объединять разноязычные народы, непонятно. Может, исходили из стародавнего принципа «разделяй и властвуй?» Такой вывод напрашивается в связи с тем, что гораздо логичнее было бы объединить балкарцев с карачаевцами, говорящих на одном языке и имеющих единые генетические корни, а для адыгов создать собственное автономное образование... Создается впечатление, что разными наименованиями и созданием смешанных автономных образований как бы хотели сказать, что отныне единых адыгов (черкесов) не существует, и вообще, они должны радоваться тому, что с их участием образованы три автономии».²

Таким образом, не приходится сомневаться о том, что один из выдающихся правоведов СССР Юрий Калмыков, соглашаясь быть председателем Конгресса кабардинского народа, руководствовался не сиюминутным национальным настроением, он, безусловно, считал, что

процесс восстановления суверенной Кабардинской Республики даст возможность заложить правовые основы образования отдельной адыгской автономии в

---

¹Калмыков Ж., Дзамихов К., Думанов Х. и Кажаров А. Этнотерриториальная и административная территориальная структура Кабардино-Балкарии.

²Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. М.: Статус, 2003.

составе России. На Первом съезде кабардинского народа Калмыков поверил, что кабардинская составляющая властей Кабардино-Балкарии, как и балкарская, искренне желает восстановления суверенной Кабардинской Республики. Во всяком случае об этом всенародно заявляли на съезде и Валерий Коков, и Хачим Кармоков.

Для ведения текущей работы на съезде кабардинского народа был избран исполнком ККН.

Исполнком Конгресса кабардинского народа под руководством Ю. Калмыкова оперативно приступил к практической реализации решений съезда по восстановлению суверенной Кабардинской Республики. Исполнкомом ККН были образованы соответствующие комиссии, в том числе: по подготовке Конституции и других документов, связанных с восстановлением Кабардинской Республики, определению границ между Кабардинской Республикой и Республикой Балкария, развитию языка, культуры, образования и народных промыслов.

Очень острой и спорной оказалась проблема определения границ между двумя будущими республиками. Смешанная комиссия, созданная по этому вопросу Верховным Советом, не смогла найти единый подход к решению этой проблемы. Окончательное решение по вопросам границ было оговорено перенести на осень 1992 года.

В то же время уже начиная с весны 1992 года стало проявляться определенное взаимонепонимание между руководителями высших органов власти КБССР и Конгрессом кабардинского народа. Оно проявилось в нескольких аспектах: во-первых, постепенно после завершения работы съезда кабардинского народа с течением времени стало очевидным, что руководители республики не собираются следовать решению съезда по восстановлению Кабардинской Республики. Они за этот период времени

нигде и никак на уровне властных структур не рассматривали и не планировали рассматривать этот вопрос. Более того, они (руководители республики) начали проводить активную работу по дезавуированию решений съездов кабардинского и балкарского съездов по образованию отдельных суверенных республик Кабарда и Балкария. Во-вторых, стало достаточно очевидным то, что после президентских выборов в Кабардино-Балкарии, завершившихся в начале января 1992 года, лидеры балкарского национального движения (Чабдаров, Мизиев, Жабоев, Будаев и другие) снизили свою активность по суверенизации Республики Балкария. Чувствовалось, что с ними была проведена соответствующая работа со стороны команды Валерия Кокова. В-третьих, как показали первые месяцы работы Юрия Калмыкова на должности председателя Конгресса кабардинского народа, его твердая позиция по достижению намеченных на съезде кабардинского народа целей неожиданно для руководителей КБР оказалась на порядок выше действий Шанибова при подобных обстоятельствах.

Вот как вспоминал Юрий Хамзатович выборы председателя Конгресса кабардинского народа и ситуацию, которая сложилась в его взаимоотношениях с властью КБР после первых месяцев работы ККН.

«Тогда я не очень понимал сути происходящего, только со временем мне стало ясно, что Юрия Шанибова руководители республики побаивались как чрезмерного радикального политика, никак он их не устраивал, они делали все, чтобы не допустить его прихода к руководству мощным национальным движением. Они надеялись на то, что со мной договориться будет легче, и к тому же я находился далеко, оставался жителем Москвы.

Но наши отношения тоже не сложились. И не по моей вине. Я рассчитывал на сотрудничество, а от меня почему-то ждали послушания и угодничества. Но это противоречило моей натуре и убеждениям. Независимость в суждениях и поступках – то, что я ценил в других людях, и то, чему стремился следовать сам... Есть в такого рода вещах границы, за рамки которых выходить нельзя. Ибо за ними – принципы, те, что составляют сущностную основу порядочного человека». ¹

Чиновниче-бюрократический аппарат республики, чувствуя, что ККН в лице его председателя Ю. Калмыкова и его креативного исполкома с течением времени набирает все больший авторитет не только среди

кабардинского населения, но и всех жителей республики, стал серьезно беспокоиться за свою власть. Страх руководителей возможной потери власти достиг такого уровня, что они решили пойти в открытую атаку против Конгресса. Последнее выразилось в беспрецедентном политическом заявлении Верховного Совета, Президента, Правительства Кабардино-Балкарии, обнародованном в апреле 1992 года. В заявлении делалась попытка обвинить руководителей Конгресса и

---

¹Калмыков Ю.Х. Повороты судьбы. М.: Статус. 2003.

некоторых членов его исполкома в стремлении к захвату власти, в нарушении Конституции КБР и в других прегрешениях.

Формальным поводом политического заявления руководства КБР явился один процессуальный эпизод в ходе работы Второго съезда кабардинского народа 25 апреля 1992 года. Дело в том, что один из делегатов съезда, справедливо отметив, что находящийся у власти республики чиновничий аппарат практически ничего не предпринимает для реализации решений первого съезда кабардинского народа, предложил проект постановления, в котором предусматривался механизм постепенного образования структур власти Кабардинской Республики. Предложение было, безусловно, поспешное, так как оставалось много вопросов, подлежащих совместному решению с Национальным советом балкарского народа. Делегаты съезда не согласились с таким предложением и отклонили его. Без всяких сомнений, руководству КБР: Кокову, Кармокову и Черкесову – прекрасно было известно, что этот процедурный эпизод работы съезда не будет иметь никаких практических последствий в ходе дальнейшей работы Конгресса. Но им нужно было за что-то зацепиться в целях дискредитации ККН, и они пошли на сочинение пресловутого политического заявления.

8.5. Военная агрессия Грузии против Абхазской Республики. Реакция общественности и властей КБССР, Северного Кавказа и России

Несмотря на то что после избрания В. Кокова Президентом республики значительно повысился уровень монолитности властных структур, перманентная напряженность в кабардино-балкарском сообществе продолжала иметь место всю первую половину 1992 года. Связано это было с тем, что в республике оставались нерешенными проблемы межнациональных отношений, обусловленные решениями съездов балкарского и кабардинского народов. И конечно же, на них также накладывалось немалое количество накопившихся острых социально-экономических вопросов, требующих своего решения.

Но общественно-политическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике еще более обострилась с середины августа 1992 года, когда началась никем не спровоцированная военная интервенция Грузии против Абхазской республики. Агрессия Грузии против маленькой Абхазии была вызвана тем, что Верховный Совет Абхазии по примеру республик, входящих в Российскую Федерацию, повысил статус собственной республики. Доводы руководителя Госсовета Грузии Шеварднадзе – защита железной дороги от диверсантов, необходимость освобождения заложников, захваченных Гамсахурдия в Абхазии, не выдерживали никакой критики. Ни одна из этих версий не имела под собой реальной почвы.

Все мировое адыгское (черкесское) сообщество (в России, Турции, Сирии, Иордании, странах Европы и Америки) восприняло военную агрессию Грузии против Абхазии как значительный урон, нанесенный кем-то близким родственникам, так как испокон веков абхазы и адыги считали себя народами, имеющими близкие генетические корни, общую историю, общую этническую культуру, языковую близость. С далеких времен между адыгами, живущими на Северном Кавказе от Кабарды до Черного моря, и абхазами поддерживались братские, дружественные отношения.

Незадолго до начала агрессии грузинских гвардейцев против абхазцев с 18 по 23 июля 1992 года в Абхазии проходил Международный фестиваль искусств всего мирового адыгского сообщества, в котором участвовали не только делегации Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Шапсугии, но и абхазо-адыгские творческие группы из Турции, Иордании, Сирии, США и Югославии. Это был настоящий праздник братства и солидарности адыгов и абхазов, живущих в разных уголках мира.

Грузинская агрессия моментально всколыхнула всю общественность на

Северном Кавказе, особенно в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее. Многочисленная адыгская зарубежная диаспора в разных странах мира единодушно выражала свою солидарность с братским абхазским народом.

Мне, автору этих строк, в конце августа – начале сентября 1992 года по служебным делам пришлось выехать в Западный Берлин. Меня в аэропорту встретил Ариф Хачетлов, давно живущий в Берлине, как и многие граждане Турции. Он был потомком Хачетловых из Уруха (Коголкино), переселившихся в начале XX века в Турцию. Ранее, еще в советское время, он бывал у нас, староурухских и урухских Хачетловых. Ариф из аэропорта повез меня не к себе домой, а в офис берлинской «Адыгэ Хасэ». Оказывается, Ариф накануне известил руководство местной «Адыгэ Хасэ» о моем приезде. Соответственно, ее активисты собрались, чтобы встретиться со мной, узнать от меня какие-то подробности выступления грузинской военщины против Абхазии. В зале, где собирались турецкие адыги, абхазцы, абазины, было человек 40 – 50. На многочисленные вопросы я не успевал отвечать. Тем не менее постарался, ничего не скрывая, рассказать берлинским адыгам, абхазцам о ситуации, сложившейся вокруг абхазско-грузинского конфликта. В свою очередь наши соотечественники рассказали, что в Германии среди граждан Турции с первых дней начала грузино-абхазской войны идет сбор средств в пользу Абхазской республики.

Так получилось, что Юрий Калмыков тоже осенью 1992 года, когда шла война в Абхазии, выезжал в США по приглашению Картер-Центра для участия в конференции, посвященной положению на Северном Кавказе. В дни пребывания в США Юрий Хамзатович имел длительные встречи с представителями адыгской диаспоры в г. Патерсоне, штат Нью-Джерси, где местным «Адыгэ Хасэ» руководил влиятельнейший адыгский функционер за рубежом Натхо Къадыр. По инициативе последнего была организована встреча Калмыкова с адыгской (американской) молодежью, которая участливо интересовалась событиями в Абхазии. На встрече одним молодым адыгом было высказано предложение организовать группу американских молодых адыгов для отправки в Абхазию. Ю. Калмыков, как мудрый человек, отговорил молодых адыгов из Америки от идеи отправиться в Абхазию.

Тем не менее, когда впоследствии Шеварднадзе пригрозил провести

всеобщую мобилизацию в Грузии, Юрий Калмыков моментально отреагировал через СМИ на заявление грузинского руководителя: «При таком повороте событий Международная Черкесская Ассоциация немедленно призовет всех адыгов (черкесов), включая и тех, кто проживает в других странах, к всеобщей мобилизации». Все это и многие другие подобные факты свидетельствовали о том, что всемирное адыго-абхазское сообщество солидарно выступило в поддержку справедливой борьбы абхазского народа.

С первых дней начала грузинской агрессии против Абхазии в поддержку абхазского народа активную работу развернули президент Международной Черкесской Ассоциации (МЧА), председатель Конгресса кабардинского народа Юрий Калмыков и депутат Верховного Совета РСФСР Мухамадин Тумов.

Мухамадин в своих воспоминаниях о тех событиях отмечает, что 15 августа он и Юрий Калмыков добились встречи с вице-президентом России Руцким. Правда, Руцкой ничего существенного не мог сказать об агрессии Грузии в Абхазии.

В эти дни было опубликовано официальное обращение Юрия Калмыкова к адыгскому и абазинскому народам, казачеству Юга России, ко всем, кому дороги свобода, честь и независимость народов, объявить мобилизацию добровольцев для защиты братского абхазского народа. «Мы не оставим Абхазию одну в беде», – говорилось в обращении.

Уже 20 августа Верховный Совет Адыгеи на основании норм Конституции РФ принимает специальное постановление с обращением к Президиуму Верховного Совета РФ о необходимости созыва чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР для рассмотрения вопросов, связанных с грузино-абхазским военным конфликтом.

Здесь следует отметить, что в грузино-абхазском конфликте изначально явно прогрузинскую позицию заняло руководство России, в первую очередь ее Президент Борис Ельцин. Солидарность с подобной ориентацией России во время агрессии Грузии против Абхазии выразили все руководители северокавказских республик за исключением чеченских. Никто из них никак не отреагировал на факты, обнародованные руководителем Абхазской республики В. Ардзинбой в своем обращении к гражданам Абхазии в первый день войны: «На нашу землю вторглись вооруженные

формирования Госсовета Грузии, которые сеют смерть и разрушения на нашей земле... На наши предложения решить все спорные вопросы мирным путем нам ответили танками, самолетами, пушками, убийствами и грабежами».

3 сентября 1992 года в Москве в президент-отеле происходила встреча руководителей Российской Федерации, Грузии и северокавказских республик. Вот что вспоминает Мухамадин Тумов об этой встрече:

«...Руководителей северокавказских республик на эту встречу пригласили по просьбе Владислава Ардзинбы, председателя Верховного Совета Абхазской республики. Он, видимо, хорошо зная о дружественных отношениях Ельцина и Шеварднадзе, не хотел оставаться с ними один и надеялся на поддержку своих коллег из Северного Кавказа. Но напрасно, принципиальное требование абхазцев о немедленном прекращении огня и выводе грузинских войск из Абхазии ни один из руководителей северокавказских республик не поддержал... Мало того, некоторые из них – Хубиев, Мирзабеков и Джаримов – оказывали давление на Ардзинбу, который не хотел подписывать документ, где отсутствовало главное требование и начинавшийся словами: «Территориальная целостность Грузии сохраняется...», а Президент России довольно грубо и неприкрыто угрожал ему накануне.

По окончании встречи В. Ардзинба высказался в адрес руководителей северокавказских республик: «Хоть один из них поддержал бы меня в каком-либо вопросе»... Если бы он не подписал итоговый документ, Абхазию всему миру представили как виновника срыва переговоров. Здесь же сидели руководители КБССР и за целый день не произнесли ни одного слова. Они молчали».

Активная работа Мухамадина Тумова в Верховном Совете РФ в поддержку абхазского народа не прекращалась ни на один день. Со специальной группой депутатов Верховного Совета РСФСР он не однажды выезжал в Абхазию, в том числе в районы боевых действий, где впервые встретился с Ибрагимом Ягановым, кабардинским молодым добровольцем, комендантом прифронтового города Пицунды. Тумов также встречался с российскими военнослужащими в Гудауте, которые выражали свое недовольство тем, что им не позволяют оказывать военную помощь абхазским патриотам.

На открывшейся 22 сентября 1992 года сессии Верховного Совета РФ обсуждался вопрос об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии. М. Тумов и его единомышленники по депутатскому корпусу стремились отразить в принимаемых Верховным Советом соответствующих документах поддержку высшей законодательной власти РФ абхазскому народу.

Однако принятый за основу проект постановления начинался со слов: «...уважая территориальную целостность и суверенитет Грузинской республики...»

Тем не менее в результате многоходовых комбинаций депутатам Тумову и Бабурину удалось провести через Верховный Совет принципиальные изменения в постановлении в части, касающейся событий в Абхазии:

«Решительно осудить действия руководства Республики Грузия, предпринявшего попытку путем насилия решить сложные межнациональные отношения, и потребовать от него немедленного прекращения вооруженных действий, вывода воинских формирований с территории Абхазии, неукоснительно соблюдая права человека».

По свидетельству М. Тумова, во время обсуждения поправок к проекту постановления Председатель Верховного Совета РФ Руслан Хасбулатов дал слово для выступления не только руководителю депутатской группы, посетившей Абхазию, но и всем членам группы, которые в один голос обвинили в происходящей в Абхазии трагедии одну Грузию.

Подробную правдивую картину бесчеловечных разрушительных действий грузинских вооруженных сил в Абхазии нарисовал в своем ярком выступлении на сессии Верховного Совета РФ Мухамадин Тумов. Ему сделать это было несложно, так как сам не однажды был свидетелем событий, происходивших в то время в Абхазии.

Поправки к проекту постановления прошли под аплодисменты парламентариев Верховного Совета РФ. В постановлении также был пункт в адрес Правительства Российской Федерации о необходимости прекращения передачи Республике Грузия вооружений, боевой техники, боеприпасов. Адресные поручения также были записаны в адрес Министерства обороны и Министерства иностранных дел РФ. В зале Верховного Совета во время принятия постановления в защиту абхазского народа присутствовала

делегация из Абхазии во главе с В. Ардзинбой. Конечно, они с радостным воодушевлением встретили постановление Верховного Совета РФ.

Принятое постановление Верховного Совета РФ имело огромное значение для изменения ситуации в Абхазии. С его принятием стали возможными действия Вооруженных Сил РФ в поддержку Абхазии. Забегая вперед, отметим, что после принятия упомянутого постановления принципиально изменилось отношение местных органов власти и работников МВД РФ к добровольцам, отправляющимся в Абхазию. Более того, органы власти КБР, КЧР и Адыгеи стали оказывать материальную помощь населению Абхазии и ее воинам, ведущим вооруженную борьбу с грузинскими оккупантами.

Активная деятельность Мухамадина Тумова в Верховном Совете РСФСР по разоблачению фашистского поведения грузинских правителей не осталась без внимания спецслужб Грузии. Тумов в своих воспоминаниях пишет, что вскоре после принятия Верховным Советом РСФСР постановления, направленного на защиту абхазского народа, его и Бабурина пригласили в отдел охраны Парламента РФ и известили, что они оба взяты под специальную охрану, так как российским спецорганам стало известно, что для их ликвидации в Москву из Тбилиси выехала диверсионная группа. В течение нескольких месяцев, пока не были изолированы грузинские террористы, Тумов и Бабурин находились под соответствующей охраной.

В то время, когда совершалась военная агрессия грузинской военщины против Грузии, Тумов периодически приезжал на родину в КБР и сразу включался в работу ККН и «Адыгэ Хасэ» по оказанию помощи абхазскому народу. Я приведу два примера, свидетелем которых был лично. Однажды, ближе к вечеру, в дни широкого сопротивления работников МВД на Северном Кавказе уходу добровольцев в Абхазию, в офис ККН позвонил министр МВД Хачим Шогенов. Он очень обеспокоенным голосом просил срочно прибыть на пост ГАИ у въезда в г. Нальчик со стороны Нартана авторитетных представителей ККН. Ж. Губачиков, М. Тумов и я, которые находились в это время в офисе ККН, быстро сели в машину и поехали на пост ГАИ. По прибытии на место мы увидели такую картину: на обочине стоит автобус ПАЗ, внутри которого полно чеченцев с автоматами – добровольцев в Абхазию. Стекла окон с двух сторон автобуса опущены, откуда виднеются дула автоматов. Вокруг автобуса множество местных

милиционеров, тоже вооруженные. Министр Шогенов объяснил, что вооруженных чеченцев ни при каких условиях не пропустят через Пятигорск и что там может произойти трагедия – вооруженное столкновение. Он предлагал уговорить чеченцев задержаться на ночь в Нальчике, а за это время постараться решить с руководством МВД России вопрос о пропуске чеченцев. Два чеченца с автоматами стояли у входа автобуса и не собирались никого пропускать в салон автобуса. Когда ситуация прояснилась, Мухамадин подошел к автоматчикам и, предъявив свое удостоверение, громко назвал себя и объявил, что хочет поговорить с командиром группы чеченцев. Явно кто-то из чеченцев знал Тумова заочно, и когда его фамилия громко прозвучала, его пропустили во внутрь автобуса. Минут через 15 Мухамадин объявил, что чеченцы согласны остаться на ночь в Нальчике, но обязательно со своим вооружением.

Мы всю группу вооруженных чеченцев привезли в здание, где находился ККН, накормили и разместили на ночь в актовом зале. Жантемир Губачиков пригласил к себе в кабинет командира чеченских добровольцев. Им оказался сам Шамиль Басаев. Но в то время он вне Чечни мало кому был известен.

За чаепитием Басаев рассказал кое-что о себе, в том числе как он воевал на стороне азербайджанцев в Карабахе. Ночью Тумову через Москву удалось решить вопрос пропуска вооруженных чеченцев через Пятигорск, а на следующее утро они уехали.

Еще ранее кто-то из группы кабардинских добровольцев позвонил из Черкесска и сообщил, что местные милиционеры задержали их по пути в Абхазию. Находящийся в этот момент в офисе ККН Тумов сразу позвонил Хасбулатову и возмущенно стал высказывать о том, что МВД РСФСР не выполняет указания Верховного Совета РСФСР и продолжает чинить препятствия северокавказским добровольцам. Я стоял рядом и практически слышал ответные слова Хасбулатова. Оказывается, он набрал по параллельному телефону номер министра МВД РФ Ярина и отчитал его, скажем так, не совсем на литературном языке. После этого случая редко возникали проблемы прохождения добровольцев в Абхазию через перевал.

В изменении позиции Верховного Совета РСФСР в грузино-абхазском конфликте в сторону справедливой оценки ситуации, без всякого сомнения, огромная роль принадлежит депутату Верховного Совета РФ Мухамадину

Тумову. Это при том, что по событиям в Абхазии с середины августа 1992 года абсолютно прогрузинской позиции придерживались Президент Борис Ельцин и некоторые члены российского Правительства. Тем не менее М. Тумову и некоторым его единомышленникам по депутатскому корпусу в результате кропотливой разъяснительной работы среди депутатов, в том числе предоставления в Москву фактической правдивой информации с мест боевых действий в Абхазии, удалось склонить большинство депутатов Верховного Совета РФ на позицию защиты законных интересов подверженного агрессии абхазского народа.

Исключительно сложно переоценить вклад Мухамадина Тумова и Юрия Калмыкова в дело победы абхазского народа над грузинскими агрессорами. Этот факт имеет в историческом плане множество документальных подтверждений. Однако обидно и несправедливо, что деятельность этих замечательных адыгов в дни кризисных абхазских событий нигде и никем не была оценена достойным образом. Это при том, что многие функционеры от власти КБР, не сделавшие и сотой доли той работы, которую делали Тумов и Калмыков, чтобы успешно закончилась борьба абхазского народа за свою независимость, получили высокие награды и лавры. Действительно, несправедливо.

С первых дней грузинской военной агрессии против Абхазии позиции в отношении к грузино-абхазскому конфликту руководства Кабардино-Балкарии (Верховный Совет, Президент и Правительство), с одной стороны, и Конгресса кабардинского народа и «Адыгэ Хасэ», с другой стороны, оказались диаметрально противоположными. ККН и «Адыгэ Хасэ» без всякого раздумья сразу стали на защиту законных интересов братского абхазского народа, а официальные власти КБР оказались на стороне президента Ельцина, т.е., соответственно, заняли четкую прогрузинскую позицию. При встречах с руководством Кабардино-Балкарии лидеры и активисты ККН и «Адыгэ Хасэ» приводили неопровергимые факты профашистского характера действий грузинских оккупантов в Абхазии, которые организовали вооруженный разбой в отношении мирного населения Абхазской республики, не имевшей ни одной роты профессиональных воинов. При очередной встрече Валерий Коков упрекал руководителя Абхазской республики: «Я предупреждал этого молодого человека (Владислава Ардзинбу) о том, что его политика суверенизации республики

добром не кончится». Между тем, как опытному политику, Валерию Кокову должно было известно, что и при СССР, и при новой власти Шеварднадзе маленький абхазский народ был обречен на неминуемую ассимиляцию, т.е. на ликвидацию абхазского этноса.

Руководство КБР затеяло идею заигрывания с милитаристской группой Шеварднадзе в Грузии и тем самым как-то повлиять на события в Абхазии. В целях реализации этой идеи сначала была отправлена в Тбилиси правительственный делегация во главе с Михаилом Мамхеговым. Миссия этой делегации закончилась абсолютно безрезультатно. Мало того, власти КБР решили установить контакт с новоявленным грузинским правительством в Сухуми. Однажды при встрече Хачим Кармоков говорит мне: «Слушай, я только что разговаривал с заместителем председателя Правительства Абхазии. Он сказал, что у них все в порядке». Я спрашиваю Кармокова: «Как фамилия этого твоего собеседника по телефону?» Он отвечает, мол, типа Зугашвили. Дальнейшие уточнения не имели никакого смысла.

Так вот, теперь руководители КБР решили послать правительенную делегацию в Сухуми, к самозваному грузинскому правительству Абхазии. Кашиф Унежев, незадолго до этого избранный тамадой «Адыгэ Хасэ» вместо Заура Налоева, на Совете «Хасэ» заявил, что ему предложили поехать в Сухуми в составе правительенной делегации. Совет категорически запретил Унежеву участвовать в этой позорной для адыгов поездке. Однако он не послушался и отправился в Сухуми к грузинским оккупантам. Эта поездка также никаким образом не повлияла на события в Абхазии. Через несколько дней на совместное заседание исполкома ККН и Совета «Хасэ» явился Кашиф Унежев. Юрий Калмыков, который должен был вести заседание, спросил Унежева: «Кашиф, умыгъуэщауэ пэра уэ? (Кашиф, не заблудился ли ты?)». Унежев молча встал и покинул зал заседания. После этого он никогда не появлялся ни в «Адыгэ Хасэ», ни в ККН.

Руководство Кабардино-Балкарии выступило одним из главных инициаторов по введению на Северном Кавказе Указом Президента России военного положения с целью воспрепятствования уходу молодых добровольцев республик Северного Кавказа в Абхазию.

С самого начала вторжения грузинских гвардейцев на абхазскую территорию в Нальчике в течение нескольких дней продолжались демонстрации, митинги, пикеты большого количества населения республики.

Их специально никто не организовывал, они возникали стихийно, от боли, которую испытывал каждый протестующий за судьбу братского абхазского народа. Естественно, ККН и «Адыгэ Хасэ» были на стороне участников протестных актов. Единственным требованием людей, выходивших в то время на улицу, было то, чтобы руководство КБР отказалось от прогрузинской политики и стало на защиту братьев-абхазцев. Несмотря на то что ход событий в Абхазии с каждым днем подтверждал злодейские, нечеловеческие действия грузинской военщины в Абхазии, власть КБР продолжала придерживаться бесперспективной прогрузинской политики.

Приведу один пример спонтанного возникновения протестных действий, особенно молодых людей, в первые дни грузино-абхазского конфликта. Однажды опять-таки в ККН позвонил кто-то из руководителей МВД КБР и просил срочно прибыть кому-то из руководства ККН к Шалушкинскому мосту у въезда в Нальчик. В здании ККН в это время находились Жантемир Губачиков, Мухамед Шокуев и я. Губачиков и Шокуев быстро выехали туда, а я остался в офисе ККН. Они вернулись примерно через полтора часа. Оказалось, что несколько молодых кабардинцев (водители, грузчики), возмущенных действиями федеральных и республиканских (КБР) властей в поддержку грузинской агрессии в Абхазии, заблокировали проезд по федеральной трассе Ростов-Тбилиси, уложив с помощью автокранов фундаментные блоки на Шалушкинский мост. Тогда еще не было объездной дороги через Чегем I. Конечно, акт был крайне нежелательным и опасным. Его организаторы отказывались подчиняться работникам МВД и препятствовали освобождению трассы.

По прибытии Губачикову и Шокуеву удалось оперативно уговорить устроителей заграждения и организовать освобождение дороги от фундаментных блоков. После освобождения дороги молодые люди тем не менее провели небольшой митинг, где озвучивали причины, вынудившие их пойти на такой отчаянный шаг.

Впоследствии, уже в октябре 1992 года, руководство МВД КБР сфальсифицировало описанный выше эпизод, приписало роль организатора протестного акта на Шалушкинском мосту Ж. Губачикову, и было возбуждено уголовное дело против него.

При ККН и «Адыгэ Хасэ» был создан постоянно действующий штаб помощи абхазскому народу. Действия штаба координировал заместитель

председателя Конгресса кабардинского народа Жантемир Губачиков, который находился в здании ККН не менее 16 – 18 часов в сутки. Штабом были организованы десятки бригад по всей республике по сбору денежных средств в помощь абхазскому народу. Сбор средств носил исключительно добровольный характер. Денежные средства поступали не только от отдельных граждан республики, значительное количество предприятий и организаций также перечисляли на специальный счет для Абхазии немалые суммы денежных средств. Штабом был организован тщательный учет собранных денежных средств, а также контроль за порядком передачи этих средств представителям Абхазской республики.

Сотни молодых кабардинцев по зову сердца, отдавая дань памяти общим братским корням с древних исторических времен адыгского и абхазского народов, стали организовываться в добровольные отряды и, преодолевая всевозможные препятствия, чинимые российскими и местными властями, стали пробиваться в Абхазию, чтобы, влившись в вооруженные силы Абхазии, дать отпор грузинским агрессорам.

Когда этот процесс стал приобретать массовый характер, «Адыгэ Хасэ» и ККН сделали все возможное для того, чтобы придать искреннему желанию кабардинской молодежи организованный характер для оказания помощи братской Абхазии.

В это время кабардинскими общественными организациями, использующими авторитет народных депутатов Верховного Совета РСФСР М.Т. Тумова и Ф. Хараева, была проделана чрезвычайно важная работа по легитимизации института добровольцев в Абхазию в масштабах России.

«Адыгэ Хасэ» и ККН действительно вели учет отправляющихся в Абхазию добровольцев. Но никогда и нигде они не вели агитацию среди кабардинской молодежи с целью поощрения их вступления в добровольцы.

В результате героического сопротивления абхазского народа, неоценимой помощи братских адыгских добровольцев и других жителей Северного Кавказа эйфория победоносного настроения грузинских агрессоров поубавилась.

Уже во второй половине сентября стало очевидным, что события в Абхазии развиваются не по тому сценарию, который был разыгран руководителями России и регионов Северного Кавказа. К этому времени абхазцы уже имели твердое военно-политическое положение, несмотря на

яростное сопротивление определенных политических сил в Северо-Кавказском регионе, в первую очередь в КБР, добровольческие формирования кабардинской молодежи и других отрядов Конфедерации горских народов оказали эффективную военную помощь Абхазии, и абхазский народ был спасен от физического уничтожения. События эти воспринимались народами Северного Кавказа с огромным удовлетворением.

8.6. Арест Юрия Шанибова. Драматические события в КБР с 24 сентября по 4 октября 1992 года, связанные с арестом Юрия Шанибова

Общественно-политическая ситуация в нашем регионе, в том числе и в КБР, стала стабилизироваться.

Однако такой ход событий, когда ККН под руководством Юрия Калмыкова стал играть заметную позитивную роль в общественной жизни республики, ни в коей мере не устраивал определенные круги в Кабардино-Балкарии. Им в этих условиях обязательно необходим был какой-то акт, создать такую ситуацию, чтобы дискредитировать ККН и все кабардинское национальное движение даже ценой серьезной дестабилизации общественно-политической ситуации республики. Таким актом явился арест президента Конфедерации горских народов Кавказа Юрия Шанибова начальником отдела следственного управления Генеральной прокуратуры РФ Савиным 23 сентября 1992 года. Последующие события, связанные с процедурой задержания Шанибова, совершенно ясно подтвердили, что арест был тщательно спланированным, никем не спровоцированным актом. Непосредственный его арест происходил в кабинете министра внутренних дел КБР Х. Шогенова. Конечно, Шогенов не являлся настолько самостоятельным руководителем, чтобы взять на себя такую ответственность, последствия которой имели эффект разорвавшейся бомбы в дестабилизации обстановки в республике. Политическое решение по этому вопросу могло быть принято, без всякого сомнения, только с участием руководства республики.

При встрече с Коковым (в день задержания Шанибова) мы, группа депутатов Верховного Совета (З. Налоев, Б. Тлянчев и М. Хачетлов),

обратили его внимание на то, что, несмотря на неоднозначное отношение различных властных структур и общественных сил к политической позиции Шанибова, его сторонники в нашей республике составляют десятки, а то и более тысяч человек. И что, исходя из подобной ситуации, реакция на его арест может проявиться в форме массового публичного выступления с непредсказуемыми последствиями. С учетом всех этих обстоятельств мы просили В. Кокова и его соответствующих подчиненных, чтобы для начала были предприняты срочные шаги для изменения меры пресечения Шанибову. У нас тогда создалось впечатление, что приведенные нами доводы в ходе беседы озадачили Президента КБР. Во всяком случае, в течение ночи с 23-го по 24 сентября Шогенов (МВД), Новодничий (КГБ), Денисов (Прокуратура) делали какие-то движения, звонили куда-то. Но никакого прояснения ситуации с Шанибовым за ночь не удалось выявить. В конечном итоге мы поняли, что дальнейшая судьба Шанибова уже находится вне зоны влияния властей КБР.

Забегая вперед отмечу, что арест Шанибова являлся не просто уголовно-процессуальным актом, как утверждали некоторые юристы – депутаты Верховного Совета, а прежде всего политическим актом. Об этом однозначно свидетельствует то, что Прокуратуре РФ не удалось разместить Юрия Шанибова в камеру предварительного заключения ни в Пятигорске, ни в Ессентуках, ни в Невинномысске, ни в Ростове-на-Дону.

Ничем не обоснованный арест Юрия Шанибова стал резонансным явлением в широких политических кругах России. Об этом свидетельствуют публичные выступления федерального министра по делам национальностей, а также заместителя Председателя Верховного Совета РФ.

Весть об аресте Шанибова всколыхнула десятки тысяч людей в КБР. Ночью с 23-го на 24 сентября во дворе дома, где жил Шанибов, собралось более тысячи человек. До утра продолжался приезд в Нальчик многочисленных жителей республики. Республиканский митинг начался 24 сентября у Дома Советов. Митингующие требовали от властей объективного объяснения сложившейся ситуации. Однако ни 24-го, ни 25 сентября никто из руководства республики и ее правоохранительных органов не делал попытки начать диалог с митингующими.

В течение трех дней, с 24-го по 26 сентября, в качестве безусловных требований митингующие выдвигали два: а) предоставление информации о

действиях властей республики по освобождению из заключения Шанибова; б) предоставление ККН и «Адыгэ Хасэ» эфирного времени по телевидению для разъяснения их позиции населению республики в связи с арестом Шанибова.

Какие-либо вопросы, связанные со статусом действующей власти в КБР (Президента, Верховного Совета, правительства), в те дни участниками митинга, руководителями ККН и «Адыгэ Хасэ» ни в какой форме на митинге или во встречах с представителями власти затронуты не были. Они требовали только одного – решить проблему Шанибова.

Однако позиция руководителей республики (Кокова и Кармокова) и ими уполномоченных лиц при встрече с нами в течение времени становилась все жестче. Чувствовалось, что власть готовит еще какой-то провокационный акт.

И действительно, 26 сентября, вечером, в пикетирующую группу людей у здания республиканского телевидения на огромной скорости врываются два бронетранспортера, они маневрируют среди толпы, совершают беспорядочные движения, делают попытки наезда на людей, беспрерывно стреляют холостыми патронами из пулеметов. Возможные трагические последствия этой откровенной провокации удалось избежать исключительно благодаря холодной выдержке и решительным действиям группы активистов ККН и «Адыгэ Хасэ» во главе с Валерием Хатажуковым, а также активному вмешательству в происходящее подоспевших к месту провокации Юрия Калмыкова и Заура Налоева. К изложенному могу добавить то, что высказанное происходило на моих глазах.

Безусловно, решение разогнать пикетчиков с помощью бронетранспортеров с угрозой для жизни людей никак не могло быть принято какими-то командирами подразделений внутренних войск МВД России. Подобное решение в то время могло быть принято на самом высоком уровне руководства КБР. Сначала нам казалось, что произошло какое-то случайное чудовищное недоразумение. Но, как стало очевидным, этот провокационный акт являлся звеном цепи продуманных действий руководства республики, направленных на подавление с помощью военной силы массовых мирных акций жителей КБР в защиту Шанибова.

В тот же вечер я и Калмыков встретились с Коковым в его кабинете. Разговор вначале был достаточно жестким. Тем не менее Коков дал слово

Калмыкову, что утром ему будет предоставлена возможность выступить по республиканскому телевидению. Я настаивал на том, чтобы выступление Калмыкова состоялось уже в тот же вечер. У меня было какое-то ощущение, что может свершиться банальный обман.

Так оно и получилось – никто не собирался давать телевизионное эфирное время для выступления Юрия Калмыкова перед жителями республики. В процессе нашего разговора с В. Коковым вечером 26 сентября проект Указа о введении чрезвычайного положения в г. Нальчике с 6 часов утра 27 сентября уже лежал в папке на его столе.

Утром 27 сентября жители г. Нальчика увидели картину никому не понятного военного положения: на улицах вооруженные пикеты, повальный досмотр транспорта, квартал перед Домом Советов был оцеплен многочисленными военными, экипированными дубинками и щитами.

Несмотря на введенное в Нальчике чрезвычайное положение, 27 сентября утром вокруг площади у Дома Советов собирались тысячи жителей республики, выражая протест против ввода чрезвычайного положения в г. Нальчике, требуя предоставления возможности продолжения республиканского митинга на окружённой войсками площади.

Против мирно собравшихся людей в ход были пущены взрывпакеты со слезоточивым газом. Доведенные до отчаяния молодые люди из собравшихся в это время прорывают военизированный кордон, и толпы людей появляются на площади. Неожиданно по безоружным людям открывается огонь из окон Дома Советов. В ходе этого обстрела людей на площади смертельно была ранена гражданка Апикова. Удивляет тот факт, что, выступая в тот же вечер по телевидению, Президент Коков попытался предрешить исход будущего следствия по убийству гражданки Апиковой, утверждая, что она убита выстрелом из толпы. И это тогда, когда ни в этот день, ни в предыдущие, ни в последующие дни работники милиции не обнаружили среди митингующих ни одного вооруженного человека.

Впоследствии лица, действовавшие от имени руководства республики, стремились убедить всех и вся в том, что прорвавшие военное оцепление площади молодые люди попытались ворваться в здание Дома Советов. Как человек, оказавшийся в первые минуты после рассеивания военизированного кордона на площади на ступеньках у входа в Дом Советов, могу засвидетельствовать, что ни один человек из вновь собравшихся у входа

Дома Советов не приблизился к дверям здания, ведь такая попытка была бы подобна самоубийству. Не приходилось сомневаться в решительных действиях десятков до зубов вооруженных омоновцев, находившихся в фойе здания, если бы кто-то попытался силой войти внутрь.

Примерно в 13 часов на площади возобновился митинг жителей республики, требующих от властей каких-то мер по освобождению Шанибова.

Около 15 часов 27 сентября начались новые встречи руководства ККН и «Адыгэ Хасэ» с руководителями республики. В них участвовали также несколько генералов внутренних войск МВД РФ. Встреч было немало. Практически в каждой я тоже принимал участие. Как всегда, переговоры были непростыми. Власть требовала распустить митинг, не предпринимая никаких шагов со своей стороны для устранения причин его организации. Тем не менее после полуночи 28 сентября в переговорах с участием Ю. Калмыкова и З. Налоева, с одной стороны, Президента В. Кокова и Председателя Верховного Совета Х. Кармокова – с другой, была достигнута договоренность следующего характера:

1. Руководством республики приостанавливается действие чрезвычайного положения, введенного с утра 27 сентября в г. Нальчике.
2. Руководством республики предпринимаются действия с целью изменения меры пресечения Ю. Шанибова.
3. Военизированные формирования, дополнительно введенные в республику, выводятся из КБР в течение месяца.
4. Представителям ККН предоставляется эфирное время на телевидении не реже одного раза в неделю.

Впоследствии ни один из этих пунктов не был выполнен. Условия чрезвычайного положения в г. Нальчике из-за активного сопротивления большого количества населения республики просто перестали иметь место в действительной жизни, власть официально его не отменяла. Шанибова никто не освобождал – он сбежал из заключения.

Легковесное отношение руководства республики к выполнению взятых на себя обязательств породило дальнейшее усиление напряженности среди митингующих.

Руководители ККН и «Адыгэ Хасэ» вынуждены были вновь и вновь призывать руководство республики найти компромиссное решение

сложившейся в республике общественно-политической ситуации.

Известно, что с целью координации действий всех подразделений внутренних войск МВД РФ, как ранее дислоцированных на территории КБР, так и дополнительно сюда введенных по настоянию республиканского руководства, в те дни в г. Нальчике находился командующий Северо-Кавказскими частями внутренних войск МВД России генерал Куликов. С ним несколько раз встречались Ю. Калмыков, З. Налоев и М. Тумов. Куликов настоятельно требовал, чтобы республиканский митинг был оперативнозакрыт. Он не скрывал, что по убедительной просьбе республиканского руководства он получил от своего начальства в Москве указание действовать против митингующих решительно.

Я как личный свидетель бесед с генералом в те дни могу ответственно заверить, что только благодаря мудрости, терпению и умению находить аргументированные доводы, глубокой ответственности за жизнь людей, находящихся на площади, проявленным Юрием Калмыковым, Зауром Налоевым и депутатом Верховного Совета РСФСР Мухамадином Тумовым, удалось избежать трагического исхода драматических событий в г. Нальчике в конце сентября – начале октября 1992 года. Любые другие толкования причин отсутствия жертв в конце этих событий являются злонамеренным искажением исторической правды.

В результате ряда взаимных уступок между председателем ККН Юрием Калмыковым и Президентом Валерием Коковым было подписано совместное обращение к митингующим. В обращении содержались соответствующие договоренности по обеспечению выполнения ряда требований митингующих. После оглашения указанного обращения митинг наконец удалось распустить.

Однако никто во властных структурах не собирался выполнять требования митингующих в соответствии с взаимно подписанными договоренностями.

Более того, в республике была развернута широкомасштабная кампания с целью дискредитации деятельности ККН в массах населения республики, в ходе которой власть не чуралась непорядочных приемов, таких, например, как ничем не прикрытая разнузданная клевета на цели и задачи митинга, посвященного освобождению Ю. Шанибова. В чем только не обвиняли Конгресс на специально для этих целей созванной чрезвычайной

сессии Верховного Совета 9 октября 1992 года – в антиконституционной деятельности, в стремлении захвата власти, в наличии в его подразделениях «военной структуры, штабов, различных военных отделов» и т.д. и т.п. Шквал обвинений был обрушен средствами массовой информации республики в адрес ККН и «Адыгэ Хасэ».

На чрезвычайной сессии Верховного Совета в нарушение естественных, простых норм законодательства принимается постановление, смысл которого является исключительной прерогативой судебных органов: «Признать деятельность исполкома и руководства ККН антиконституционной». Прокурор республики Денисов обращается в Верховный Суд КБР с иском о признании деятельности ККН нелегитимной. Верховный Суд республики определением от 30 октября и 25 ноября 1992 года отказывает в иске о прекращении деятельности Конгресса кабардинского народа. Но власть в своем стремлении во что бы то ни стало ликвидировать ККН не может остановиться. Она идет дальше – через Генеральную прокуратуру обращается в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой на определение Верховного Суда КБР от 25 ноября 1992 года.

Верховный Суд РФ на своем заседании от 13 февраля 1993 года, в котором в качестве представителей ККН присутствовали М. Тумов, Ж. Губачиков, М. Хачетлов, оставляет в силе определение Верховного Суда КБР по данному вопросу.

Считаю необходимым отметить также, что сложные общественно-политические события в КБР осенью 1992 года не остались без внимания высших органов власти РФ. В начале ноября 1992 года в нашей республике работала комиссия Комитета по правам человека Верховного Совета РФ в составе народных депутатов РФ А. А. Мостового, А. Е. Шабада и других.

Я не буду приводить все содержание составленной указанной комиссией справки. Но отмечу два важных момента из выводов комиссии:

1. «Обратиться в Прокуратуру Российской Федерации с предложением возбудить уголовные дела по факту ненадлежащего применения оружия (в ходе тех событий), приведшего к жертвам 27 сентября 1992 года в г. Нальчике, и факту вооружения органами МВД КБР лиц, не имеющих право на ношение оружия».

2. «Данные предварительного следствия по делу об убийстве М. Апиковой и ранения других лиц, результаты осмотра места события

позволяют считать (так же как и убийство собаки на площади), что они были поражены выстрелами из здания Дома Советов. Из 280 стволов калибра 5,45 (деформированная пуля именно этого калибра была извлечена из черепа М. Апиковой), имевшихся, по оценкам следствия, в здании Дома Советов, ни один пока не исследован на предмет того, могла ли быть из него выпущена пуля (не разрешили), причинившая смерть М. Апиковой. Имеются свидетельские показания о присутствии в здании Дома Советов вооруженных лиц и о прибытии в здание заранее вооруженных гражданских лиц. Пока не установлен и не допрошен ни один из тех, кто вел огонь из здания. По сообщению министра внутренних дел КБР Х. Шогенова, до прибытия достаточного количества сил ОМОН и внутренних войск МВД РФ в период до 27 сентября несколько раз по распоряжению Президента КБР В. М. Кокова органами МВД было выдано оружие (автоматы) в количестве порядка 40 стволов из резерва МВД гражданским лицам. Имеются свидетельские показания о присутствии в здании вооруженных гражданских лиц, имея в виду, что следует признать отсутствие правовых оснований для вооружения этих лиц. Можно предположить, что рикошетирование пуль в толпу на площади явилось следствием того, что стреляли неподготовленные лица. По этому поводу необходимо дополнительное расследование». Конец цитаты.

Острые, напряженные события в КБР осенью 1992 года, вызванные ничем не обоснованным арестом Юрия Шанибова, совершенным Генеральной прокуратурой РФ с одобрения руководством республики, характеризуются и другими важными драматическими моментами. Однако полагаю, что вышеприведенные эпизоды достаточно убедительно раскрывают правдивую суть действий в то время как Конгресса кабардинского народа и «Адыгэ Хасэ», с одной стороны, так и высших властных структур КБР – с другой.

Здесь следует особо подчеркнуть, что с самого начала событий тех времен требования широкой общественности, в том числе ККН и «Адыгэ Хасэ», заключались в необходимости искоренения в деятельности республиканских властей грубых нарушений законодательства Российской Федерации, основными из которых являлись:

- незаконный арест Юрия Шанибова;
- незаконное введение в г. Нальчике с 27 сентября 1992 года

чрезвычайного положения;

- незаконный ввод на территорию КБР неадекватных ситуаций крупных сил внутренних войск МВД РФ;
- отсутствие факта привлечения к соответствующей ответственности лиц, по чьей вине был открыт огонь по мирной толпе граждан на площади перед Домом Советов, вследствие чего была убита гражданка М. Апикова;
- запрет на предоставление эфирного времени по республиканскому телевидению руководству ККН.

Как видно, вопрос о смене республиканских органов власти в протестных требованиях общественности осенью 1992 года отсутствовал.

Какие выводы следуют из всего отмеченного. Во-первых, без всякого сомнения, арест Шанибова был тщательно спланированным провокационным актом властей республики. В условиях все нарастающей поддержки Конгрессом кабардинского народа и «Адыгэ Хасэ» справедливой борьбы братского абхазского народа против грузинских поработителей и последовавшего за этим роста авторитета общественных объединений среди населения республики высшие структуры власти КБР решили во что бы то ни стало не допустить дальнейшего повышения роли ККН и «Адыгэ Хасэ» в общественной жизни КБР, чтобы во всех сферах жизнедеятельности КБР не было никакого инакомыслия.

Во-вторых, для достижения поставленной цели власть была готова пойти на крайние меры, подобные тем трагическим событиям, какие имели место в Баку, Тбилиси, Вильнюсе в разгар перестроечных времен в Советском Союзе.

О жестких намерениях республиканских властей недвусмысленно свидетельствуют шокирующие факты применения бронетранспортеров против мирно пикетирующей группы людей 26 сентября, открытие огня 27 сентября против невооруженных людей, устремившихся к площади у Дома Советов с целью продолжения работы республиканского митинга, убийство выстрелом из окон Дома Советов гражданки Апиковой, наконец, факты незаконного вооружения гражданских лиц и сосредоточение их в здании Дома Советов.

В-третьих, какие бы усилия ни прилагали руководящие власти республики с целью очернить деятельность Конгресса кабардинского народа и в конечном итоге добиться прекращения его деятельности на территории

КБР, подобные намерения оказались тщетными и неисполнимыми из-за отсутствия соответствующих оснований. Неопровергимым подтверждением сказанного является определение Верховного Суда КБР от 25 ноября 1992 года, подтвержденное решением высшего судебного органа Российской Федерации от 13 февраля 1993 года.

В-четвертых, только благодаря решительным, настойчивым, но тщательно продуманным действиям исполнительных органов ККН и «Адыгэ Хасэ» во главе с мудрейшими Юрием Калмыковым и Зауром Налоевым события в Нальчике осенью 1992 года имели мирный, а не трагический исход.

8.7. Политическая ситуация в КБР после завершения республиканского митинга. Десятая чрезвычайная сессия Верховного Совета республики.

Репрессивные действия властей КБР против ККН. Верховный Совет РФ и общественность республики

о событиях в КБР в период республиканского митинга

9 октября 1992 года по решению Президиума Верховного Совета собралась десятая чрезвычайная сессия Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики с повесткой дня – «Об общественно-политической ситуации в КБР».

Безусловно, главным инициатором созыва являлось руководство республики во главе с Президентом Коковым. За время, прошедшее со дня закрытия республиканского митинга (4 октября 1992 года), не приходилось сомневаться в том, что аппараты Президента, Верховного Совета и Правительства республики тщательно готовили материалы сессии Верховного Совета с тем, чтобы по ее итогам ни у кого в республике не оставалось каких-либо сомнений, что главная ответственность за политическую дестабилизацию в Кабардино-Балкарии в конце сентября в начале октября 1992 года целиком и полностью ложится на Конгресс кабардинского народа.

С докладом по повестке дня на сессии Верховного Совета выступил Президент КБР Валерий Коков. Ожидаемо вся идеология доклада Кокова базировалась на стремлении во что бы то ни стало приписать Конгрессу кабардинского народа заранее «подготовленный план» развала Кабардино-Балкарии, отделения ее от РСФСР и образования какого-то националистического (исламского) государства на Северном Кавказе.

С самого начала своего выступления Коков попытался вылить ушат грязи на головы лидеров ККН и некоторых активистов республиканского митинга перед депутатским корпусом Верховного Совета. Причем чем резче и больше нереальных, недействительных, неправдоподобных событий в дни республиканского протестного митинга в связи с незаконным арестом Ю. Шанибова, без привидения каких-либо доказательств, приписывалось ККН, тем скорее, как казалось докладчику, общественность республики поверит ему на слово.

Ниже приводятся основные тезисы доклада Кокова.

«...Что готовилось нашим людям претендующими на роль выразителей интересов народа и называемыми себя демократическим движением... эти действия, скромно называемые митингом, останутся в истории республики как самые драматичные, едва не стоившие народу развала республики, потери государственности, открытой гражданской войны, кровавого террора и разгула мафиозных классов.

...Узнает общественность не только об арсеналах современного стрелкового оружия, но и о наступательном противотанковом оружии ... о террористических группах по физическому уничтожению руководителей республики... Узнает общественность, что митинг и связанные с ним события не были стихийными, что мы имели дело с тщательно спланированным и подготовленным насильственным переворотом...Узнает общественность и о том, кто является организатором этих преступных акций...». Далее еще более экзотический вывод: «...Уже сегодня очевидно: противостояние, прикрываемое красивыми лозунгами...оказалось на самом деле глубоко осмысленной политической борьбой, борьбой за власть, а в конечном итоге за коренной поворот политики республики силой оружия к созданию самостоятельного исламского государства под знаменем Конфедерации горских народов».

Вот такую характеристику дал Коков участникам тридцатисячного

митинга, собравшегося в знак протesta против незаконного ареста первого заместителя председателя Конгресса кабардинского народа Ю. Шанибова: «...Кроме известной всей республике части руководства ККН, за ними стоят и другие лица, дожинаясь своего часа, делая ставки на алкоголиков, наркоманов, на ломпенизированные и уголовные элементы (которые, по существу, были решающей силой в акциях), здесь было задействовано немало одурманенных националистическим угаром нетерпеливых людей...».

Мы ниже приведем убедительные доводы того, что из множества сенсационных «преступных свершений участниками республиканского митинга», с которыми вначале Коков обещал ознакомить общественность республики, по тексту доклада ему не удалось доказать ни одно из них.

Известно, Конгресс кабардинского народа (ККН) был создан съездом кабардинского народа 10 января 1992 года при активном участии в его работе Президента республики Кокова и других руководителей КБР. Подобное решение кабардинский съезд вынужден был принять в ответ на провозглашение Декларации о суверенитете Республики Балкария вне КБР. Съездом кабардинского народа на ККН была возложена обязанность реализации процесса восстановления Кабардинской республики в статусе 1922 года. Решения съездов балкарского и кабардинского народов было поддержано соответствующими постановлениями высшего органа власти республики – Верховным Советом.

ККН, таким образом, не являлся инициатором размежевания Кабарды и Балкарии. Он был создан вынужденно, исключительно в ответ на создание Национального совета балкарского народа и работал в рамках решений съезда кабардинского народа и Верховного Совета КБР.

Ни Коков, ни кто-нибудь из руководства КБР не сможет, исходя почти из каждодневных совместных обсуждений путей выхода из политического кризиса в республике, связанного с арестом Юрия Шанибова, при встречах с Калмыковым, Налоевым и другими их соратниками, отметить, что действия и требования республиканского митинга выходили за рамки требований по освобождению Шанибова. Резолюции по всем официально принимаемым митингом решениям документировались соответствующим образом, и они сохранились. Никто из сторонников Шанибова в республике в этот период времени не поднимал вопрос о самоопределении Кабарды. Что касается разгула мафии в республике, думаю, что ни один здравомыслящий человек в

Кабардино-Балкарии даже в мыслях не допустит возможности отнесения к такой категории, как мафия, ныне покойных великих адыгов Заура Налоева и Юрия Калмыкова.

Об арсенале оружия. Еще на сессиях Верховного Совета КБР в ноябре 1991 года тамада «Адыгэ Хасэ» Заур Налоев на основании многих неофициальных источников информации предупреждал, что в нашу республику из соседних районов, в первую очередь из Чечни и Грузии, доставляется оружие. Им владеют и казачество, и балкарцы, и кабардинцы. Министры МВД и КГБ Шогенов, и Новодничий не отрицали, что такой факт имеет место в республике, и заверили, что примут необходимые меры. Но ни осенью 1991 года, ни за все первое полугодие 1992 года силовые структуры никак не обозначали своей борьбы против распространения оружия среди населения КБР.

Со времени начала грузинской агрессии против Абхазии и начала добровольческих формирований в северокавказских республиках движение оружия на Северном Кавказе, естественно, оживилось. Но приобретением оружия для добровольцев, тем более для участников митинга Конгресс кабардинского народа категорически не занимался. Это было одним из главных его принципов действия. В то же время, по всей вероятности, в дни событий в Абхазии, соответственно, и в дни проведения республиканского митинга МВД республики активизировало работу по обнаружению подпольного оружия у ряда людей, в том числе и по факту обнаружения 15 автоматов, озвученном министром МВД Шогеновым. Но участники митинга к этим 15 автоматам никакого отношения не имели. За десять дней функционирования республиканского митинга не было ни одного случая, чтобы работники МВД привлекли представителей ККН к процедуре изъятия какого-либо оружия. Ни Коков, ни Шогенов таких примеров не приводили и не могли привести.

Но они оба промолчали о том, что в дни проведения митинга, начиная с 25 сентября, из членов аппаратов Президента, Правительства, включая почти всех министров Правительства и некоторых депутатов Верховного Совета, был создан незаконно вооруженный боевыми автоматами отряд. Я не перечисляю их фамилии исключительно из уважения их родственников и близких друзей. Их количество, по данным комиссии Верховного Совета РСФСР, превышало более 40. К ним следует присовокупить десятки уже

тогда так называемых бизнесменов, которые пришли с оружием в руках в Дом Советов в помощь своему шефу – Президенту. Это все, помимо того, что все здание Дома Советов было напичкано сотнями до зубов вооруженных военнослужащих внутренних войск МВД. Против кого был мобилизован этот громадный военизированный гарнизон в здании Дома Советов КБР? По чьей просьбе в Кабардино-Балкарию были введены крупные силы внутренних войск МВД РФ во главе с генералом Куликовым? Кто каждый день требовал от Куликова силой оружия разгонять мирный митинг? Кто в течение нескольких вечеров уговаривал генерала не применять в очередную ночь оружия против участников митинга? На все эти вопросы отсутствовали ответы в докладе Кокова. Так кто же создавал огромную опасность для возникновения гражданской войны? Уверен, что читатель сделает правильный вывод.

Коков обещал персонально представить общественности республики организаторов республиканского митинга. Если он имел в виду Налоева, Калмыкова, Губачикова, Хачетлова, Шокуева и других наших единомышленников по ККН, то мы нигде и никогда не прятались, каждый из нас почти каждый день участвовал в довольно жесткой полемике с руководством республики по проблеме выхода из политического кризиса. Наша позиция была четко ясна – необходимо освободить Юрия Шанибова из-под ареста. А власть без всяких компромиссов требовала роспуска митинга.

В. Коков и его соратники на сессии Верховного Совета утверждали, что митинг был заранее запланирован, что являлось сущей неправдой, если не сказать грубее.

В подавляющем большинстве, как я помню, митинги в 1990-е годы в Кабардино-Балкарии возникали спонтанно, стихийно. Сначала собирается несколько человек, потом к ним присоединяются другие, кому была интересна тема митинга. Это – кто бы что бы ни утверждал иное – непреложный факт.

Когда вечером 23 сентября Налоев, Тлянчев и я встретились с Коковым, я сказал ему, что как бы к Шанибову ни относились органы власти и некоторые общественные организации, объективно в республике Шанибов настолько популярный общественный деятель, что последствия его ареста могут оказаться совершенно непредсказуемыми. Выслушав меня, Коков

несколько задумался, сделал движение двумя пальцами в сторону своих бровей и сказал: «Знаешь, Муазин, судьба Шанибова меня настолько не интересует (имеется в виду один волос из бровей), но сказанное тобой, видимо, очень серьезно. И это меня озадачивает, поэтому я сделаю все возможное, чтобы изменить характер задержания Шанибова». Как в ту ночь велась деятельность по выяснению судьбы Шанибова, я выше отмечал. При выходе из кабинета Кокова в тот вечер уже в его приемной мы узнали, что во дворе дома, где живет Шанибов, собирается множество людей.

Было это после 19 часов. На следующий день утром на площади перед Домом Советов собирались тысячи людей. Никто их специально не собирал.

Конечно, процесс прохождения любого митинга представляет собой непростую процедуру. Естественно, функционирование собравшегося 24 сентября у Дома Советов митинга требовало определенного упорядочения. И эту обязанность взяли на себя активисты ККН и «Адыгэ Хасэ». В течение дня на митинге у микрофона выступали десятки людей. Подавляющее большинство из них выражали возмущение по поводу ареста Шанибова и требовали его освобождения. Никто из активистов ККН не мог заниматься редактированием содержания выступлений. Да никто бы на это не согласился. В микрофон озвучивались разные мнения, идеи, предложения, требования. Не обходилось и без резких экстремистских выступлений. Но, когда на митинге обсуждалась конкретная резолюция, которая документально подлежала предъявлению руководству республики, ни разу не допускалось такого случая, чтобы в этих резолюциях содержались какие-то антиконституционные требования. Полные тексты первой и второй резолюции, принятые митингом, приведены выше.

Для чего понадобились В. Кокову измышления о террористических группах по физической ликвидации руководителей республики? Думается, этим вымыслам никто даже из депутатов не поверил. Они ведь были свидетелями того, в каком в военном отношении укрепленном бастионе в дни проведения митинга находилось руководство республики.

Ни в одном решении ККН, ни в одной резолюции митинга не содержалось требование об изменении структуры власти. Это во-первых. Во-вторых, ни в одном выступлении участников митинга, а тем более в официальных документах ККН и «Адыгэ Хасэ», никто не сможет обнаружить какой-либо связи программных целей ККН и «Адыгэ Хасэ», а

также действий участников митинга, требующих освобождения Шанибова, с идеей исламизации Кабардино-Балкарии. Все эти изощренные домыслы были включены в доклад Кокова с единственной целью – любыми способами создать в республике условия нетерпимого отношения к Конгрессу кабардинского народа.

Выступавшие на десятой чрезвычайной сессии идеологические единомышленники Президента Кокова: министр МВД Х. Шогенов, прокурор республики Э. Денисов, депутаты Ю. Маиров, А. Самойленко, Х. Шетов, М. Махометханов и другие – в один голос поддержали идею из доклада Кокова об абсолютном непринятии власть имущими деятельности ККН в любой форме.

На сессии с принципиальных позиций выступили народный депутат РСФСР Феликс Хараев, тамада «Адыгэ Хасэ», депутат Верховного Совета республики Заур Налоев, а также автор этих строк. Ниже приводятся тексты этих выступлений.

З.М.Налоев: Уважаемые товарищи депутаты! Я очень сожалею, что выступавший здесь лидер Демократической партии не является депутатом нашего Верховного Совета. Сколько вот таких мыслящих людей осталось за пределами нашего Парламента? Это обстоятельство сделает наш Верховный Совет далеко не самым высоким по своему уровню работы.

У меня сложилось такое впечатление, что есть силы, которым очень хочется сделать Конгресс «козлом отпущения». Все беды, в которых виноваты и Конгресс, и не Конгресс, и мы с вами, и другие структуры, сразу ваются на Конгресс. И ужасно хочется министру внутренних дел, чтобы все его недоработки навалились на Конгресс. Я думаю, что это не наш путь, который должен был избрать Верховный Совет. Здесь очень мало анализа событий, анализа причин и путей урегулирования.

Я должен отметить, что доклад товарища Президента отличался аналитичностью и со многими идеями я целиком согласен. Но и там содержались такие идеи, которые мне не кажутся самыми высокими истинами.

Другие выступления похожи на митинговые выступления, не хватает только свиста. Всегда у нас не хватает аналитического уровня.

Хочу сказать, что всякий раз, когда в республике или в регионе возникали крупные политические проблемы, мы приходили или к

Председателю Верховного Совета, или потом к Президенту со своей программой сотрудничества...все-таки определенное понимание встречали.

Напомню, что сразу же по возникновении «Адыгэ Хасэ» и обком партии, и Правительство оказались противопоставленными этой организации. Как только нас не называли! Чуть ли не фашистами. Между тем мы не предпринимали никаких акций и не выдвигали никаких идей, которые могли дестабилизировать обстановку. Речь шла только о защите мира в нашей республике. Вы помните, наш митинг по недопущению межнациональных конфликтов тоже был несанкционированным, однако на следующий день, когда разговор состоялся в Исполкоме, пустили слух, что «Хасэ» собирается устроить русский погром и балкарскую резню. Были такие люди, которые поверили в это, но большая часть населения в это не поверила, они увидели, что речь идет совсем о другом. Тоже самое было, когда мы поднимали вопросы национального языка, национальной истории, этикетной культуры и прочее. Все время было противостояние, почему-то именно против кабардинских общественных организаций идет все время борьба. Чем же это объяснить?

И сейчас этот Конгресс оказался в очень невыгодном положении: мой любимый председатель моей любимой постоянной комиссии говорит, что они хотели захватить власть. Почему вы не проанализируйте, что случилось? А случилось то, что один господин вынес на обсуждение проект постановления, который содержал идею захвата власти, и этот проект был отвергнут подавляющим большинством и Конгресса, и съезда. И у вас были все основания сказать, что и Конгресс, и съезд оказались на высоте.

Сразу же после этого мы здесь с вами, не я, а вы принимаете политическое заявление, не основанное на логическом анализе случившегося. Я сразу понял: идет борьба за ликвидацию оппозиции. Работа без оппозиции – это наследие КПСС, той самой структуры единовластия, которая привела к гибели этой партии и поставила нашу страну на край пропасти. Вы почему это не вспомните?!

Когда Аллах еще не создал человека, он правил миром один, но когда он создал первого человека, он одновременно создал и оппозицию в лице сатаны. Конгресс не сатана. Но Конгресс, «Адыгэ Хасэ» и другие ... партии, общественные организации – это в комплексе оппозиция. И без этой оппозиции нынешняя власть непременно придет тоже к кризису, страшному

кризису. Поэтому, я считаю, сейчас главное – найти такой пятак в наших отношениях, который мог бы нас поставить рядом для обсуждения наших проблем, для анализа наших проблем. Если мы этого не сделаем, дальше будет хуже. И правильно предсказывает Бакиев. Потому что экономическое развитие, социальное развитие, нравственное развитие нашей республики идет именно в сторону кризиса. Еще в первом своем выступлении здесь, в Верховном Совете, я предупреждал о том, что рынок нас ведет к росту преступности, к осложнению всех политических, экономических, социальных отношений, что нам надо сейчас принимать какие-то меры против всего этого. Мы почти ничего не сделали.

Мы не умеем смотреть вперед, не умеем предвидеть, а потом, когда что-то происходит, пытаемся вину возложить на кого-то. Я думаю, что это плохо, независимо от того, кто это делает, будь это «Хасэ», Конгресс, Демократическая партия или Правительство. Необходимо, чтобы Правительство осознало, что оно больше, по крайней мере не меньше, чем все остальные структуры, должно быть заинтересовано в таком сотрудничестве, чтобы мы могли сообща и проанализировать, и наметить пути, и сотрудничать. Я думаю, что отказ Правительства от этого всякий раз приводит к кризисам и всякий раз, когда Правительство идет на такое сотрудничество, получаются прекрасные результаты.

Напомню вам, товарищи, когда мы подняли вопрос о том, что надо отметить День памяти жертв Кавказской войны и насилиственного изгнания адыгов, нас также пугали бронетранспортерами и автоматчиками. А сейчас вы приняли решение о том, что этот день нерабочий и что его надо отмечать, и государство это исполняет. Вот вам наглядный пример того, что сотрудничество приводит к очень хорошим результатам.

Я хотел бы призвать вас, уважаемый Президент, уважаемый Председатель Верховного Совета, и вас, дорогие товарищи, к этому сотрудничеству, если мы этого не сделаем, я думаю, что кулаками мало кого можно запугать. Не надо это...

Хотел бы остановиться, если позволите, на проблеме оружия. Считаю, что это сейчас такая же, очень важная проблема, как и политическое противостояние. Они взаимосвязаны, но проблема оружия появилась гораздо раньше возникновения противостояния. Почему-то ни Министерство внутренних дел, ни само Верховное Правительство не обращали на это

внимания. И почему все время, когда речь идет о вооружении, треплют нервы Конгрессу, треплют нервы «Адыгэ Хасэ» и лидерам этих движений?

Вы не правы, товарищ Президент, вы не правы, дорогой товарищ Верховный Совет, потому что оружие не только у кабардинцев, оружие есть и у балкарцев, все это прекрасно знаете, оружие есть и у казаков, вы это прекрасно знаете. Почему вы думаете, что кабардинское оружие будет убивать лучше, чем оружие других людей?

Вот здесь сидит мой друг, тоже атаман вроде меня. У нас с ним были прекрасные взаимоотношения, надеюсь, и сейчас останутся. Мы договорились: лучше острое слово, чем острое оружие.

Я хотел бы, чтобы вот это бряцание оружием прекратилось. И это прекратится не тогда, когда у кабардинцев будет изъято все вооружение (да будет оно изъято), но только тогда, когда в республике не останется оружия у населения, кроме охотничьих ружей. Даже при этом решить проблему разоружения в пределах Кабардино-Балкарии нельзя. Это проблема не только кавказская, это проблема – общероссийская.

Почему вы, дорогие наши руководители, дорогие депутаты, когда поднимаете этот вопрос, забываете о том, что оружие продает Россия, а не Кабарда и не Конгресс? Почему вы забываете, что решить такую проблему, как разоружение, нельзя вне российского контекста. Вот и давайте мы поработаем над тем, чтобы Россия приняла Закон, не допускающий продажи танков, автоматов и прочего вооружения, чтобы следующим шагом разоружения охватить территорию от Аляски до каких угодно районов страны. Вот это будет действительно решением вопроса. А пока мы с вами здесь будем бороться против вооружения Конгресса, кстати, Конгресс всегда выступал против вооружения, ничего у нас не получится.

Давайте все же проведем эту систему не на уровне митинга, а на уровне интеллектуального анализа, как и подобает Верховному Совету, если мы с вами действительно болеем душой за дело, давайте его анализировать и находить пути.

Я думаю, что первым шагом должен быть шаг переговоров, обсуждения создавшейся ситуации между Конгрессом кабардинского народа и «Адыгэ Хасэ», с одной стороны, Президентом и руководством Верховного Совета, с другой.

И последнее. На чьей совести информационная блокада, товарищи

депутаты? Вот если бы у меня было телевидение, представил бы всем общественным организациям и властным структурам, чтобы они тоже могли пользоваться этим благом на благо народа, а не во вред. Односторонняя информация – это всегда ложь. Да упасет нас Бог от той лжи, во всех религиях она считается одним из тяжких грехов.

Ф.А.Хараев:Уважаемые депутаты! Мы, народные депутаты Российской Федерации, приняли участие в работе заседания исполкома Конгресса кабардинского народа, в переговорах его руководителей с Президентом. У нас было и остается единое мнение относительно разрешения конфликтов мирным путем, политическими и конституционными методами. Я не приемлю другой позиции, кто бы что бы ни говорил на этот счет, но, к сожалению, наша республика обрастает свободой слухов. В этом, наверное, заинтересованы определенные силы. Анализ происходящего говорит о том, что такие силы есть, и надо их найти, но опять-таки надо парламентским способом это делать. Я сошлюсь только на несколько фактов.

Это выдержки из выступлений на офицерском собрании МВД подполковника милиции Дзагоева: «Мы знаем людей, которые активно помогают преступникам. На складах ТПО «Каббалкавтотранс» и подсобного хозяйства «Телемеханика» нами обнаружено большое количество военного обмундирования, в которые уже одеты боевики ККН, там же заготовлено два вагона хирургических материалов для использования в военных условиях».

Думаю, комментарии здесь излишни. Далее: «Объединение «Каббалкавтотранс» снабжает боевиков ККН автобусами».

Реплика министра внутренних дел: «Товарищи, у меня есть предложение в связи с высказыванием Дзагоева об автотранспортном управлении.

Управление прямо вышло из подчинения Правительства, способствует только дестабилизации обстановки в республике, поэтому у меня на сегодня есть предложение – от имени МВД республики, от имени нашего собрания заявить о том, чтобы немедленно отстранили от занимаемых должностей всех руководителей, замешанных в этом. Уговоры на них не действуют. Если не будут отстранены от занимаемых должностей все руководители, способствующие дестабилизации обстановки в республике, имеется в виду автотранспортное управление, немедленно прекратить движение всех автобусов». Эти слова в газетном изложении обретают совершенно иное

звучание, а те, кто заинтересован в обострении обстановки, вкладывают в него другой смысл.

«Кабардино-Балкарская правда» пишет, что за эти дни обнаружено на различных складах много военного обмундирования, принадлежащего неизвестно кому и неизвестно кем завезенного, что было заготовлено и много перевязочного материала. Этого оратора (Дзагоева) поддержали министр внутренних дел и другие товарищи, утверждая, что сегодня правят неправедный бал руководители автотранспортного предприятия и их негативные действия направлены на дестабилизацию обстановки.

Чтобы ни у кого не было сомнений относительно того, чем мы занимались, хочу подтвердить, что в самое пиковое время этих кризисов мы не сорвали ни одного рейса по перевозке хлеба, муки и по ввозу и вывозу грузов железной дороги.

Мы вчера провели пресс-конференцию, на которую пригласили представителей радио, телевидения и республиканских газет, т.е. газет Верховного Совета, а также представителей МВД, Президента, однако большинство из приглашенных не явилось. На пресс-конференции мы наглядно показали, какие материалы у нас есть.

У нас работает группа конверсии, которая закупает различные материалы, перечень этих материалов мы объявили еще в августе того года. в республиканской печати. В трех газетах было объявление о том, что у нас есть на складах, что кому мы продаем и что обмениваем.

Что это за материалы? Это – спецкостюмы, которые в воинских частях, по заключению генерала Андросюка, возглавляющего у нас группу конверсии, никогда не были использованы. Эти костюмы были сшиты во время вьетнамской войны для поставки во Вьетнам. Они все 44 – 46 размеров, поэтому не подошли нашим слесарям, а теперь реализуются на сторону. В перечень остальных товаров входят сапоги, малогабаритные электростанции, моторные бетономешалки, пост техобслуживания, «Уралы», кран-балки, провода, кабель, краска и т.д. А медкомплект, который газетами назван перевязочным материалом, состоит из влагопоглощающих простыней разового пользования, хирургических, акушерских и, извините, женских гинекологических салфеток, туалетной бумаги и т.д. Вот и все, что посчитали стратегическим оборудованием и материалами, которые подрывают обстановку.

Видимо, министр внутренних дел, поняв, что его подчиненные подвели, дав не те данные, и обвинить нас будет очень сложно, 7 октября для осуществления дополнительной проверки закрыл три склада предприятия.

Я заверяю вас о том, что никаких действий по оказанию помощи вооруженным формированиям мы не оказывали и не оказываем... Мы желаем министру Шогенову успехов в его деле...

Удивляет меня вот какой факт. Представьте себе, я никогда не встречался с министром Шогеновым, никогда с ним не разговаривал, я его видел только здесь, на этой трибуне, или на экране телевизора. Я никогда с ним даже по телефону не разговаривал. Если он хотел выяснить что-нибудь у меня, он мог бы это сделать...

К сказанному я вот что еще хочу добавить. Представьте себе, что Тишков, который здесь был и которого я никогда не видел, вот этот Госкомнац, с которым никогда не имел встречи и даже телефонного разговора, уезжает в Москву и делает заключение о том, что Хараев тоже участвует в дестабилизации обстановки. У меня, как и у вас у всех, достаточно гражданского мужества, чтобы заявить о своей позиции там, где это нужно.

Это к сведению тех, кто распространяет слухи (наверное, они имеют место и в Парламенте): у меня с Президентом и Председателем Верховного Совета самые нормальные отношения, и это не мешает мне высказывать и иметь свою позицию по каким-то определенным вопросам.

В заключение я хотел бы вот что сказать. Чтобы такие вещи не повторялись, чтобы мысль Президента о том, что в конце концов надо создавать нам правовые методы работы в республике (я говорю с позиции, занятой депутатами Российской Федерации, а мы категорически против каких-либо вооруженных конфликтов), я прошу парламентского расследования и хотел бы, чтобы вы мое заявление рассмотрели как депутатский запрос.

Я прошу парламентского расследования относительно заявления министра Шогенова, которое оскорбило наш многотысячный коллектив, и также относительно заявления Тишкова, которое он сделал в политическом обозрении 6 октября в 14 час. 10 мин. Хочу передать заявление многотысячного трудового коллектива о том, что если в трехнедельный срок не последуют извинения за лживое обвинение автотранспортников в

пособничестве вооруженным конфликтам, то за ними остаются те действия, которые имел в виду т. Шогенов.

М.А.Хачетлов:Уважаемые народные депутаты! В сложное время мы с вами собрались. Безусловно, это положение обязывает проведения хотя бы минимального анализа предыдущего периода времени, за которым последовали вот эти драматические события.

Уже во второй половине сентября стало очевидным, что события в Абхазии развиваются не по тому сценарию, который был разыгран некоторыми политиками России и Северо-Кавказского региона. К этому времени абхазцы имели твердое военно-политическое положение. Несмотря на яростное сопротивление некоторых определенных политических сил в нашем регионе, добровольческие формирования Конфедерации горских народов оказали эффективную военную помощь Абхазии, и абхазский народ был спасен от физического уничтожения. События эти воспринялись народами Северного Кавказа с огромным удовлетворением. Общественно-политическая ситуация в нашем регионе, в том числе в Кабардино-Балкарии, стала стабилизироваться, о чем свидетельствовали итоги работы последней сессии Верховного Совета нашей республики, которая завершилась, как утверждало большинство депутатов, на ноте консолидации различных общественно-политических сил.

Однако такой ход политических событий, когда некоторые оппозиционные силы, в том числе и Конгресс кабардинского народа, стали играть заметную позитивную роль в общественно-политическом раскладе сил, ни в коей мере не устраивал определенные круги в нашей республике. Им обязательно надо было разыграть акт, создать ситуацию для дискредитации ККН и всего кабардинского национально-демократического движения, даже ценой серьезной дестабилизации политической ситуации в республике. Таким актом явился никем не спровоцированный арест Юрия Шанибова.

Вы, депутаты, наверное, помните, как форсированно заканчивали последнюю сессию, снимая с обсуждения один за другим важные, с точки зрения формирования повестки дня, вопросы. Мы закончили работу 22 сентября поздновечером. Но уже в тот вечер многие знали, что следователь прокуратуры Российской Федерации Савин находится в Нальчике с наручниками для Юрия Шанибова.

Уважаемые народные депутаты, из-за тщательно организованной информационной блокады, подобие которой трудно отыскать во всем Содружестве Независимых Государств, большинство из вас не знает, как фактически развивались эти драматические события начиная с 23 сентября. Правда заключается в следующем.

23 сентября в кабинете министра Шогенова Юрия Шанибова арестовывает группа следователей во главе с начальником отдела следственного управления прокуратуры Российской Федерации Р. С. Савиным. Об аресте Шанибова ККН сообщает его дочь, которая, вырвавшись из рук оперативников МВД, прыгает со второго этажа своей квартиры.

На многократные телефонные и очные запросы народного депутата КБР тхамады «Адыгэ Хасэ» Заура Налоева министр Шогенов и другие руководители правоохранительных органов в течение нескольких часов отрицали факт ареста Шанибова. И в конечном итоге об этом сообщил следователь Савин.

Часто возникает вопрос: знали ли руководители республики, в том числе Президент, об аресте Шанибова? Во всяком случае, обсуждение работы МВД 22 сентября в Верховном Совете показало, что Хачим Шогенов не настолько самостоятельный руководитель, чтобы взять на себя такую ответственность, политические последствия которой явились буквально взрывчаткой в дестабилизации обстановки в республике.

При встрече с Президентом в тот же вечер мы, трое народных депутатов, обратили его внимание на то, что, несмотря на неоднородное отношение властных структур и различных общественных сил к деятельности Шанибова, его сторонники в нашем регионе составляют сотни тысяч людей. И с учетом этого факта необходимо принять срочные меры с целью изменения меры пресечения Шанибову. К сожалению, как показали последующие события, оперативно в этом направлении мало что было сделано.

Весть об аресте Шанибова всколыхнула десятки тысяч людей. 23 сентября во дворе, где живет Шанибов, собралось более тысячи человек. Они заблокировали насильственный обыск квартиры Шанибова, хотя для этих целей было привлечено более 100 гвардейцев местного батальона милиции.

Всю ночь, с 23 на 24 сентября, не смолкали телефоны в ККН. Ночью приезжали десятки и сотни людей со всех концов республики.

Этой ночью ККН и «Адыгэ Хасэ» предпринимают ряд шагов для налаживания контактов с руководителями правоохранительных органов. Мы вновь встречались с министрами Новодничим и Шогеновым, следователем Савиным после полуночи. Была достигнута договоренность об организации встречи народных депутатов Тлянчева, Шокуева с Шанибовым. Но слово свое они не сдержали. Обман, начатый с первых минут ареста Шанибова, продолжался и в последующее время, к сожалению, продолжается и по сей день.

В условиях массового недовольства арестом Шанибова не только в нашей республике, но и во всем Северо-Кавказском регионе Исполком ККН и президиум «Адыгэ Хасэ» принимают решение об организации широкомасштабной кампании по освобождению Юрия Шанибова. 25 сентября начинается бессрочный митинг у Дома Советов. Практически ни 25, ни 26 сентября никто из высшего руководства республики и правоохранительных органов не делает попытки организации диалога с митингующими. Наоборот, стремление налаживания подобного контакта со стороны митингующих наталкивается на холодный отказ. Митингующие требуют объективного объяснения сложившейся ситуации населению республики, предоставления ККН эфирного времени. С такой просьбой Заур Налоев обращался в соответствующие инстанции по несколько раз в день – 23 – 24 сентября. Ему в этом было отказано.

26 сентября, вечером, в пикетирующую многочисленную группу людей у здания республиканского телевидения с огромной скоростью врывается боевой бронетранспортер, открывает огонь вверх, переезжает через тело одного демонстранта.

Возможные трагические последствия этой провокации, организованной ОМОНом, предотвращаются благодаря личному вмешательству Заура Налоева и Юрия Калмыкова. В тот же вечер Президент при очной встрече дает слово Калмыкову предоставить ему на следующий день эфирное время.

Утром 27-го мы с горечью узнаем, что в г. Нальчике введено чрезвычайное положение. Безусловно, история даст оценку тем политическим авантюристам, которые толкнули Президента на такой необдуманный драматический шаг.

Несмотря на жесткие условия чрезвычайного положения, 27 сентября тысячи и тысячи людей собрались, чтобы выразить свой гнев на главной

площади республики. Примерно в 12.30 они прорывают полицейский кордон и появляются на площади.

Против мирно митингующих пускают в ход взрывпакеты со слезоточивым газом, по ним открывают огонь из автоматов и пулеметов. Происходит столкновение безоружных митингующих с хорошо экипированным ОМОНом. В результате выстрелом из боевого оружия убита гражданка Апикова, в теле участника митинга – гражданина Хасанова до сих пор находится боевая пуля, ранено еще пять митингующих.

В этом эпизоде удивляет то обстоятельство, что, выступая вечером 27 сентября, Президент предрешил исход будущего следствия по факту убийства Апиковой, утверждая, что женщина убита выстрелом из толпы.

Переговоры между представителями руководства республики, с одной стороны, и руководством ККН и «Адыгэ Хасэ», с другой, начались 27 сентября примерно в 15.00 часов. При этом в качестве положительного встречного шага официальными лицами было сказано, что Шанибов освобожден, но неизвестно, где он находится.

Переговоры шли трудно, порою жестко, со стороны властей в нем участвовали разные лица, в том числе несколько генералов. Но в конечном итоге после полуночи с 27 на 28 сентября с участием Калмыкова и Налоева, с одной стороны, Президента Кокова и Председателя Верховного Совета Кармокова, с другой, была достигнута договоренность о нижеследующем:

1. Приостанавливается действие чрезвычайного положения в г. Нальчике.
2. Принимаются действенные меры с целью изменения меры пресечения Шанибова.
3. Военизированные формирования из других регионов выводятся из КБР в течение одного месяца.
4. ККН предоставляется эфирное время, не менее чем один раз в неделю.

Впоследствии ни один из этих пунктов не был выполнен.

Указ о приостановлении действия чрезвычайного положения за подписью Президента мы получили без обозначения начала его действия. Его вообще не опубликовали. И дальнейшая судьба этого Указа нам неизвестна. Шанибова, как оказалось, никто не освобождал. Он просто сбежал. Никто до сих пор не собирается изменить его меру пресечения.

Легковесное отношение руководства республики к выполнению взятых на себя обязательств породило дальнейшее усиление напряженности среди митингующих, которые требовали доказательств выполнения достигнутых соглашений и стали формулировать дополнительные требования.

Я не буду загружать ваше внимание хроникой дальнейших переговоров. Большинство участников переговоров хорошо помнят эти эпизоды. Но хочу заметить следующее. Была достигнута договоренность о подписании Президентом КБР Коковым и Председателем ККН Калмыковым протокола соглашения по целому ряду вопросов, по одному из которых не была достигнута договоренность. И это также было отражено в согласованном проекте протокола.

Справедливости ради надо сказать, что подписание этого протокола было отложено по нашей инициативе на более позднее время. Это было 30 сентября. Но в последующие дни позиция руководства республики резко изменилась, и, несмотря на нашу готовность подписать протокол в первоначальном согласованном варианте, нам уже наотрез было отказано. Нам было предложено передать руководству республики резолюцию митинга для последующего рассмотрения. При этом за подпись товарищей Кокова и Кармокова митингующим передано обращение, в котором давалась гарантия безусловного выполнения достигнутых соглашений. После оглашения этого письма митинг удалось распустить. К сожалению, несмотря на наши неоднократные просьбы, это обращение также не было предано гласности. Как я сегодня в начале заседания сказал, прошу текст обращения размножить в качестве официального документа. Думаю, что сделано специально с целью в очередной раз уйти от выполнения взятых на себя обязательств.

Уважаемые депутаты! Хотел бы также обратить ваше внимание еще на два момента.

Первый. Арест Шанибова в различных руководящих кругах и политических движениях России встречен неоднозначно. Об этом свидетельствуют выступления по нашему телевидению министра Тишкова, зам. Председателя Верховного Совета России Ярова и других официальных лиц. О том, что арест Шанибова является не просто уголовно-процессуальным актом, как утверждает депутат-юрист Маиров, а прежде всего политическим, свидетельствует тот факт, что прокуратуре Российской Федерации не удалось разместить Юрия Шанибова в камере

предварительного заключения ни в Пятигорске, ни в Ессентуках, ни в Невинномысске, ни в Ростове-на-Дону.

Второй. В неприкрытой, разнужданной клевете на цели и задачи митинга по освобождению Шанибова прослеживается четкая линия – стремление отказа официальных властей от выполнения достигнутых соглашений, более того, раздаются голоса, что будто бы никто ничего не обещал. Например, вице-президент Губин такое утверждал на собрании офицеров МВД. Товарищ Губин, я не рекомендовал бы делать такое заявление, т.к. вы никогда и нигде в улаживании этого конфликта не участвовали.

И вообще, посмотрите на экраны телевизоров. Кто выступает с оценкой проишедших событий, кто хочет дать оценку деятельности ККН? Это лица, которых в помине не было на площади, тем более не участвовавшие в переговорном процессе, многим из которых совершенно безразлична судьба Шанибова.

В заключение хочу внести предложение о том, что в целях дальнейшей стабилизации общественно-политической ситуации в республике в нашем постановлении должен быть предусмотрен момент необходимости обязательного выполнения согласованных пунктов протокольного соглашения между руководством республики, с одной стороны, и руководством ККН и «Адыгэ Хасэ», с другой.

Спасибо за внимание.

По итогам работы сессии Верховным Советом было принято постановление «О конгрессе кабардинского народа» и «Об общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике». В постановлениях повторялись все тезисы из доклада Президента Кокова по обвинению Конгресса кабардинского народа во всех политических грехах, в том числе его исполкома в антиконституционной деятельности. Содержание постановлений по своей сути носило явно антинародный, антидемократический, антикабардинский и, можно утверждать, антибалкарский характер. Эти постановления в действительности явились официальным документом по дезавуированию решений съездов балкарского и кабардинского народов об образовании суверенной Республики Балкария и восстановления Кабардинской Республики, хотя руководство республики в

то время еще не решалось об этом открыто заявить.

Последствия антинародных, антиправных действий властей КБР в период проведения республиканского митинга в защиту незаконно арестованного Шанибова, а также постановления Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики от 9 октября 1992 года «О Конгрессе кабардинского народа» и «Об общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике» имели серьезный общественно-политический резонанс не только в Кабардино-Балкарии, но и в немалом объеме в масштабах Российской Федерации.

Во-первых, прокурор КБР Э. Денисов по указанию Верховного Совета республики затеял тяжбу о необходимости судебного признания деятельности исполкома Конгресса кабардинского народа антиконституционной. Чрезвычайные старания, проявленные прокурором Денисовым по этому делу по требованию руководства республики, на всех судебных инстанциях потерпели фиаско, поскольку сам иск к исполкому ККН был антizаконным. Выше мы отмечали, какие отказные судебные вердикты принимали суды разных уровней, в том числе Верховный Суд РФ, против неправовых намерений прокурора КБР Э. Денисова в отношении ККН.

Во-вторых, руководство КБР, начиная с первых дней октября почти до конца месяца, вело широкомасштабную агитационную пропаганду на всей территории республики с одной единственной целью – во что бы то ни стало добиться максимальной дискредитации Конгресса кабардинского народа, его исполкома и руководителей. Все виды средств массовой информации были максимально мобилизованы для реализации запланированных руководством республики намерений. Ежедневно в разных трудовых коллективах, организациях проводились управляемые собрания, где, как правило, принимали резолюции в угоду руководителям КБР и, естественно, с осуждением деятельности Конгресса кабардинского народа. Но одно дело, когда на этих собраниях голосуют за резолюцию, заранее подготовленную каким-то бывшим секретарем парткома этого предприятия или организации. И совершенно другая картина вырисовывается, когда при рассмотрении ситуации политического кризиса, имевшего место в КБР в конце сентября 1992 года, на собрании трудового коллектива возникает желание участников собрания выяснить суть, правду о целях республиканского митинга. Нечто

подобное происходило в КБГУ во время встречи с его коллективом Президента КБР Валерия Кокова.

Пересказывать ход встречи Президента со студентами и профессорско-преподавательским коллективом КБГУ нет смысла. Ниже приводится соответствующая статья газеты «Нарт» от 5 октября 1992 года, подробно излагающая характер прохождения этого мероприятия.

ВЗРЫВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Не думаю, что название этой корреспонденции, хотя бы в малой степени отражает то, что произошло в прошедший четверг в Кабардино-Балкарском университете. Сюда, на собрание преподавателей и студентов, где стоял вопрос об общественно-политической ситуации в республике, направился Президент КБР Валерий Коков, конечно же, с работниками телевидения.

Но не «пошел» на собрании уже разработанный сценарий. Мощный интеллектуальный пласт КБР высказал прямо свое мнение о происходящих событиях, о роли в них Президента республики.

Своеобразный тон собранию задал юноша, студент Мурат Гукепшоков. Его выступление можно было бы квалифицировать как мнение максималиста, когда он сожалел, что был лидером борьбы за президентство Кокова, когда говорил о величайшей чистоплотности и порядочности председателя ККН Юрия Калмыкова, когда обвинял в преступлениях против собственного народа первого и адресовал слова признания и уважения второму.

Вслед за студентом на трибуну начали выходить убеленные сединами профессора и только что вступившие в науку молодые люди. Речь каждого была откровением, и она не оставляла сомнения в неправедности массированного формирования антиконгрессского мнения в сознаниях людей, далеких от политических организаций и течений, в сознании обывателя.

Прямолинейный, нелицеприятный разговор ни в коей мере не соответствовал информационному фарсу во всей официальной прессе о великой любви к Президенту и о ненависти и презрении всех и вся к Конгрессу кабардинского народа, «Адыгэ Хасэ» и их лидерам.

Поддержали деятельность Конгресса, признали его работу положительной в плане помощи Абхазии, освобождения Ю. Шанибова, в подходе к решению общенациональных вопросов и в то же время проанализировали, осудили политику Президента и Правительства, их роль в нестабильной общественно-политической ситуации профессор, декан историко-юридического факультета Хачим Медалиев, заведующий кафедрой физической химии доцент Газали Шурдумов, доцент кафедры кабардинского языка Ахмедхан Налоев, профессор, зав. кафедрой физики Хазретали Хаконов и многие другие. Выступавшие осудили политику Правительства КБР, Президента, посмевшего открыть огонь по собственному народу, высказали негодование по поводу попыток скомпрометировать лидеров Конгресса, особенно Юрия Шанибова.

Ораторы требовали прекратить судебное преследование Юрия Шанибова, добровольцев Абхазии, которые не совершили никакого преступления, а проявили мужество и героизм при защите наших братьев.

Единодушными были требования участников собрания прекратить травлю неугодных Президенту людей, подачу лживых публикаций в средствах массовой информации, предоставить эфирное время тем организациям и течениям, которые являются виновниками дестабилизации обстановки в республике.

Отвечая на вопросы участников собрания, Президент допускал неточности. Но, к сожалению, неправда у некоторых руководителей республики стала нормой в управлении делами собственного народа. Выступавшие, конечно, не преминули напомнить о лжи, связанной с убийством женщины- матери Мариты Апиковой на площади боевиками из «Президентского дворца».

Из обращения, которое принято на собрании, участники собрания потребовали выбросить ту часть, в которой была попытка очередной раз скомпрометировать Конгресс кабардинского народа и его лидеров.

В газете «Хасэ» от 17 ноября 1992 года опубликовано открытое письмо 96 профессоров, доцентов, преподавателей и ученых КБГУ, КБАИ и КБНИИ к двум кабардинским руководителям республики В. Кокову и Х. Кармокову в связи с состоявшимся в г. Нальчике республиканским митингом в защиту Юрия Шанибова. Читатель может оценить, какое глубокое беспокойство и душевную боль выражают почти 100 самых образованных кабардинцев (и не

только) республики за судьбу своего народа, за справедливость, за будущее молодого поколения. Их многогранная, глубокомысленная объективная оценка деятельности властей республики, их однозначная поддержка той политики, которую в то время проводил Конгресс кабардинского народа, дорогостоящая.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ПРЕЗИДЕНТУ КБР В.М.КОКОВУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВС КБР Т. КАРМОКОВУ

Мы обращаемся к вам движимые желанием разобраться в истинных причинах организации республиканского митинга перед Домом Советов и озабоченные той атмосферой, которая нагнетается вокруг законно избранного органа – Конгресса кабардинского народа, травлей его лидеров.

Из ваших указов, выступлений, телеинтервью, а также ряда сообщений МВД население получило «насыщенную» информацию о событиях с 24 сентября по 4 октября 1992 г. на главной площади г. Нальчика. Но тенденциозная направленность информации, замалчивание многое из цепи событий, неприкрытая фальсификация фактов вызывает у нас чувство безысходности в реализации курса, взятого на Съезде кабардинского народа по национальному и культурному возрождению.

Недостаточно объективная, усеченная информация, которая обрушивается на зрителя и читателя в республике, направлена не только на дискредитацию ККН и его лидеров, но и на унижение чести и достоинства всего кабардинского народа. Решения же Верховного Совета КБР, основанные не на глубоком анализе объективных и субъективных причин недовольства народа, а на эмоциональном восприятии и односторонней оценке уже прошедшего, вызывают у нас разочарование и сожаление. Мы ожидали от законодательного органа более взвешенных решений, которые могли бы привести к сотрудничеству со всеми национальными движениями с целью достижения мира и стабильности в обществе.

Исполнительные органы власти и официальная пресса, нарушая Закон о печати, право граждан на объективную информацию, больше способствуют обострению и углублению межнациональных противоречий в республике. Чрезмерное усилие некоторых авторов в безосновательной критике и избиении Конгресса кабардинского народа не делает чести не только им самим, но и народам, к которым они принадлежат.

Непонятно, почему правоохранительные органы республики больше занимаются политикой, а не своими прямыми профессиональными обязанностями. А организаторам «парада» собраний трудовых коллективов в поддержке курса руководителей республики пора, наконец, понять, что сейчас на дворе не тридцатые годы, когда репрессивными мерами национальное самосознание людей было сдавлено до уровня первобытного

человека.

Нельзя до бесконечности эксплуатировать сознание людей и злоупотреблять их доверием, заказывая обществу партитуру на свои ноты для коллективного исполнения.

При кажущейся гармонии исполнителей такое идеальное звучание тем не менее не может не насторожить здравомыслящих, хотя мы ни в коей мере не против гармонии в обществе в целом, отнюдь, не кажущейся, а действительной.

Если вы желаете рассеять наши сомнения, если уважаете право граждан на полную и достоверную информацию, если не на словах, а на деле хотите, чтобы люди знали правду, то представьте возможность представителям ККН и Адыгэ Хасэ информировать народ о своей деятельности регулярно. Представление эфирного времени на постоянной основе ККН, Адыгэ Хасэ, НСБН, Тере должно стать нормой общественно-политической жизни республики. Затягивание решения этого требования может усилить не только подозрения к руководству республики в нежелании обеспечить мир в нашем доме, но и вызвать полное недоверие к нему, т.е. возьмет обратный эффект, как это было с необдуманным арестом лидера КГНК Ю. Шанибова.

Хочется обратить ваше внимание и на то, что вопреки обещаниям не преследовать участников митинга, не совершивших уголовного преступления, в следственном изоляторе содержится ряд лиц в чисто репрессивных целях. Это обстоятельство и наличие в республике значительного контингента ВВ Российской Армии, на наш взгляд, отнюдь не является стабилизирующим фактором.

Профессор КБГУ Хаконов Х.Б., профессор КБГУ Шаов М.Т., профессор КБГУ Мамбетов Г.Х. , профессор КБАИ Кушхов Х.Т., зав.сектором КБНИИ Гутов А.М., старший научный сотрудник КБНИИ Шамеев А.М., старший научный сотрудник КБНИИ Кажаров В.Х., доцент КБГУ Дохунов Г.Т., доцент КБГУ Калмыков Ж.А., доцент КБГУ Шурдумов Г.К., доцент КБГУ Хубиев Б.Б., ст. преподаватель КБГУ Хачуев И.Э., Доцент КБАИ Чапаев Б.А., доцент КБАИ Жилов Б.М., доцент КБГУ Джанибеков Х.С., доцент КБГУ Эльмесов Р.М., доцент КБГУ Черкесов Б.Х., доцент КБГУ Керефов Б.М., доцент КБГУ Абрегов М.Х.

Всего 96 подписей преподавателей и научных сотрудников КБГУ, КБАИ, КБНИИ.

От авторов:

Идея обращения с открытым письмом к Президенту КБР В.М.Кокову и Председателю Верховного Совета Х.М.Кармокову родилась в научно-педагогической среде КБГУ, КБАИ, КБНИИ вскоре после республиканского многодневного митинга у Дома Советов. Текст

письма был готов в ходе очередного парада собраний трудовых коллективов по поддержке официальных органов власти.

С просьбой опубликовать это письмо мы обратились в редакции «Кабардино-Балкарская правда» и «Адыгэ псальэ». Однако Тазал Машуков отказался сделать это, сославшись на то, что в КБГУ уже состоялось собрание трудового коллектива, где это письмо следовало бы передать Президенту Кокову В.М., тем самым он дал понять, что публикация подобных писем, как наше, не предусматривается в правительственном сценарии по организации «единодушной поддержки курса руководства республики».

Наши напоминания о том, что газета «КБП» содержится за счет налогоплательщиков республики, что большинство авторов письма являются подписчиками «КБП» и что они имеют право выразить свое отношение к деятельности органов власти и средств массовой информации на страницах своей газеты, положительных результатов не дали.

После завершения острого политического кризиса, имевшего место в КБР в связи с организацией в конце сентября 1992 года в Нальчике республиканского митинга в знак протеста против ареста Ю. Шанибова, руководство республики резко повысило уровень манипулирования решениями Верховного Совета республики в целях реализации своих планов по ужесточению контроля за деятельностью ряда национальных общественных объединений в КБР.

Во-первых, власти стали инициировать вопрос об отмене решения Верховного Совета республики о досрочных выборах республиканского Парламента нового состава, ссылаясь на то, что в скором будущем в соответствии с решениями съездов балкарского и кабардинского народов должно состояться формирование высших законодательных органов Республики Балкария и Кабардинской Республики. При этом из высших властей КБР (Президент, Верховный Совет, Кабинет Министров) никто палец о палец не ударил, чтобы хотя бы начать реализацию решений съездов балкарского и кабардинского народов. Фактически этого они не хотели. Но повод был. И этим поводом власть воспользовалась – Верховный Совет отменил ранее принятое решение о досрочном проведении новых выборов в Верховный Совет Кабардино-Балкарии.

Во-вторых, известно, что с целью реализации решений съездов кабардинского и балкарского народов Верховным Советом КБР была создана

смешанная комиссия, одной из основных задач которой являлось определение согласованных этнических границ между Кабардой и Балкарией.

Надо сказать, что работа комиссии с самого ее начала приобрела спорный, проблемный характер. Позиции кабардинских и балкарских членов комиссии по этническим границам будущих самостоятельных республик расходились серьезным образом. Собственно, никто и не предполагал, что проблема границ будет иметь легкое, быстрое решение. Тем не менее при благожелательном подходе к этой проблеме Конгресса кабардинского народа, Национального совета Балкарии и властей КБР можно было ожидать положительного исхода работы смешанной комиссии. Но власти КБР самоустранились от участия в работе комиссии в какой-либо форме. Более того, руководство КБР в неприкрытой форме стало обозначать позицию противления образованию суверенной Республики Балкарья и восстановлению Кабардинской Республики.

В результате еще 19 мая 1992 года Верховным Советом КБР (конечно, с одобрения Президента республики) принимается постановление, предусматривающее установление моратория на проведение съездов народов по вопросам национально-государственного переустройства республики. Срок действия постановления был поставлен в зависимость от времени выяснения смешанной комиссией возможности определения согласованных этнических границ.

Впоследствии после драматических событий 1992 года власти республики, несмотря на их проигрыш в судебном разбирательстве против ККН на заседании Верховного Суда РФ, целенаправленно, системно, беспрестанно создавали невыносимые условия для дальнейшей деятельности Конгресса кабардинского народа. В конечном итоге с помощью мощного антизаконного давления через административные ресурсы на новое руководство ККН высшим властям КБР удалось добиться прекращения деятельности Конгресса кабардинского народа.

Убедившись в том, что при постоянно создаваемых властями республики жестких условиях ККН уже не будет возможности реализовывать цели и задачи, предусмотренные решениями съездов кабардинского народа, Ю. Калмыков, З. Налоев, Ж. Губачиков и некоторые другие лица, в том числе и я, вышли из состава членов исполкома Конгресса

кабардинского народа.

В-третьих, хотя после таких собраний, как было в КБГУ, после публикации открытого письма почти 100 ученых характер политики руководства КБР по отношению к Конгрессу кабардинского народа не претерпел никаких изменений, но объективно симпатии основной массы населения республики оставались на стороне Конгресса кабардинского народа. Об этом свидетельствуют социологические исследования, организованные в то время малым научно-производственным предприятием «СКЛЯР» КБГУ.

На вопрос: «Считаете ли вы необходимым восстановление государственности Кабарды» – положительно ответили 73,1 % опрошенных в Баксанском, Чегемском, Терском, Советском, Прохладненском районах и в г. Нальчике (в других районах опросы не проводились). На вопрос: «Правильно ли создание Конгресса кабардинского народа?» – положительно ответили 73,36 % опрошенных. По уровню доверия Калмыков получил 63,7 % голосов опрошенных против 17,95 %, доверяющих политике Валерия Кокова.

В-четвертых, в связи с обращением представителей Конгресса кабардинского народа с жалобой, а также обращением собрания адыгских женщин КБР о незаконном преследовании членов и сторонников ККН в Нальчике с 1-го по 7 ноября 1992 года работала комиссия Комитета по правам человека Верховного Совета Российской Федерации.

В своем отчете комиссия отмечает, что организации и лица, обратившиеся с жалобой в Комитет по правам человека, подчеркивают:

– тенденциозность органов власти КБР, желающих возложить ответственность за противоправные действия в указанный период на руководство ККН. В этой связи они указывают на бездоказательные, предваряющие судебные решения обвинения в адрес ККН, звучащие в решениях ВС КБР, публичных заявлениях руководства МВД республики, передачах по телевидению. Они жалуются на незаконный обыск, проведенный в помещении Дворца культуры строителей, произвольную приостановку органами МВД законных денежных операций, производимых коммерческими структурами по поручению исполкома ККН. Они отмечают избирательность произведенных арестов, сделанных с упором на тех, кто связан тем или иным образом с ККН, что создает подозрения в проведении массовых репрессий против мирных участников митинга и добровольцев-

участников войны в Абхазии.

Они указывают на жестокое обращение, дурное содержание и несоблюдение прав задержанных и арестованных, в частности, в связи с массовым неповиновением заключенных следственного изолятора.

Они требуют наказания виновных в недостаточно мотивированном открытии огня по толпе, приведшей к человеческим жертвам:

- на видеозаписи, сделанной оператором ККН, республиканским телевидением, органы безопасности не обнаруживают явно вооруженных людей среди митингующих;
- в течение митинга и после него правоохранительными органами республики произведены задержания вооруженных лиц вне мест массовых действий людей;
- избирательность со стороны МВД КБР при процедурах ареста несомненна. Ряд задержанных лиц освобождены, несмотря на обнаружение у них оружия (потому как не устанавливалась их связь с ККН. – *Авт.*). Например, был освобожден некто Батчаев, хотя его задержали с оружием. В то же время водитель Барагунов, ранее не судимый, невооруженный, был арестован за то, что его пассажиром оказался вооруженный В. У. Сосранов.

Комиссия, в свою очередь, поддерживает ходатайство адвоката Сосранова, которое должно быть подано с приложением медицинских документов в том, что по состоянию здоровья он не может содержаться в условиях следственного изолятора.

В. Сосранов – участник военных событий в Абхазии. При задержании у него оказалось табельное оружие – автомат и пистолет, выданные ему на законном основании властями Абхазии, гражданство которой он имел. Между тем на территории РФ продолжают действовать законы и установления бывшего СССР в части, не противоречащей законам и установлениям РФ или не отмененной соответствующими органами Российской Федерации. Согласно порядку, существовавшему в СССР, разрешающие документы на оружие, выданные в Абхазии, имели силу на всей территории СССР. Если нет акта об изменении этого порядка, ношение оружия Сосрановым на территории КБР является законным и не может быть основанием его содержания под стражей.

Комиссия также отмечает непродуманность, непрофессионализм процедуры задержания Юрия Шанибова, отсутствие прогнозов возможных

политических последствий со стороны прокуратуры РФ и властей КБР имеют место.

По оценке комиссии, после открытия огня из автоматического оружия из здания Дома Советов в сторону площади, где происходил митинг, число участников республиканского митинга увеличилось до 40 тысяч человек.

Далее комиссия считает, что обыск в здании Дворца культуры строителей был произведен под видом поиска якобы подложенного неизвестными злоумышленниками взрывного устройства. При этом производившие обыск работники МВД не пользовались никакими специальными инструментами, не производили эвакуации граждан из здания. Никаких ордеров ни до, ни после обыска не было выписано.

Комиссия находит справедливым замечание следователя Министерства безопасности РФ Н. Щербина, указавшего на то, что при складывающемся распределении труда между следствиями прокуратуры, МВД и МБ остаются вне внимания следствия эпизоды по насильственному пресечению обыска в квартире Шанибова, нападения на телецентр, а также прорыв митингующих к подъезду Дома Советов, так как они не попадают под статью 79 УК о массовых беспорядках в связи с тем, что в этих действиях отсутствуют обязательные для статьи 79 признаки погромов и поджогов.

В выводах комиссии отмечено, что обвинительный уклон в отношении ККН не вызывает сомнения. Он начался в связи с предложенным активистом ККН Шириевым на Втором съезде кабардинского народа проектом постановления, который был категорично отклонен съездом из-за его незаконности и из-за которого по требованию Верховного Совета КБР было возбуждено уголовное производство, в свою очередь прекращенное по постановлению в соответствии с ст. 64 УК, так как в действиях исполкома ККН отсутствовали признаки заговора.

Комиссия также указала, что постановления Верховного Совета от 9 октября 1992 года «О Конгрессе кабардинского народа» и «Об общественно-политической ситуации в КБР», в которых приписали исполкому Конгресса кабардинского народа действия насильственного свержения законной власти, являются, в сущности, внесудебными вердиктами и содержат очевидные передержки.

По мнению комиссии, очевидно, что в целом в части незаконных обвинений властей КБР в целях дискредитации Конгресса кабардинского

народа его (Конгресса) претензии следует считать обоснованными.

В-пятых, по итогам работы комиссии в Кабардино-Балкарии Комитетом Верховного Совета Российской Федерации было принято специальное решение. Ниже приводится полный текст этого документа.

21.12.1992 г.

Р е ш е н и е

Заслушав и обсудив отчет комиссии в составе народных депутатов Российской Федерации А. А. Мостового и А. Е. Шабада, созданной решением Комитета для изучения жалоб о нарушениях прав человека в связи с событиями в Кабардино-Балкарии в период с 24 сентября по 4 октября 1992 года, Комитет по правам человека решил:

1. Отчет комиссии принять к сведению. Комиссии продолжить работу.
2. Обратиться в Конституционный суд с опротестованием постановления Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики от 9 октября 1992 года «О Конгрессе кабардинского народа» и «Об общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике», поскольку в них признается антиконституционной «деятельность исполкома и руководства Конгресса кабардинского народа, ставящая своей целью насилиственное свержение законно избранных органов власти», в то время как правом такого признания обладает лишь Конституционный суд Российской Федерации.
3. Обратиться с запросом в МВД Российской Федерации о наличии акта о признании недействительными на территории Российской Федерации документов, дающих право на ношение и хранение оружия, выданных компетентными органами территорий бывшего СССР, не вошедших в состав Российской Федерации.
4. Обратиться в Прокуратуру Российской Федерации с предложением взять на себя расследование обстоятельств по подозрению в избиении заключенного в СИЗО г. Нальчика В. М. Сосранова. Независимо от результатов этого расследования и не дожидаясь их, предложить Прокуратуре Российской Федерации принять меры к виновным в жестоком обращении с В. М. Сосрановым, выразившемся в длительном исключении медицинской помощи к нему, содержании в камере с условиями, усугубляющими его болезненное состояние.
5. Обратить внимание МВД Российской Федерации на неудовлетворительные условия содержания подследственных в СИЗО г.

Нальчика.

6. Обратиться в Прокуратуру Российской Федерации, МВД Российской Федерации с предложением создать объединенную следственную бригаду для расследования дел, связанных с массовыми нарушениями законности в г. Нальчике в период с 24 сентября по 4 октября 1992 года.

7. Обратиться в прокуратуру Российской Федерации с предложением возбудить производством уголовные дела по факту ненадлежащего применения оружия, повлекшего жертвы 27 сентября 1992 года в г. Нальчике, и по факту вооружения органами МВД Кабардино-Балкарской Республики лиц, не имеющих право на ношение оружия.

8. Обратиться в Прокуратуру Российской Федерации с жалобой на прокурора Кабардино-Балкарии Э. Г. Денисова, незаконно воспрепятствовавшего допуску народных депутатов КБР З. М. Налоева и М. А. Хачетлова в СИЗО г. Нальчика 4 ноября 1992 года.

Председатель Комитета

С. А. Ковалев

—

Читатель может убедиться в том, что в последней резолюции митинга, как и в предыдущих, не содержатся никакие требования, которые каким-то образом можно толковать как антиконституционные. Более того, содержание последней резолюции повторяет ряд обязательств, взятых на себя руководством республики и изложенных в обращении Валерия Кокова и Хачима Кармокова к участникам митинга, которое в принципе послужило основанием для роспуска митинга.

Однако, как мы не однажды убеждались, руководство республики к взятым на себя публично обязательствам в то время относилось с позиции двойных стандартов – можно выполнять, но можно и не выполнять. В действительности так и случилось: большинство пунктов важных мероприятий, содержащихся в обращении к митингующим В. Кокова и Х. Кармокова, так и остались на бумаге, т.е. невыполнеными.

8.6. Досрочное прекращение полномочий депутатов Верховного Совета КБР двенадцатого созыва. Установление в республике авторитарной

системы управления

После известных драматических событий осенью 1993 года в Москве, результатом которых явился распуск Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, а также назначение Указом Президента Б. Ельцина выборов в новый Верховный Совет и всенародного голосования по принятию новой Конституции РФ, Валерий Коков решил оперативно перенять эстафету преобразования политической системы в КБР по подобию действий Президента РФ Б. Ельцина.

В. Коков выступил с инициативой проведения реформы политической системы в КБР, главной идеей которой являлось, как в России, значительное повышение властных полномочий Президента республики. Предлагаемой реформой предусматривались: а) досрочное прекращение полномочий народных депутатов Верховного Совета республики; б) проведение выборов в новый высший законодательный орган республики; в) принятие Конституции КБР в новой редакции.

Против предложений В. Кокова по переустройству политической системы в КБР резко выступил Председатель Верховного Совета республики Хачим Кармоков. И это было ожидаемо, так как при реализации предложенных Коковым политических преобразований в республике в структурах власти для Х. Кармокова какая-нибудь значимая должность отсутствовала.

Подавляющее большинство народных депутатов Верховного Совета, которые ранее всегда единогласно поддерживали политику Кокова и Кармокова, теперь разделились на две группы: первая – сторонники Кокова, и вторая – сторонники Кармокова. Но в конечном итоге В. Кокову удалось добиться того, чтобы по предложенной им политической реформе в республике Верховный Совет принял положительное решение.

После распуска Верховного Совета КБР двенадцатого созыва я перестал заниматься политической деятельностью в какой-либо форме.

Вскоре оперативно были реализованы планы Валерия Кокова по реорганизации политической системы структурирования властных органов республики, итогом которой явилось установление в КБР авторитарной, единоличной власти Президента на долгие 12 лет.

Чем обернулся этот период истории (1993 – 2005) для жизни граждан Кабардино-Балкарии, мы постараемся отметить еще в какой-то степени в

наших «Записках...».

8.7. Заключение

В заключение ко второй части «Записок...» хотел бы обратить внимание читателя на два момента.

Первое.

Некоторые современные историки при отражении в своих трудах эпизодов кризисных событий в КБР в августе – сентябре 1992 года, связанных с грузино-абхазским конфликтом и республиканским митингом в знак протеста против ареста Юрия Шанибова, стремятся скрыть правду от будущих поколений и исказить действительные, правдивые, задокументированные факты, имевшие место в те дни в Кабардино-Балкарии. Так, известный историк Кашиф Унежев в книге «История Кабардино-Балкарской Республики»¹ пишет: «В дни критические грузино-абхазской войны правильную позицию занял Президент республики В. М. Коков... К чести (во время республиканского митинга против ареста Ю. Шанибова. – Авт.) Президента республики В. М. Кокова тогда не была пролита кровь (?), хотя, за исключением Ю. Альтудова, все члены Правительства уговаривали его открыть огонь против митингующих перед Домом Советов КБР. В. М. Коков и его единомышленник Ю. Альтудов проявили

---

¹ Унежев К.Х. История Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат имени Революции 1905 года», 2009.

политическую мудрость и терпимость...». Более вздорной оценки (околесицы) действий руководства республики против митингующих в первой половине дня 27 сентября 1992 года сложно придумать.

Во-первых, к описанию моей и Калмыкова встречи с Президентом Коковым 26 сентября, начало которой я охарактеризовал как напряженное, потребуются уточнения. Фактически дело обстояло таким образом. Когда мы с Калмыковым зашли в кабинет и сели, Коков сразу разразился шквалом обвинений в адрес митингующих, в том числе в том, что они якобы подготовили мощное подпольное вооружение для использования против властей республики (правда, упомянутое вооружение впоследствии никем не было обнаружено). Далее присутствующему в кабинете министру МВД Х.

Шогенову В. Коков дал указание: «Расскажи им, что сделали эти бандиты со зданием телецентра». Шогенов ответил: «На окнах здания не осталось ни одного целого стекла, они разбиты бандитами». Коков, одернув министра повышенным тоном, сказал: «У тебя что, не было автоматов?» При этих словах Юрий Калмыков энергично встали сказал: «Пойдем, Муазин, отсюда, при такой позиции Президента нам не о чем с ним говорить. Я только что был у телецентра и ни одного разбитого стекла там не увидел». При этом Коков вскочил, схватил Калмыкова за локоть и сказал: «Юрий Хамзатович, кхъылэ дызэгъэпсальэ (пожалуйста, давай поговорим)». Сядь обратно, Калмыков обратился к Кокову: «Валерий Мухамедович, силой угроз, тем более применением оружия создавшийся конфликт в республике не решить, надо договариваться». После этого разговор пошел о предоставлении Калмыкову эфирного времени по телевидению. При упомянутой встрече присутствовали министр МВД Х. Шогенов, заместитель прокурора республики Р. Абазов, прокурор Э. Денисов, один из ближайших соратников Кокова, член его команды Х. Сохроков. Каковы были «искренность и мудрость» Кокова, показали события следующего утра.

Во-вторых, вопреки прогрузинской политике Президента России Б. Ельцина, а также «правильной политике» В. Кокова, во всем поддерживавшего Ельцина по событиям грузино-абхазского конфликта, Верховный Совет РСФСР благодаря стараниям депутата Тумова и его единомышленников принял постановление от 22 сентября 1992 года, по которому кардинально была изменена ситуация в войне Грузии против Абхазии в пользу последней. После принятия этого постановления в России появилось мощное движение общественности и важных государственных структур в поддержку справедливой борьбы абхазского народа против грузинской военной агрессии.

В-третьих, вопреки «правильной политике» Кокова и его единомышленников среди ряда руководителей Северного Кавказа добровольческие формирования молодых кабардинцев и других отрядов добровольцев из северокавказских республик обеспечили в конечном итоге военный успех абхазского народа.

В-четвертых, что значит «не пролита кровь». Тогда где и кем убита 27 сентября молодая кабардинская женщина Апикова? Кто открыл шквальный огонь из окон Дома Советов по мирным протестующим гражданам на

площади перед Домом Советов? Кто дал команду стрелять? Кто пригласил во внутрь Дома Советов сотни до зубов вооруженных военнослужащих? Кто незаконно вооружил всех членов Правительства, глав администраций районов и других чиновников аппарата руководства республики автоматами, бронежилетами и гранатами и разместил их по кабинетам Дома Советов? Ведь все это задокументировано специальной комиссией Верховного Совета РФ.

В-пятых, автор этих строк практически каждый день, начиная с 24 сентября до 4 октября, заходил в кабинеты руководства республики. Мы, представители ККН, работали со многими членами команды Кокова (Абазовым, Денисовым, Кетовым, Сохроковым и другими). Среди них я ни разу не видел Ю. Альтудова, а тем более самого Унежева. Мне приходилось участвовать во всех переговорных процессах и в подготовке соответствующих совместных документов об условиях прекращения республиканского митинга.

Книга К. Унежева не просто публичное издание для удовлетворения интересов по различным историческим событиям определенного круга читателей. Она представляет собой учебник для старших классов средней школы. И очень жаль, что то вранье, о котором речь шла выше, будут читать учащиеся образовательных учреждений.

Второе.

В данных «Записках...» я не затрагиваю вопросы, связанные с работой общественной организации «Адыгэ Хасэ» в Кабардино-Балкарии в 1990-е годы. Между тем эта адыгская общественная организация, руководителями (тамадой) которой были такие креативные и преданные своему народу общественные деятели, как Заур Налоев и Валерий Хатажуков, сыграла огромную роль в те годы в вопросах возрождения у кабардинцев таких значимых этнических категорий, как национальное самосознание, уникальная общественная межличностная норма – адыгэ хабзэ, а также в проблемах правдивого толкования драматической истории адыгского этноса XVIII – XIX веков, в решении задачи сохранения родного языка и многих других национальных вопросов.

«Адыгэ Хасэ» в то время, когда ее тамадой был Заур Налоев, явилась одним из инициаторов учреждения Международной Черкесской Ассоциации. Кабардинская «Адыгэ Хасэ» активно занималась установлением связей с

зарубежной адыгской диаспорой в разных странах мира. Она была неизменной участницей республиканских протестных актов (митингов), имевших место в КБР в конце 1980-х годов и в первой половине 1990-х годов.

К сожалению, незабвенный Заур Налоев мало что оставил письменных документов о работе «Адыгэ Хасэ». Я долгие годы был членом Совета «Хасэ». В то же время не счел возможным взять на себя ответственность изложения в данных «Записках...» каких-либо подробных сведений по истории деятельности «Адыгэ Хасэ». Причиной тому является, во-первых, то, что сохранившиеся в моей памяти моменты деятельности «Адыгэ Хасэ» далеко не в полной мере отражают масштаб той многогранной работы этой общественной организации, которая совершилась мною в течение 15 лет. Во-вторых, я не располагаю сколь-нибудь значимым объемом архивных документов по истории деятельности «Адыгэ Хасэ». В-третьих, и это очень важно, к моему удовлетворению, уверен, не только моему, но и к удовлетворению тысячи адыгских патриотов, в настоящее время здравствует и продолжает творить добрые дела один из самых виднейших адыгских общественных деятелей в современном мире, достаточно еще молодой, Валерий Хатажуков, который в свои молодые годы стоял у истоков воссоздания «Адыгэ Хасэ» в Кабарде и последние десять лет функционирования настоящей (!) «Адыгэ Хасэ» являлся ее бессменным тамадой.

Адыгская общественность, его коллеги по работе в «Адыгэ Хасэ», полагаю, вправе рассчитывать на то, что Валерий Хатажуков, не затягивая надолго, обнародует для нас, его современников, для будущих поколений адыгов (черкесов), для истории нашего народа подробности беспрецедентной деятельности общественной организации «Адыгэ Хасэ» в Кабардино-Балкарии в 1980 – 1990-е годы.

Здесь я хотел бы отметить два момента, во многом характеризующие Валерия Хатажукова как незаурядную личность, оставляющую исключительно заметный и важный след в современной истории Кабардино-Балкарии.

Первый – это то, что, несмотря на достаточно приличную разницу в возрасте, Валерий был одним из самых близких друзей (в человеческом плане), единомышленником по мировоззрению, соратником по работе Заура

Налоева и Юрия Калмыкова. Я, как человек, хорошо знавший этих двух мудрейших адыгов, могу сказать, что получить такой статус у них дорого стоило.

Второй – гуманистическая и подвижническая деятельность Валерия Хатажукова, направленная на защиту демократических ценностей, известна не только в Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе, но и в масштабах России, а также в Турции, Сирии, Иордании, в Европе и Америке. Сделанное им заслуживает того, чтобы о нем было написано и более. Хотелось бы, чтобы такая возможность когда-либо мне представилась.